

Кара Колор

Как палитра цветов

*...ведь все цвета по
своему идеальны...*

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Кара Колор
Как палитра цветов

«Автор»

2026

Колор К.

Как палитра цветов / К. Колор — «Автор», 2026

«Как палитра цветов» — это история о взрослении, одиночестве и поиске смысла в мире, где не всегда хватает ярких красок... Жизнь Карины — это сплошные серые будни: ссоры родителей, одиночество и непонимание. Но даже в самой тёмной палитре есть место ярким краскам — дружбе, первой любви и надежде на перемены. Но сможет ли она найти свет внутри себя, когда весь мир кажется бесцветным? Если вы готовы к честному разговору о взрослении, поиске себя и о том, как важно не терять надежду даже в самые трудные моменты — эта история для вас!

© Колор К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	42
Глава 3	77
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Кара Колор

Как палитра цветов

Глава 1

«Даже самая простая вещь несла в себе долю волшебства, но наш мир предпочёл благополучно забыть об этом, довольствуясь бесконечными «серыми» буднями...»

Погода на улице испортилась, и квадраты окон обратились к улице серой стороной, то ли пугая прохожих, то ли уйдя в глубокую, недоступную людям меланхолию пасмурных дней. От этого серого цвета было невозможно спрятаться. Маленькая комната мгновенно пропиталась, нагоняя норные настроения.

Ко всему этому ещё и добавлялись крики родителей и шум разбившихся посуды. Так началось утро у семьи Хванов. Что ж, обычное утро, как и другие. Тишина по утрам была бы здесь чем-то чужеродным. Карина даже не вздрогнула, когда из кухни донеслись привычные крики — лишь плотнее сжала губы у окна. Серый город за стеклом был таким же унылым, как и её настроение. «Господи, когда же это закончится?» — подумала девушка. В носу засвербел запах гари.

— Ожидаемо, — безразлично сказала она.

Она подхватила рюкзак, собранный десять минут назад. Тихо, на цыпочках, выскользнула в коридор. Главное — не привлекать внимания. До входной двери оставалось всего несколько шагов.

— А ну-ка стой! Ты куда это собралась, не позавтракав?

Отец, Хван Инхо, даже не повернул головы от журнала. Просто сидел истуканом в кресле.

— Предлагаешь мне есть горелую мамину стряпню? Ну уж нет, спасибо, обойдусь. — она присела на пуфик, чтобы надеть кеды.

— И тебе доброе утро, — саркастично бросила мать, сметая в кучу осколки фарфора.

— Какое оно вообще доброе? Лишь ваши эти чёртовы скандалы каждое утро...

Карина швырнула рюкзак и кеды на пол. Подошла к раковине, наспех ополоснула руки ледяной водой. Села за стол. Отец впервые за утро отложил журнал и посмотрел на неё. Тяжёлый, давящий взгляд. Она ответила ему тем же — вопросительно и с вызовом.

— Что? — её взгляд был прямым, почти дерзким.

— Думаю, ты забыла, как нужно вести себя с родителями, — голос отца был спокоен, но он не отводил глаз.

— Ты ещё говори, что я несу бред. — она подалась вперёд. — Мне всё это уже надоело. Я сыта по горло вашими вечными спорами и скандалами! С такими темпами у нас вообще в скором времени закончится вся эта фарфоровая посуда! — выпалила она на одном дыхании. — Завидую тем семьям, которые любят и понимают друг друга. Лучше бы я родилась в другой... — голос дрогнул, — ...а лучше бы вообще не появлялась на свет.

Глаза наполнились слезами, но она держалась. Из последних сил. Не тут и не сейчас. В кухне повисло долгое, вязкое молчание. Никто не смел его нарушить. Потому что все знали: это правда. Горькая, уродливая реальность. От неё некуда бежать, когда ты — «плод нелюбви» собственных родителей. Тяжело жить с таким грузом на плечах. А когда родители этого даже не отрицают... Лучше умереть.

— Опять допоздна читала эти свои «дурацкие» книги? — теперь, закончив с подметанием, она положила на тарелку блины. Смена темы была такой же очевидной, как и её попытка загладить вину.

— Мам, сколько раз мне тебе повторять, что книги не бывают дурацкими? — грусть в голосе Карины сменилась злобой. Она сжала ладони в кулаки так, что побелели костяшки.

Отец лишь пожал плечами, встал из-за стола и, не сказав ни слова, ушёл собираться на работу. Мать тем временем поставила тарелку перед дочерью. От одного вида этих чёрствых, подгоревших краёв аппетит, которого и так не было, пропал окончательно.

— А это съедобно? — саркастично спросила Карина.

— Не хочешь? — вопросом на вопрос ответила мама.

Карина криво улыбнулась, переведя взгляд на её уставшее, исхудавшее лицо. На секунду ей стало невыносимо жаль мать, сердце болезненно ёкнуло. Она ненавидела себя за то, как мерзко с ней обращается. Ведь она же старается...

— Прости, я не голодна, — мягко сказала она. — Не хочу есть. Но всё же... спасибо тебе за старания.

— Во сколько придёшь? — тут же перевела тему мама. В её голосе не было ни капли сентиментальности, или же она просто мастерски скрывала свои чувства — этого никогда не поймёшь.

— Не знаю. Зависит от того, сколько будет уроков и дополнительных.

— А почему спрашиваешь?

Карина встала и направилась в коридор обуваться. Мама шагнула за ней по пятам.

— А что, не должна?

Девушка лишь фыркнула и начала завязывать кеды. И тут из комнаты раздался голос отца. Обе женщины обернулись.

— Не могу найти свои документы, которые я вчера принёс, — сказал он, поправляя галстук.

— Они же лежали на тумбочке около дивана, — произнесла мама.

Отец часто заморгал, изображая непонимание.

— Без моей помощи в этом доме никто ничего не умеет, — проворчала она.

Женщина прошла мимо него. Он лишь закатил глаза и посмотрел на дочь.

— Пап, дай деньги, — тут же воспользовалась паузой Карина.

— Зачем? — спросил отец.

Она вздохнула, теряя терпение:

— Ну, знаешь ли... Руководитель просит на фонд класса или что там... Короче, нужны деньги.

— Нету денег.— безразлично ответил.

Он отвернулся, намереваясь уйти в спальню.

— Ну па-а-ап! — потянула она.

— Я же говорю: нету! Зарплату ещё не дали!

Мама протянула ему документы. Он молча выхватил их из её рук, сунул в портфель и захлопнул его.

— Хорошо. Я пошла, — недовольно бросила Карина.

Она открыла входную дверь и вышла в холодный полутёмный подъезд. Несмотря на то что была весна, воздух оставался по-зимнему стылым.

Выйдя на улицу, Карина нахмурилась, глядя в небо. Тяжёлые серые облака затянули его сплошной пеленой, не обещая скорого дождя, но нагнетая тоску. Эта тяжесть в груди — она не понимала, откуда она. Из-за утреннего скандала родителей, которые лаялись как дворовые псы? Или из-за этих матовых облаков, что высасывали из мира все краски, унося мысли во тьму?

Она шла по улицам Сонпа-гу (район в Сеуле), и город казался ей продолжением её настроения. То узкие улочки с рядами одинаковых серых многоэтажек, где пахло жареной курицей и варёной лапшой из круглосуточных кафе, то широкие проспекты, по которым ползли вереницы машин с тусклыми фарами. Сеул дышал сыростью и холодом, и даже весенний воздух казался стылым.

Двадцать минут пешком — и она у школы «Карака» (42 Songi-ro, Songpa District, Сеул, Южная Корея).

Карина не была отличницей в привычном смысле. Её успеваемость была не достижением, а тихим, автоматическим следствием. Учебники предлагали ясные правила и однозначные ответы — редкая роскошь в мире, где всё остальное было сплошной неопределённостью. Поэтому тетради заполнялись ровным, безличным почерком, а в журнале против её фамилии выстраивались безупречные, ничего не значащие отметки.

Её лучшая подруга, Пак Юна, знала её всю жизнь. С пелёнок, с песочницы, с первой ссоры из-за лопатки и первой тайны, прошептанной под одеялом. Их детство было завязано на одном адресе. Один дом, два разных подъезда, несхожие этажи. Юна с её взрывным характером и глазами цвета сочной весенней травы была её противоположностью и продолжением одновременно. Они не были «не разлей вода», они были как правая и левая рука: разные, но невысказанные друг без друга. Юна была тем, кто всегда знал, о чём она молчит.

И сейчас, толкая тяжёлую дверь класса, Карина уже заранее чувствовала на себе тот самый взгляд, зелёный, цепкий, полный немого вопроса. Ещё Юны здесь не было, но её будущий упрёк уже висел в воздухе, тяжёлый и невысказанный. «Почему не позвонила? Почему не позвала?» Карина нарушила их негласное правило, и теперь ей придётся за это отвечать, как только та появится на пороге.

В кабинете было почти пусто. Только трое: двое парней о чём-то вполголоса спорили у окна, а третий сидел за партой, полностью погружённый в музыку из наушников. При её появлении те двое обернулись. Один из них — тот, что повыше — расплылся в широкой улыбке.

— Привет, Карина. Как ты? — голос прозвучал чуть громче обычного, словно говорящий сам не верил в искренность вопроса.

Она выдавила из себя улыбку тонкую, почти незаметную, но достаточную для поддержания разговора.

— Привет. В норме. А ты как? — ответила она, стараясь звучать непринуждённо.

— Как видишь, в полном порядке, — он усмехнулся, но взгляд остался задумчивым. — Кстати... Юна. Она не придёт сегодня? Вы же, как сиамские близнецы, всегда вместе.

Карина закатила глаза, но улыбка тронула уголки губ.

— Всё в порядке, просто я ей не позвонила этим утром. Она, наверное, спит ещё. Или опять читала до рассвета.

— Опять? — парень вскинул бровь. — Она что, бессмертная?

Карина не ответила. Она впервые за день взяла телефон, экран вспыхнул холодным светом и она быстро набрала сообщение:

«Добречко, как ты, родная моя? Не собираешься в школу?» Отправив смс-ку, она подошла к парням.

— А ты как, Джихан? — спросила она, переводя тему.

Он лениво откинулся на спинку стула, даже не пытаясь скрыть скуку.

— Нормас. Акции растут, погода отличная, кофе в столовой отвратительный. Всё как обычно. Или ты ожидала услышать историю о том, как я спасал котёнка?

— Отличная погода? Этот отвратительный, серый день?

Его губы медленно растянулись в хищной улыбке. Он подался чуть вперёд.

— Ты видишь серость, скуку, грязь. А я вижу отсутствие солнца. Отсутствие жары. Отсутствие людей, которым некуда спрятаться от палящих лучей. Для меня это — комфорт. А комфорт — это отличная погода. Или ты предпочитаешь потеть в маршрутке по пути домой?

Карина открыла рот, чтобы ответить, но её прервал звук резко отодвинутого стула из дальнего угла класса.

Мин Юнгёк встал из-за своей парты у окна. Он даже не посмотрел в их сторону, но все трое инстинктивно замолчали. Он прошёл мимо, бросив на стол Джихана скомканный листок бумаги.

— Список акционеров на сегодня, — произнёс он сухо, даже не повернув головы. — И убери эту идиотскую ухмылку с лица. От неё тошнит.

Джихан лениво развернул записку, и его скука мгновенно улетучилась.

Карина же, молча вернулась к своей парте. Усок, пожав плечами, вставил наушник в ухо и побрёл к окну — к своему привычному месту, где мир казался немного тише. В классе повисла тишина, нарушаемая лишь шелестом бумаги.

Джихан пробежал взглядом по строчкам, и его хищная ухмылка окончательно сползла с лица, уступив место сосредоточенному прищурю. Он смял листок в кулаке и небрежно сунул его в карман пиджака. Его взгляд, до этого лениво блуждавший по классу, остановился на Усоке — но смотрел он словно сквозь него, обдумывая что-то своё.

Карина обвела класс привычным, скользящим взглядом.

Пак Джихан. Он сидел так, словно весь мир был его сценой. Богатство не висело на нём безвкусной вывеской — оно было вплетено в манжеты его рубашки, в небрежный наклон головы. Девчонки тянулись к нему, как мотыльки к огню, не замечая, что обжигают крылья, а парни видели в нём пропуск в высшую лигу. Он был магнитом с неправильным полюсом: притягивал и отталкивал одновременно.

Взгляд сместился. Чон Усок. Его место словно излучало тепло. Он не сиял — он светился. Не ослеплял, а согревал. Рядом с ним воздух становился легче, а проблемы — мельче. У него было всё то же, что и у Джихана, но если богатство одного требовало поклонения, то доброта другого предлагала дружбу.

И, наконец, дальний угол у окна. Мин Юнгёк. Он был здесь и одновременно не здесь. Окружённый коконом из музыки, который не пробить ни одному слову. Его молчание не было пустым — оно было плотным, тяжёлым, как свинец. Иногда ей казалось, что в его резких чертах и этом вечном холодном прищуре она видит отражение своего идеала. Но это была опасная иллюзия. Чаще он казался ей странной картиной в музее: смотришь — и вроде всё понятно, но стоит отойти — смысл ускользает, оставляя лишь послевкусие загадки. Что он там слушает? О чём молчит? Она никогда не узнает.

Карина достала учебник географии, но не открыла его. Её пальцы всё ещё помнили холод экрана телефона. Пустой класс постепенно наполнялся голосами и шорохами. Воздух стал плотнее.

Телефон Карины завибрировал. Сообщение от Юны:

«Буду после первого урока».

Она с облегчением выдохнула и села на своё место. Через пять минут вошла учительница географии...

Урок пролетел незаметно, пока Карина блуждала в своих серых облаках.

— Моя душа и впрямь сексуальная... — тихо произнесла она вслух, усмехнувшись. — Стоило взглянуть мне туда, а там сто пятьдесят оттенков серого. — она хихикнула, как сумасшедшая.

— Почему мы тут хихикаем? — раздался знакомый нежный голос.

Только у одного человека хватало сил одним словом вызвать у Карины широкую улыбку.

— О-о-о! Юна! — вскочила она, повернулась и крепко обняла подругу. — Родная! Ты как? Почему тебя не было на первом уроке? Где ты была?

— Стоп, стоп, тормози, — улыбнулась Юна, мягко отстраняясь. — Я в норме. Я была дома, просто поздно заснула и проспала первый урок. Вот и вся история.

Карина поправляя её волосы, с материнской заботой заглянула подруге в глаза:

— Опять книги читала и готовилась к поступлению?

— Нет, не угадала, — Юна помассировала виски, словно пытаясь прогнать остатки головной боли. — На этот раз меня мучила бессонница. Мысли... они просто не давали уснуть.

— Интересно, — протянула Карина, возвращаясь на своё место.

Юна села за парту впереди, а Карина устроилась позади. Не успели они обменяться ещё парой фраз, как в класс вошёл классный руководитель, Сон Ису.

Урок тянулся мучительно долго. Карина смотрела в окно на серую пелену дождя, но её мысли были далеко. Вдруг она почувствовала лёгкий тычок ручкой в спину. Это был Докмун — главный школьный информатор, чьи уши, казалось, были повсюду.

Он наклонился к самому её уху и заговорщически прошептал:

— Слышала? Говорят, у нас в школе грянут перемены. Не просто новая ученица.

Карина чуть повернула голову:

— Что ещё за новости?

Докмун выдержал театральную паузу, наслаждаясь моментом, и продолжил тише:

— Вчера на педсовете обсуждали слияние классов. Из-за недобора в параллели «3-1» их хотят расформировать. Часть учеников переведут к нам в «3-2», а часть — к Ёсу и Саре в «3-3». И знаешь что? Говорят, это напрямую связано с родителями новенькой. Её отец — какой-то крупный инвестор или что-то типа того. В общем, он вложил в ремонт западного крыла школы, а взамен попросил... особые условия для дочери.

Карина нахмурилась. Это была не просто сплетня. Это пахло политикой.

— И что теперь? Нас станет ещё больше?

Докмун пожал плечами:

— Или меньше. Всё зависит от того, как поделят списки. Но одно я знаю точно: спокойная жизнь закончилась.

Карина откинулась на спинку стула. Как только прозвенел звонок, она тут же подошла к Юне.

— Ты не поверишь, что я только что узнала от Докмуна... — начала она, понизив голос до шёпота.

Юна выслушала рассказ Карины, и в её глазах вспыхнул азартный, почти хищный блеск. Она не выглядела обеспокоенной, скорее, заинтригованной.

— ...так что спокойная жизнь закончилась, — закончила Карина, нервно теребя рукав форменного пиджака. — Нас либо станет слишком много, либо ребятам из «3-3» тоже придётся принимать новеньких ». И всё из-за её отца.

Юна лишь небрежно отмахнулась, словно отгоняя назойливую муху.

— Политика, скука, бюрократия... — протянула она с ленивой улыбкой. — Это всё пыль. Меня волнует другое.

Она резко подалась вперёд, понизив голос до заговорщического шёпота, от которого по спине Карины пробежал холодок:

— Ты хоть понимаешь, что это значит? Это значит, что наша новенькая, принцесса, теперь — центр вселенной. Все взгляды будут прикованы к ней. Все слухи. Все ставки.

Карина лишь тихо рассмеялась, качая головой.

— Пошли к Саре и Ёсу, — предложила Юна, уже поднимаясь со стула. Её голос звенел предвкушением.

Карина опешила:

— Прямо сейчас? Мы же должны быть на следующем уроке! Давай лучше после третьего... — она вытянула нижнюю губу, изображая капризную гримасу, хотя в глазах читалась тревога. — Ты же помнишь, что вот-вот придёт наш супербатарейка. Он ненавидит, если кто-то заходит в класс после него.

«Супербатарейкой» они называли господина Джон Хечана — учителя физики. Он был одержим электромагнитными полями и мог часами говорить о токах без единой паузы, заряжая воздух класса статическим напряжением не хуже генератора.

Упоминание мистера Джона сработало как спусковой крючок. В памяти Карины тут же всплыл образ Хенджуна, друг из параллели, — так как он был отличником во всех сферах, а особенно в физике.

— Мы давно не собирались всей компанией, — протянула она, задумчиво водя пальцем по холодной поверхности парты. Голос звучал глухо, словно эхо в пустом коридоре.

Юна, сидевшая рядом, лишь молча кивнула, но её пальцы, сжимавшие край учебника, побелели от напряжения. Карина продолжила, и в её тоне прорезались стальные нотки:

— После того инцидента в кафе никто не осмеливается позвать остальных. Слово мы все подписали негласный пакт о молчании. Я вот не пойму... — она резко вскинула голову, и в глазах полыхнул гнев. — Зачем было устраивать ту драку? Сокджун и Джихан просто устроили шоу на потеху публике, а теперь оба делают вид, что ничего не было. Это бесит.

Юна медленно подняла взгляд от страницы, которую она даже не пыталась читать. Её лицо оставалось непроницаемым, она продолжала слушать Карину молча.

— Хенджун знает причину. Он всегда всё знает. Просто не хочет в этом признаться. — продолжила она.

В этот момент воздух в классе словно сгустился. Карина почувствовала на себе чей-то тяжёлый, пронзающий взгляд. Она резко обернулась. Юнгёк. Он сидел у окна и смотрел на неё так, будто пытался прочесть мысли. Она хотела что-то сказать Юне, но не успела.

Дверь класса распахнулась с грохотом, от которого вздрогнули все. На пороге стоял он — мистер Джон Хечан. «Супербатарейка». Его появление мгновенно заморозило атмосферу, превратив кипящие эмоции в ледяное спокойствие.

— Забудь об этом, — одними губами прошептала Юна и демонстративно уткнулась в учебник физики. Карина последовала её примеру, хотя смысл слов о магнитных полях ускользал от неё полностью.

Карина закрыла глаза и позволила воспоминаниям унести её. Перед глазами всплыли лица тех, кто стал для неё настоящей опорой.

В её классе всё держалось на хрупком балансе дружбы и соперничества. Особенно близкими друзьями для неё стали Пак Юна и Чон Усок — с ними она делила и радости побед, и горечь поражений. Неожиданным, но крепким звеном в этой цепи оказались Пак Джихан и Мин Юнгёк. Несмотря на их сложный характер и порой колкие шутки, именно их непредсказуемость часто спасала компанию от скуки.

Связь с коллективом Юнгёка поддерживалась благодаря его неразлучной дружбе с Чон Усоком — эти двое были знакомы с пелёнок и понимали друг друга без слов. Сам же Пак Джихан находился в прекрасных отношениях с Пак Юной, чему способствовали многолетние тёплые связи между их семьями.

Но школьная жизнь не ограничивалась только одним классом. Настоящим тылом для Карины стали друзья из параллели. Ким Ёсу — воплощение заботы и уюта, настоящая «мамочка» коллектива, всегда готовая выслушать и накормить домашними булочками. Полной её противоположностью была Чон Сара — безбашенная бунтарка с огнём в глазах, которая обожала эксперименты и постоянно искала приключений. Ей всегда было мало того, что есть, и именно она, по мнению Карины, являлась неоспоримой душой компании.

Ким Хёнджун был мозговым центром их круга: отличник, олимпиадист и полиглот, поразивший всех своими знаниями.

И, конечно, Ким Сокджун лучший друг Карины. Именно рядом с ним, а также с Юной, она чувствовала себя уютно и в полной безопасности. Он был в курсе всех событий, которые ей пришлось перетерпеть, и всегда знал, как её поддержать.

При мыслях о терпении и проблемах Карина неизменно вспоминала родителей. Они всегда были главной причиной её переживаний. Однако стоило ей поделиться этим с Сокджуном, как становилось легче дышать.

Он был удивительно чутким человеком и прекрасным слушателем. Порой казалось, что даже Юна, несмотря на всю заботливость и теплоту, не способна успокоить подругу так, как это делал Сокджун. Он не пытался давать советы или утешать пустыми словами. Просто молча сидел рядом, иногда лишь слегка кивал головой, качая её в знак понимания, нежно поглаживал спину Карины и крепко обнимал. Только с ним девушка позволяла себе расслабиться и дать волю накопившимся эмоциям.

Карина часто пыталась понять: почему у других всё иначе? На первый взгляд их ссоры казались банальными — сегодня поругались, завтра помирятся. Но она-то знала, что это лишь иллюзия нормальности. В её голове эта картина складывалась из обрывков фраз и наблюдений. Отец работал на износ. Он брал подработки, задерживался допоздна и приходил домой выжатым как лимон. Денег всё равно катастрофически не хватало — цены росли быстрее зарплаты. Мать сидела дома, и Карина видела, как с каждым днём в её глазах тухнет огонек надежды,

сменяясь глухой усталостью. Они перестали быть парой и превратились в двух усталых людей, обвиняющих друг друга в безденежье. Отец срывался от переутомления, а мать — от бессилия изменить ситуацию.

Даже сейчас, она чувствовала незримую поддержку Сокджуна, но знала: дома её снова ждёт эта гнетущая тишина, готовая взорваться очередным скандалом.

— Карина, ты вообще меня слушаешь? — голос Юны вырвала её из оцепенения.

Карина моргнула. Учебники были закрыты уже минут пять, а она всё сидела и смотрела в одну точку.

— Урок закончился сто лет назад. Ты тут зависла? — Юна захлопнула свой блокнот и улыбнулась той улыбкой, которая всегда обезоруживала. Она нетерпеливо постучала длинными ногтями по парте.

— Пойдём уже к нашим девочкам. Они заждались.

Карина защёлкнула замок сумки — резкий металлический звук показался оглушительным.

— Да-да... Сейчас.

Они вышли в коридор. Воздух здесь пах мелом и дешёвым парфюмом. Шагая к 3-3 классу, Карина чувствовала, как внутри натягивается струна. Слишком много всего накопилось за эти сутки. Дверь класса была приоткрыта. Увидев их, Ёсу сорвалась с места первой.

— Девчонки! — она налетела на них с объятиями так резко, что Карина пошатнулась. — Как же я соскучилась!

Сара закатила глаза, но её губы дрогнули в улыбке.

— Не драматизируй. Мы виделись вчера.

Ёсу фыркнула:

— А ощущение такое, будто год прошёл!

Девчонки, оставшись позади, тут же погрузились в свой привычный, лёгкий трёп. Карина же, отделившись от них, обвела взглядом помещение. Её поиски не прошли даром: у угла рядом с окном, прислонившись к стене, сидели парни. Сокджун устроился на корточках, что-то оживлённо обсуждая с Хёнджуном.

— Девочки, я на минутку, — бросила Карина, не оборачиваясь, и направилась к ним.

Тем временем Ёсу, заметив это, картинно закатила глаза и надула губки.

— Как всегда. Про нас забыла, стоило ему появиться, — шепнула она остальным, но Карина уже не слышала.

— Сокджун? Хёнджун? — её голос прозвучал негромко, но уверенно.

Парни синхронно повернули головы. При виде девушки их лица озарили одинаковые, тёплые улыбки. Хёнджун просто выпрямился, а Сокджун пружинисто поднялся с корточек, отряхивая брюки.

— Привет, мелкая, — хором произнесли они.

— Как ты? Никто не обижает? — заботливо спросил Сокджун.

От этой простой заботы, прозвучавшей в унисон, сердце Карины предательски потеплело. Она заставила себя улыбнуться — вышло немного криво, но искренне.

— Всё хорошо. Нет, никто не обижает.

Она подошла ближе к Сокджуну и, понизив голос до едва различимого шёпота, добавила ему прямо в ухо:

— Кроме родителей.

Сокджун понимающе кивнул. Его взгляд на мгновение стал серьёзным и немного грустным, но он не стал задавать лишних вопросов. Вместо этого он уверенно обнял её за плечо левой рукой, притягивая к себе.

— Понятно.

В этом объятии было больше поддержки, чем в любых словах. Карина на секунду прикрыла глаза, впитывая это простое, надёжное тепло. Рядом с ним можно было не притворяться сильной. Но тишина длилась недолго. Она чуть отстранилась, чтобы видеть его лицо, и понизила голос, бросив быстрый взгляд на Хёнджуна. Тот, кажется, уловил смену темы и тактично сделал шаг в сторону.

— Слушай... — начала она — Нам надо поговорить.

Сокджун мгновенно напрягся. Его улыбка сползла с лица, а рука на её плече чуть сжалась, словно он пытался удержать не только её, но и сам момент.

— О чём?

— Не прикидывайся, — она посмотрела ему прямо в глаза, и в её взгляде блеснул упрёк, смешанный с тревогой. — Ты знаешь о чём. О том вечере. В кафе.

Воздух между ними словно сгустился. Сокджун шумно выдохнул через нос и отвёл взгляд в сторону школьного двора.

— Карин, давай не сейчас. И не здесь.

— А когда? — она повысила голос ровно настолько, чтобы он зазвенел от негодования. — Когда? Все делают вид, что ничего не было. Джихан ходит с этой своей ледяной рожой, ты делаешь вид, что всё в порядке... Но это же чушь! Вы же чуть не поубивали друг друга!

Сокджун поморщился, будто от зубной боли.

— Это была просто глупая ссора.

— Просто глупая ссора? — Карина вырвалась из-под его руки и скрестила руки на груди. — Сокджун, я видела его лицо. И твоё тоже. Это было что угодно, но не «просто ссора». Вы оба что-то скрываете.

Он молчал, глядя себе под ноги.

— Почему, из-за чего весь этот цирк, — тихо спросила она.

Сокджун поднял голову. В его глазах читалась глухая стена упрямства и... страх?

— Тебе лучше в это не лезть.

Это был удар ниже пояса. Карина отшатнулась, словно он её толкнул.

— Не лезть? Я твоя подруга! Или это уже ничего не значит?

И в этот момент за её спиной раздался весёлый, звенящий голос Ёсу:

— Ого! А чего это вы тут стоите такие хмурые? У нас тут вечеринка или поминки?

Карина вздрогнула и остановилась. Девчонки подошли неслышно, окружив их плотным кольцом. На лицах Юны и Сары читалось любопытство, Ёсу же просто лучилась энергией, не замечая повисшего в воздухе напряжения. Сокджун мгновенно надел привычную маску беззаботности. Он хлопнул Хёнджуна по плечу и громко, чересчур бодро произнёс:

— Да так, обсуждали расписание контрольных. Мелкая считает, что мы все умрём от переутомления.

Он подмигнул Карине через головы подруг. Это был сигнал: «Давай не будем выносить сор из избы». Карина встретилась с ним взглядом. В его глазах читалась мольба: «Пожалуйста, только не сейчас». Но в ту же секунду внутри неё будто что-то щёлкнуло и оборвалось. Вся обида, вся горечь от его слов «тебе лучше в это не лезть» и эта его лживая, приторная улыбка слились в один слепящий ком ярости. Она не будет ему подыгрывать. Не сейчас. Её лицо окаменело. Улыбка, появившаяся на её лице, была не пластиковой она была ледяной и острой, как битое стекло.

— Ага, — кивнула она, и её голос прозвучал пугающе спокойно. Она сделала шаг вперёд, выходя из толпы, чтобы оказаться лицом к лицу со всеми. — Просто жалею на жизнь. Вы же знаете, я люблю пострадать. — она повысила голос, перекрывая шум двора — А может, хватит? Хватит делать вид, что всё в порядке? Может, кто-нибудь из вас скажет правду?

Все замерли. Даже ветер, казалось, стих. Девочки переглянулись с непонимающим видом.

— Карин, ты чего? — осторожно спросила Юна.

Она резко развернулась к Юне, которая стояла ближе всех. В её глазах блестели злые слёзы.

— Я устала, понимаешь? — голос дрожал, но слова вылетали быстро и сбивчиво. — Дома чёртовы проблемы. С друзьями тоже. На учёбе не могу сконцентрироваться вообще. Я надеялась... я так надеялась, что хоть вы меня поймёте!

— Карин... — начал он, делая шаг к ней, но она отшатнулась.

— Не подходи! — выкрикнула она, чувствуя, как к глазам подступают злые слёзы. — Я сыта по горло вашими тайнами! Вы все тут повязаны какой-то дурацкой мужской честью или что там у вас... А я? Я просто хочу знать, почему мои друзья готовы поубивать друг друга!

Больше не было сил смотреть на их растерянные лица. Карина сорвалась с места так резко, будто её оттолкнула невидимая волна. Она неслась по коридору, не разбирая дороги. Кто-то попытался её окликнуть, но она даже не обернулась. Она пролетела мимо своего класса, задев плечом кого-то из выходящих. Послышался удивлённый возглас, звук упавших учебников, но ей было всё равно. Мир сузился до одной-единственной точки, выхода из школы. В лицо ударил холодный воздух улицы, и только тогда она позволила себе выдохнуть. Но легче не стало. Горечь и обида жгли горло. Ноги сами понесли её прочь от школьного двора, за угол здания, туда, где заканчивалась асфальтированная дорожка и начинался вытоптанный газон школьного стадиона. Она добежала до старого водопроводного крана.

Девушка протянула дрожащую руку и с силой крутанула вентиль. Старый механизм заскрипел, и из ржавого носика хлынула ледяная вода. Карина подставила ладони под струю. Кожа мгновенно онемела от холода, но это было даже хорошо. Физическая боль помогала заглушить ту, что сидела внутри.

Она плеснула водой в лицо. Капли стекали по щекам, смешиваясь со слезами, которые она больше не пыталась сдерживать. Ей казалось, что вместе с этой грязной, ржавой водой она пытается смыть с себя всё: липкую ложь Сокаджуна, испуганные взгляды подруг, вечную серость дома и собственное бессилие.

Она снова и снова набирала воду в горсть, терла лицо, шею, запястья. Холод пробирал до костей, заставляя зубы стучать, но ей было всё равно. Она хотела замерзнуть. Хотела, чтобы эта ледяная вода выморозила всё внутри, оставив лишь звенящую пустоту.

— Хочешь заболеть насмерть?

Голос прозвучал сухо и резко, без тени сочувствия. Он не спросил, не окликнул, а просто констатировал факт, как будто увидел таракана на кухне. Карина вздрогнула и замерла. Медленно убрав мокрые руки от лица, она увидела его. Мин Юнгёк стоял в паре шагов от неё, прислонившись плечом к забору. В его взгляде не было ни капли жалости, только привычное холодное любопытство, словно он наблюдал за странным животным в зоопарке. Она ничего

не ответила. Просто отвернулась, давая понять, что его присутствие здесь неуместно. Лучше игнорировать этого зануду, чем давать ему повод для очередной колкости.

Он хмыкнул и оттолкнулся от забора, сделав шаг ближе.

— Ни стыда, ни совести, ни извинения. Ты меня чуть с ног не сбила там, в коридоре. Неслась как торпеда.

Карина сжала мокрые кулаки. От холода кожа на руках покраснела.

— Чего припёрся? — бросила она, не оборачиваясь. Голос прозвучал глухо и враждебно.

Юнгёк проигнорировал вопрос. Он смотрел на её спину, на то, как она дрожит под тонкой форменной рубашкой.

— Ты же вроде не из плаксивых. Что, мир рухнул? Или Сокджун опять не оправдал надежд принцессы?

Его слова били точно в цель. Карина резко развернулась. В её глазах полыхнула такая чистая ярость, что даже он на мгновение опешил.

— Не твоё дело! — прошипела она. — Что ты вообще понимаешь? Иди, куда шёл! — она видела по его лицу: он понимал больше, чем показывал. И это бесило сильнее всего.

Но он не ушёл. Вместо этого он молча сунул руку в карман и достал маленькую пластиковую бутылочку. Карина с недоумением уставилась на неё. Шоколадное молоко? Серьёзно?

— Держи, — его голос прозвучал непривычно глухо.

Она мотнула головой, прижимая мокрые руки к груди.

— Не хочу.

— Не будь дурой, — отрезал он, делая шаг вперёд. Он не стал уговаривать. Просто взял её ледянную руку, с дрожащими пальцами — и вложил в ладонь тёплую бутылочку.

— Не лучше ли просто взять?

Карина застыла. Её мозг отказывался обрабатывать происходящее. Мин Юнгёк, этот вечный бука с лицом каменной статуи, стоял перед ней и... пытался проявить заботу? Самым нелепым и неуклюжим способом на свете? Это не укладывалось в её картину мира. «Он что, издевается? — пронеслось у неё в голове. — Или это какой-то новый вид сарказма? «На, выпей молочка и перестань выносить нам мозг»? Но почему тогда его пальцы были такими тёплыми? «Все лгут, — думала она, глядя на коричневую пластиковую стенку бутылочки. — Сокджун врёт, чтобы защитить. Юна молчит, чтобы не рушить компанию. А этот? Этот просто берёт и делает. Без слов. Без извинений...»

Она подняла на него взгляд. В её глазах больше не было ярости, только растерянность и усталость.

— Прости... — выдохнула она почти беззвучно.

Лицо Юнгёка едва заметно дрогнуло. Лёд в его глазах треснул, уступая место чему-то другому — возможно, пониманию.

— Я постараюсь всех собрать вместе, — сказал он уже мягче, отпуская её руку и отступая на шаг назад, возвращаясь в свой привычный образ отстранённого наблюдателя.

— Соберёшь всех вместе? — её голос звучал глухо, с ноткой истеричного смешка. — Ты? Серьёзно?

Она сделала маленький шаг назад, крепче сжимая молоко, словно оно могло защитить её от абсурдности ситуации.

— Ты же всегда был против этого. Сидел в своём углу, слушал свою музыку и делал вид, что нас не существует. А теперь вдруг станешь миротворцем?

Юнгёк дёрнул плечом, будто отмахиваясь от её слов, и сунул руки в карманы штанов.

— Я не собираюсь устраивать сеанс групповой терапии, если ты об этом, — его тон был сухим, как осенние листья. — Я просто соберу их в одном месте. А дальше... вы уже сами.

Он оттолкнулся от забора, готовый уйти, но на секунду задержал на ней взгляд. В нём не было ни сочувствия, ни жалости — только холодная констатация факта.

— Ты ведь этого хочешь? Чтобы всё это дерьмо наконец выплыло наружу?

Карина не нашлась с ответом. Она лишь молча кивнула, чувствуя, как к горлу снова подступает ком. Юнгёк хмыкнул, развернулся и пошёл прочь по дорожке, ведущей к школе. Его фигура быстро растворялась в сумерках, оставляя Карину одну. Она осталась стоять у старого крана — мокрая, замёрзшая, с бутылкой тёплого молока в руке и полным непониманием того, что только что произошло.

Карина ещё несколько минут стояла у крана, механически вращая в ладонях тёплую бутылочку. Молоко давно перестало быть просто напитком — оно превратилось в бессмысленный объект, который пальцы отказывались выпускать. Холод пробирал до костей, но апатия, густая и вязкая, оказалась сильнее. «Три урока», — мысль прозвучала в голове чужим, скрипучим голосом. Она тяжело вздохнула и оттолкнулась от стены. Возвращаться не хотелось, но выбора не было.

Она вошла в класс за пять минут до звонка. В кабинете висела плотная, неподвижная тишина, какая бывает только в пустых школьных помещениях. Воздух здесь был спёртым и неподвижным, пропитанным запахом пыли, озона от старых ламп и дешёвого парфюма, въевшегося в шторы.

Девушка наткнулась на взгляд Юны. Подруга стояла у окна, скрестив руки на груди, и её поза была воплощением напряжённого ожидания.

— Ты перестанешь вот так исчезать? — голос Юны прозвучал не громко, а опасно тихо. — Просто берёшь и уходишь. Ничего не сказав.

Карина молча прошла к своей парте. Усталость накатила новой волной, пригибая к земле.

— Не перестану, — ответила она, не глядя на подругу. — Пока вы не возьмёте ситуацию под контроль.

Юна фыркнула.

— Да ну нахуй эту ситуацию!

— Юна.

— Что «Юна»? Знаю я всё. Ты не в восторге от моих матов. Но не тебе их мирить. Они не маленькие.

— Но они и не враги.

Юна лишь дёрнула плечом и отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен.

— Бессмысленно объяснять. — сказала Карина.

Она подошла к парте, рывком дёрнула молнию сумки и швырнула туда бутылку. Пластик глухо стукнул о твёрдый переплёт учебника. Этот звук показался ей оглушительным в повисшей тишине класса.

Пронзительный звонок оборвал привычного гула школьников. Класс замер в ожидании. Все взгляды были прикованы к двери, откуда вот-вот должна была появиться миссис Чхе, их строгая англичанка. Дверь распахнулась, но на пороге стоял другой человек. В класс вошёл учитель литературы, господин Хан. По рядам пробежал недоумённый шепоток.

Все как один поднялись с мест. Староста Юна, опомнившись первой, громко скомандовала:

— Внимание! Поклон!

Класс синхронно склонил головы.

— Господин Хан, — тут же добавила Юна, выпрямляясь. В её голосе звучала нотка вызова. — Сейчас не ваш урок по расписанию.

Учитель кивнул, благодарно улыбнувшись ей за уточнение.

— Спасибо, что напомнила. К сожалению, ваша учительница и моя коллега попала в небольшое ДТП.

По классу прокатился единый вздох изумления и тревоги.

— Но это не повод для беспокойства, — поспешил добавить он, поднимая руку. — Обошлось без серьёзных травм.

Напряжение спало так же быстро, как и возникло. Класс облегчённо выдохнул. И именно в эту секунду звенящей тишины раздался голос Джихана, ленивый, с нотками циничной насмешки:

— Господин Хан, вы что же, будете «шарить» по английскому?

Класс взорвался смехом. Все, кроме Карины. Она лишь поморщилась, глядя на Джихана с нескрываемым презрением. Для неё это было не смешно, это было унижительно. Издеваться над учителем это низко.

— Ничуть не смешно, — её голос прозвенел в наступившей паузе, она посмотрела Джихану прямо в глаза. — Харэ придуриваться, Пак Джихан.

Джихан медленно повернулся к ней. Его улыбка стала шире и острее, как лезвие.

— О-о-о... Кто тут у нас заговорила? Наша душевно больная девчушка? — он сделал акцент на слове «больная», и его взгляд скользнул по её дешёвой форме. — Что, дома опять проблемы? Папочка опять не дал на карманные расходы?

Смех в классе стих. Воздух снова сгустился от напряжения.

— Джихан! — взвизгнула Юна со своего места, вскакивая на ноги.

Учитель литературы мгновенно среагировал на нарушение дисциплины:

— Пак Юна! Сядьте!

Затем он перевёл строгий взгляд на Джихана:

— А вы, Джихан, закройте рот.

Но Джихан проигнорировал их обоих. Он подался вперёд, опершись локтями на парту, и его голос прозвучал обманчиво мягко:

— ...кста-а-ати. Ты ведь не знаешь из-за чего случился тот инцидент в кафе? Это всё... — он не успел договорить как...

Юна сорвалась с места так резко, что её стул с грохотом отлетел назад. Её лицо было белым от ярости.

— Ещё хоть слово... — прошипела она, впиваясь пальцами в край парты так, что побелели костяшки. — Я из тебя кишки выдерну.

В классе повисла мёртвая тишина. Даже учитель Хан замер, поражённый этой внезапной вспышкой неконтролируемой агрессии.

— Хватит! — рявкнул господин Хан так, что стёкла в окнах, казалось, задрожали. — Психушку передо мной устраивать не обязательно. Ну, прям безобразие какое-то!

Юна дёрнулась, словно её ударили, и медленно вернулась на своё место. Её плечи были напряжены, но она промолчала.

— Так-то лучше, — уже спокойнее буркнул преподаватель, обводя класс тяжёлым взглядом.

Все это время Карина сидела неподвижно, закрыв глаза. Она не проронила ни слова. Ей казалось, что если она откроет их, то мир вокруг, этот класс, этот учитель, эта ложь просто исчезнет. Юна, выждав минуту, повернулась к подруге и склонилась к самому уху:

— Ты как?

Карина не ответила. Она лишь медленно подняла руку и сделала едва заметный жест — короткий взмах запястья, который мог означать что угодно: «Отстань», «Всё нормально», «Не сейчас». Юна поняла. Она молча повернулась обратно.

Тишина между ними была плотной, почти осязаемой. Юна знала. В этом Карина не сомневалась ни секунды. Знала и молчала. Эта мысль жгла хуже, чем все насмешки Джихана вместе взятые. «Почему ты молчишь? — хотелось закричать ей. — Ты же моя подруга!» И тут в памяти всплыла другая сцена. Холодный ветер, ржавый кран и голос Юнгёка, сухой и резкий: «Ты ведь этого хочешь? Чтобы всё это дерьмо наконец выплыло наружу?»

Его слова тогда показались ей странными, неуместными. Но сейчас, после слов Джихана, после этой унижительной сцены в классе, они обрели новый, пугающий смысл. Она была уверена: он говорил о ней. Юнгёк, этот вечно хмурый наблюдатель, знал об этом с самого начала. Он видел всю эту грязь, этот уродливый шепоток за её спиной. И он был прав. Она действительно этого хотела. Хотела, чтобы правда всплыла, даже если это будет больно.

Господин Хан, убедившись, что класс успокоился, повернулся к доске и размашисто написал тему урока: «Парадокс чтения».

— Итак, ребята, — начал он, обводя учеников внимательным взглядом. — Под словом «парадокс» что вы воображаете? Какое определение дадите?

Учитель начал вызывать учеников. Ответы сыпались один за другим, и каждый раз он лишь качал головой.

— Это когда что-то противоречит логике? — предположил парень с первой парты.

— Почти, но мимо, — отмахнулся господин Хан. — Слишком общо.

— Это ситуация, которая кажется невозможной? — выкрикнула девочка с задней парты.

— Вообще не то. Это определение загадки, а не парадокса.

Диалоги превратились в фарс. Класс расслабился, слышались смешки. Учитель играл с ними, как кот с мышью.

— Может... это истина, которая скрывается за ложью? — неуверенно подал голос кто-то ещё.

— Теплее. Но всё равно не то. Вы ищете сложное в простом, а надо наоборот.

Напряжение нарастало. Никто не мог попасть в точку. Карина слушала вполуха. Её мысли всё ещё крутились вокруг слов Джихана и странного поведения Юны. Она подняла глаза на доску, и слова «Парадокс чтения» вдруг резонировали с её собственным состоянием. Разве её жизнь сейчас — не парадокс? И в этот момент, когда учитель уже открыл рот для очередной отповеди «мимо», в классе раздалось два голоса. Они прозвучали не вместе, а почти слившись в один, перебивая друг друга:

— Это когда ты знаешь концовку... но всё равно читаешь, — произнесли Карина и Юнгёк. Одновременно. Их взгляды метнулись друг к другу через весь класс. На долю секунды в кабинете повисла абсолютная тишина.

Господин Хан замер с поднятой рукой. Его брови медленно поползли вверх. Затем на его лице расплылась довольная, почти хищная улыбка.

— Вот! — воскликнул он, указывая мелом сначала на Карину, потом на Юнгёка. — Вот! Именно! Абсолютно верный ответ!

Он быстро записал их фразу на доске.

— В этом и заключается парадокс чтения. Знание финала не отменяет удовольствия от процесса. Мы ищем не «что», а «как» и «почему». Вы двое только что блестяще это доказали.

Учитель сиял. Класс ошарашенно молчал, переводя взгляды с довольного преподавателя на двух учеников, которые только что невольно оказались в центре внимания. Для Карины эта тема особенно символично. Она ведь тоже «знает концовку» своего дня — дома её ждут скандалы. Но она всё равно «читает» эту главу своей жизни до конца, надеясь найти в ней какой-то смысл или просто пройти через неё.

— Мин Юнгёк и Карина Хван, — голос господина Хана прервал гудение класса. — Вам выпала честь объяснить парадокс чтения. Юнгёк начинает, Карина заканчивает. Прошу, встаньте. — Карина пожалела тут же, что открыла рот.

Мин Юнгёк поднялся со своего места плавно, без лишней суеты. Он не стал выходить к доске, просто выпрямился и заговорил. Его голос звучал ровно и быстро, словно он читал с невидимой страницы.

— Парадокс чтения в том, что оно уводит нас от реальности, чтобы наполнить реальность смыслом. Кругом полно серости, и только у творческого человека в арсенале широкий выбор красок для защиты от её нападков. — при слове «серость» Карину бросило в дрожь. Тысячи ледяных мурашек пробежали по спине. «Значит, я даже не близка к творчеству», холодно усмехнулась она про себя, крепче сжимая пальцами край юбки. Юнгёк на секунду

замолчал, прокашлялся, и продолжил уже медленнее, чеканя каждое слово: — Всякое произведение искусства способно увести человека в глубину воображения автора. Исследуя его тайну, ты понимаешь, что ноты, слова и оттенки несут в себе гораздо больше, чем просто образ. Немые голоса автора поднимают на поверхность самые сокровенные мысли. Книга способна изменить жизнь. Она поглощает человека, обволакивая его душу глубокими истинами. Читая слово за словом страницу за страницей «1984» Джорджа Оруэлла, невольно начинаешь проводить параллели с современным миром.

— Благодарю, можете сесть, Мин Юнгёк, — кивнул учитель.

Юнгёк опустил на стул, но не отвернулся. Он продолжал внимательно смотреть на Карину, словно оценивая её ответ. В классе повисла тишина.

— Хван, можете начинать, — обратился к ней господин Хан.

Карина встала. Она выпрямила плечи, пытаясь унять дрожь в руках.

— Как сказал Юнгёк про антиутопию... произведения Джорджа Оруэлла, это чистая правда. Мы сами того не замечаем что даже самые ядовитые литературные тексты способны вдохновить человека и дать ему смысл к существованию. Но иногда бывает так, что, прочитав некоторые книги, понимаешь: проблема вовсе не в тебе, а в твоём окружении. Или же всё наоборот — это зависит от того, как ты воспринимаешь жизнь, — она говорила, глядя прямо перед собой, нервно покусывая нижнюю губу. — Это как пропасть, в которую мы летим. Ужасная пропасть. Опасная. Тот, кто падает в неё, никогда не почувствует дна. Он падает без конца. Это бывает с людьми, которые в какой-то момент своей жизни стали искать то, что им не может дать привычное окружение... Вернее, они думали, что там ничего для себя найти не могут. И они перестали искать, даже не делая попытки что-нибудь найти... — она запнулась, так и не договорив название книги.

— «Над пропастью во ржи» — раздался с места спокойный голос Юнгёка.

Он произнёс это на одном дыхании, словно давно ждал момента закончить её мысль. Господин Хан медленно обвёл класс взглядом, в котором плясали искорки удовлетворения. Он едва заметно кивнул, словно учитель, получивший подтверждение, что его уроки не проходят даром.

— Хм... Я и не знал, что тут учатся такие ценители слова, — произнёс он, и в его голосе прозвучала искренняя теплота. — Я польщён.

Он улыбнулся, не дежурной улыбкой, а по-настоящему.

— Можете сесть, Карина. И вы, Мин Юнгёк, — добавил он — Прекрасно. Честно говоря, удивлён... Что ж, продолжим...

Атмосфера в классе неуловимо изменилась. Напряжение спало, уступив место лёгкой эйфории от маленькой победы.

Звонок с последнего урока не принёс облегчения — лишь ленивую, вязкую усталость. Класс наполнился шарканьем ног и гулом. У кого-то были кружки, у кого-то дополнительные

занятия, но большинство просто мечтало вырваться на свободу. А Карина осталась сидеть, невидящим взглядом уставившись в парту. Собираться домой не было сил. Хотелось просто исчезнуть, испариться из этой реальности, лишь бы не возвращаться туда.

— Какие планы? Не собираетесь домой? — голос Чон Усока прозвучал слишком бодро для этого сонного царства.

— Домой, если не появятся варианты получше, — Юна пожала плечами, бросив многозначительный взгляд на Карину.

— А вы? — она повернулась к парням.

Усок вздохнул, и его улыбка на мгновение потускнела.

— Прямо домой. Надо за младшим братом присмотреть. После того как мамы не стало... всё свалилось на меня. А тут ещё няня уволилась. Знаете ли, — он попытался сыронизировать, но вышло жалко.

В классе повисла неловкая пауза. Карина почувствовала, как к горлу подступает ком. Она не выносила чужую слабость.

— Ей же хуже, — бросила она холодно.

— Именно, — отрезала Юна, обрывая жалость в зародыше. Она уже смотрела на Юнгёка. — Ну ты-то нам компанию составишь? Тебе же по пути.

— Тренировка. Извини, — голос Юнгёка был ровным, как асфальт.

— Занятая жопа, — фыркнула Юна и тут же развернулась на оклик учителя из коридора. — Да-да, отчёты у меня сейчас принесу! Ребят, всем пока! А ты, — ткнула пальцем в Карину, — жди меня, я быстро.

Сказав это, Юна удалилась. Усок и Джихан вышли следом. Усок попрощался с улыбкой, а Джихан даже не повернул головы в её сторону. «Вот скотина», — подумала Карина.

В классе остались только они вдвоём. Юнгёк молча собирал вещи. Карина смотрела на его спину и вдруг услышала свой собственный голос, прозвучавший неожиданно громко в пустой тишине:

— Значит, ты у нас любитель классики?

Юнгёк замер на секунду, затем хмыкнул. Он закинул сумку на плечо и, подойдя, сел на место Юны — прямо напротив Карины. Это было самое близкое расстояние между ними за всё время их знакомства.

— Я не одержим. Просто читаю иногда.

— Ты не опоздаешь на тренировку? — спросила Карина, вопросительно глядя на него.

— Нет. Время ещё есть. Так какие книги ты говорила читала? — спросил он.

— Пока не говорила. Но много. Ну вот, например... «Сто лет одиночества» от... — она не успела договорить.

— ... от Габриэля Гарсиа Маркеса. Ожидаемо, — выпалил он.

— Значит, ты тоже прочитал эту книгу?

— Разумеется, — он немного помолчал, глядя в окно на серое небо, а затем продолжил. — Дождь, который лил четыре года, одиннадцать месяцев и два дня... Как будто время остановилось. И казалось, что нет конца этим серым и пасмурным дням.

Повисла долгая, звенящая пауза. Карина чувствовала себя неловко под его прямым, немигающим взглядом. Она теребила рукав формы, не зная, куда деть руки.

— Почему «ожидаемо»? — наконец нарушила она тишину. Голос прозвучал хрипло. — Почему ты сказал, что это... ожидаемо?

Юнгёк не шелохнулся. Он просто смотрел на неё, и на мгновение ей показалось, что в его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

— Потому что ты не похожа на тех, кто читает любовные романы про вампиров, — его голос был ровным. — Ты выглядишь так, будто несёшь на плечах всю тяжесть мира. Такие люди обычно тянутся к сложным текстам. Чтобы найти оправдание своей боли.

Карина сглотнула. Его слова ударили точно в цель.

— А ты? — тихо спросила она. — Ты несёшь тяжесть мира?

Он смотрел на неё долго, очень долго. Потом уголок его губ едва заметно дёрнулся.

— Мой мир меня вполне устраивает. В нём нет ничего лишнего. В отличие от твоего.

Он резко оборвал разговор и встал. Этот жест был похож на закрытие книги.

— Мне пора. Тренировка ждёт, — бросил он и, не дожидаясь ответа, направился к двери.

Карина осталась сидеть, глядя на место где только что сидел парень. Она чувствовала странную смесь обиды и... любопытства. Карина уже хотела снова посмотреть на Юнгёка, но воздух в классе едва заметно завибрировал. Тихий гул заставил её вздрогнуть.

Она опустила глаза. Её телефон на парте светился уведомлением из общего чата класса:

«Сокджун и Джихан. «Safe O'z». Видео. Сегодня в 9 вечера»

Карина повернулась и подняла взгляд. Юнгёк стоял в дверях с телефоном в руках, уже не глядя на неё. Он смотрел прямо перед собой, словно был погружен в свои мысли о тренировке.

Он медленно повернул голову. Их взгляды встретились через весь класс. Его лицо было абсолютно бесстрастной маской.

— Похоже, — сказал он тихо, — твоё желание увидеть, как «всё дерьмо выплывет наружу», сейчас исполнится.

Она нажала на сообщение. Началась загрузка, но тут же прервалась, сменившись надписью: «Видео недоступно».

— Видео недоступно! — её крик, громкий и звенящий, прорезал тишину пустого класса. Но дверь уже была закрыта. В коридоре царила тишина.

Дверь класса распахнулась с такой силой, что ударилась о стену.

— Ты это видела?! — Юна влетела в кабинет, размахивая своим телефоном. Её щёки покраснелись, а глаза горели от возбуждения и тревоги. — Общий чат просто взорвался! Что за хрень происходит?!

Она остановилась перед Кариной, едва переводя дыхание.

— Видео Сокджуна и Джихана. Все с ума посходили, гадают, что случилось! Ещё ко всему этому видео недоступно, чёрт!

Карина медленно подняла на неё взгляд. Она молчала, глядя на подругу, и на её губах медленно проступила грустная, почти болезненная улыбка. Она ничего не говорила, просто смотрела на Юну, и в этом взгляде смешались усталость, обида и странное чувство облегчения. Юна осеклась. Она ожидала криков, сплетен, бурной реакции. Но не этого. Не этой тихой, всепонимающей улыбки.

— Карина? — её голос стал тише, в нём зазвучала тревога. — Ты чего? Ты что-то знаешь?

Карина наконец моргнула, словно сбрасывая оцепенение.

— Наконец-то всё дерьмо выплывет наружу, — тихо произнесла она, и в её голосе не было радости — лишь факт.

Юна нахмурилась, совершенно сбитая с толку.

— Что ты несёшь? Какое ещё дерьмо?

Азарт в её взгляде окончательно сменился непониманием и нарастающим беспокойством...

Они подошли к монументальной высотке Samik Mansion. Серый фасад апартаментов 202 уходил в низкое сеульское небо, сотни одинаковых окон смотрели на город с холодным безразличием, и в этом стаде бетона и стекла терялась любая индивидуальность. Они жили в одном здании, но в параллельных вселенных: Юна — в пятом этаже, Карина — в четвёртом.

Прощальные объятия были вялыми, полными свинцовой усталости, которая растекалась по телу после бесконечного дня. Расставшись, каждая из них нырнула в свой бетонный колодезь подъезда.

Карина остановилась перед лифтом. Её дом — её персональная тюрьма, и лифт был её тесной камерой. Воздух внутри пах застарелой пылью и дешёвым освежителем, пытаясь замаскировать запах чужой жизни. Она вошла в кабину лифта — тесную металлическую коробку, которая всегда вызывала у неё приступ клаустрофобии, двери сомкнулись за ней с глухим стуком, похожим на крышку гроба, отрезая её от внешнего мира. Взгляд упёрся в панель управления — истёртый пластик с тусклыми огоньками. Её палец завис в воздухе. Вместо цифры «4», этого проклятого числа, которое в Корее боялись произносить вслух, зияла пустота. Или, что ещё хуже, была небрежно нацарапана буква «F» — фальшивый этаж, обмана. Карина горько усмехнулась, нажимая на эту пустоту. Какая злая насмешка. Ей не нужно было избегать этого числа. Смерть и так была её постоянной спутницей, дышала ей в затылок из каждой тени родительских ссор. Она жила на этаже смерти не потому, что так суеверно решили архитекторы, а потому что её собственная жизнь давно превратилась в медленное угасание. Воздух в кабине сгустился, стал тяжёлым и липким, словно патока, четыре стены давили, воздух казался непригодным для дыхания. Лифт был её персональным саркофагом, стальным ящиком, в котором она была заперта вместе со своими страхами. Она уставилась в своё отражение — бледное пятно в исцарапанном зеркале.

Двери разошлись, выпуская её на волю. Она подошла к своей двери, тёмно-коричневой, безликой и надавила на звонок. Электрическая трель прозвучала жалко и одиноко. Тишина. Ещё раз. Длиннее, требовательнее. Гробовое молчание в ответ. Ухмылка искривила её губы. «Хотя бы сегодня повезло».

Ключ с тихим скрежетом повернулся в замке. Дверь поддалась, открывая вход в гулкую тишину квартиры. Пустота. Ни звука шагов, ни бормотания телевизора.

Скинув кеды прямо у порога, она прошла в свою комнату и с облегчением избавилась от рюкзака, бросив его в сторону. Она рухнула на кровать прямо в мятой школьной форме, чувствуя, как пружинит старый матрас.

— Ура... — выдохнула она в пустоту. — Ещё один токсичный денёк.

Веки отяжелели, будто на них осело вся пыль мира. Организм, истощённый до предела, просто отключил сознание, как неисправный прибор. Она провалилась в глубокий, тяжёлый сон, даже не успев раздеться...

Тишину квартиры разорвал настойчивый звонок. Резкий, пронзительный звук вырвал Карину из тяжёлого, вязкого сна. Она дёрнулась на кровати, не понимая, где находится. Рука метнулась к тумбочке, смахивая телефон на пол. Телефон умолк, но через секунду затрещивал снова. Карина с трудом разлепила веки. В комнате стоял сумрак — за окном уже зажигались огни города. С улицы доносился приглушённый гул вечернего трафика и далёкие, едва различимые голоса. В воздухе пахло дождём, смешиваясь с едва уловимым ароматом цветущих деревьев из приоткрытого окна. Она проспала несколько часов. Нащупав вибрирующий аппарат, она уставилась на экран:

«25 пропущенных вызовов», от Юны.

Не успела она выдохнуть, как звонок раздался в третий раз. Она приняла вызов.

— Алло?...

— Карина! Ты там живая?! Я звоню уже целую вечность! — голос Юны в трубке был смесью паники и облегчения.

— Который час? — хрипло спросила она, спуская ноги с кровати. Голова всё ещё кружилась.

— Девять! Ты что, всё это время спала?!

Девять вечера? Мысли в голове начали собираться в кучу, выстраиваясь в очередь. Кафе «O'z». Видео.

— Юна... — тихо сказала она. — Все уже там?

— Конечно! — возбуждённо затараторила подруга. На заднем фоне слышался гул голосов и смех. — Мы все собрались! Объявляю общий сбор! Все уже тут! Всем так не терпелось увидеться, что мы были на месте ещё к восьми!

Карина прижала телефон к уху. На заднем фоне телефона был слышен неразборчивый гул. Смех звучал слишком громко, пронзительно, словно кто-то пытался заглушить им повисшее в воздухе напряжение.

— Буду там... постараюсь добраться как можно скорее. Максимум «через полчаса», — пообещала она и нажала отбой.

Только сейчас до неё дошло. Она всё ещё была в мятой школьной форме: «Чёрт, чёрт, чёрт!» И тут пришло ещё одно осознание. Тишина. Гулкая, звенящая тишина пустой квартиры. Она замерла, прислушиваясь. Ни звука телевизора из родительской спальни. Ни звона посуды на кухне. Никого.

«Хоть с чем-то повезло», — вспомнила она свою мысль, когда пришла домой. Тогда эта тишина казалась благословением, спасением от неизбежного семейного ада. Но сейчас... сейчас она давила своей окончательностью. Внутри поднялась горькая волна обиды и одиночества, но она привычно загнала её поглубже. Нет времени на жалость к себе.

Времени на раздумья не было. Она схватила первые попавшиеся вещи из шкафа: белую толстовку и чёрные джинсовые скинни. Перед зеркалом она на секунду замерла. Из отражения на неё смотрела девушка с хрупким, почти невесомым силуэтом балерины. Она быстро скрутила густые иссиня-чёрные волосы в небрежный пучок на затылке, выпустив пару прядей у лица, обрамлявшего большие миндалевидные глаза. Несмотря на спешку и привычную усталость, она не могла позволить себе выглядеть неряшливо. Даже бедность не могла отнять у неё главного — желания быть ухоженной. Быстрыми, отточенными движениями она нанесла лёгкий макияж: тронула ресницы тушью и коснулась пухлых от природы губ прозрачным блеском. Она знала: у неё есть полчаса, чтобы стать той Кариной, которую привыкли видеть друзья — собранной и красивой.

Карина бросила последний взгляд в зеркало. Оттуда на неё смотрела уже не замученная школьница, а собранная, хоть и уставшая, девушка. Удовлетворённо кивнув своему отражению, она подхватила с тумбочки кошелек. Кожаный прямоугольник был почти невесомым, внутри едва шелестела пара мятых бумажных вон.

Она небрежно сунула кошелек в задний карман джинсов, словно пытаясь спрятать от самой себя эту постыдную бедность. Взяла ключи и телефон.

Перед тем как выйти, она сделала то, что делала всегда — проверила квартиру. Заглянула на кухню: пусто. В родительскую спальню: тишина. В гостиную: лишь серый сумрак за окном и очертания мебели. Трёхкомнатная квартира, которая должна была быть крепостью, встречала её холодным равнодушием стен. Она была здесь одна. Совсем одна. Отец должен был вернуться ещё к шести. А её мать и вовсе должна была быть дома. Но их стулья за кухонным столом пустовали, храня лишь память о бесчисленных ссорах, которые здесь происходили. Карина обула кеды, последний раз обвела взглядом молчаливое пространство и вышла, плотно притворив за собой дверь. Щелчок замка прозвучал как точка в очередном дне её одиночества...

Помещение было небольшим, с кирпичными стенами, на которых висели старые постеры к фильмам. Воздух здесь был густым, наполненным ароматами свежемолотого кофе, терпкой корицы и ментолового дыма.

Карина молча сделала глоток из своей чашки. Это был индонезийский «Yung Drip». Гладкая текстура и глубокое тело напитка оставляли на языке привкус чего-то настоящего, не поддельного. В отличие от всего, что происходило в её жизни. Она обвела взглядом кирпичные стены, увешанные старыми постерами.

Она вспомнила, что читала об этом месте в каком-то блоге: «Это сокровищница, на которую я наткнулся в переулке Сонгпа! Я влюбился в атмосферу, напоминающую старое японское винтажное кафе под названием “Киссатен”». Да, это было именно то слово. «Сокровищница». Не модная кофейня для селфи, а место с душой. Именно такой мир и нужен был им сейчас — мир, отличающийся от их обычной реальности. Здесь пахло заботой, вложенной в каждую каплю.

Смех звучал слишком громко. Он был похож на стекло, по которому пошла трещина: ещё держится, но звенит от любого неосторожного движения. Джихан сидел, закинув ногу на ногу, и демонстративно не смотрел в сторону Сокджуна. Тот, в свою очередь, крутил в руках пустую чашку из-под эспрессо, уставившись в неё так, будто пытался прочесть будущее по кофейной гуще. Усок пытался разрядить обстановку, рассказывая какую-то дурацкую историю, но его веселье казалось натянутым.

Сара, выдыхая тонкую струйку дыма, протянула пачку Карине.

— Будешь?

Карина молча взяла сигарету. Ей нужно было чем-то занять руки. Она поднесла огонёк зажигалки к кончику, затянулась. Серый дым заполнил лёгкие, на мгновение притупив тревогу.

В повисшей тишине раздался голос Мин Юнгёка. Он сидел чуть поодаль от остальных, прислонившись спиной к стене. В одной руке он держал стакан с чёрным кофе, в другой — сигарету.

— Так зачем мы здесь? — его голос был тихим, но прорезал гул кафе, как нож масло. Он обвёл всех тяжёлым взглядом. — Чтобы делать вид, что ничего не было? Смотреть друг на друга как на пустое место? Это... жалко.

Он сделал паузу, затянулся сигаретой и выпустил дым колечком.

— Предлагаю сыграть в игру, — на его губах появилась кривая усмешка, и в голосе прозвучали стальные нотки. Он обвёл всех тяжёлым взглядом, и его улыбка стала ещё шире. — «Правда или действие». Правила игры простые. После трёх правд подряд наступает действие. И отказаться от него... ну, выполнить желание, — он достал из кармана джинсов помятую пачку сигарет и бросил её в центр стола, словно бросая перчатку. — Начнём?

На секунду в кафе повисла абсолютная тишина. А затем Джихан резко оттолкнулся от стола. Стул с противным скрипом проехал по полу.

— Детский сад давно закончился, — выплюнул он, глядя на Юнгёка с неприкрытой ненавистью. — Всем пока.

Он сделал шаг к выходу, всем своим видом показывая, что не намерен оставаться здесь ни секунды. Но не успел он сделать и двух шагов, как громкий, властный окрик заставил его замереть на месте:

— Сядь!

Джихан замер, его спина напряглась, как тетива лука. Он медленно обернулся. Его взгляд, полный холодной ярости, упал не на Юнгёка, а на того, кто его окликнул.

Это был Хёнджун. Он сидел прямо, откинувшись на спинку стула, но в его позе не было расслабленности. Его темно серые глаза, обычно такие живые и насмешливые, сейчас были похожи на два куска льда.

— Я сказал, сядь, — повторил он, и его голос звучал тише, но от этого только опаснее. — Ты думаешь, если уйдёшь, всё рассосётся? Ты только что назвал это детским садом. Так веди себя не как капризный ребёнок, который сломал игрушку и убегает. Сядь. И закрой рот.

Джихан замер, его лицо исказила гримаса презрения. Он посмотрел на Хёнджуна, потом на Сокджуна, который так и не поднял глаз от своей чашки, потом на Усока. В его взгляде он не увидел поддержки — только усталое ожидание. Это, кажется, обожгло его сильнее всего.

— Прекрасно, — прошипел он, с силой отодвигая стул обратно к столу. Он плюхнулся на него, скрестив руки на груди. — Играем. Только давайте быстрее. У меня дела поважнее.

— Отлично, — кивнул Юнгёк, и в его голосе снова появились те же стальные нотки. Он сделал ещё одну затяжку и медленно выпустил дым. — Начинаю я. Джихан. Правда или действие?

Джихан фыркнул.

— Правда. Что там у тебя? Спросишь, сколько у меня на счету? Или какого цвета моё нижнее бельё?

Юнгёк проигнорировал колкость. Он наклонился вперёд, поставив локти на стол. Его глаза, тёмные и нечитаемые, приковались к Джихану.

— Правда. Что ты сказал о родителях Карины в раздевалке после физры две недели назад? Дословно.

Воздух в кафе стал густым, как сироп. Карина почувствовала, как у неё похолодели пальцы, сжимающие сигарету. Она перевела взгляд на Джихана. Тот побледнел. Его высокомерная маска на секунду сползла, обнажив что-то похожее на панику. Он бросил быстрый взгляд на Сокджуна, но тот упорно смотрел в стол.

— Это что, допрос? — попытался он отшутиться, но голос дрогнул.

— Правда, — безжалостно повторил Юнгёк. — Ты выбрал правду. Говори.

Все замерли. Даже Сара перестала курить, затаив дыхание. Ёсу сжала в руках салфетку. Усок смотрел на Джихана с немым укором.

Джихан сглотнул. Его взгляд метнулся к Карине, и в нём на мгновение мелькнуло что-то похожее на стыд. Но оно тут же утонуло в привычной злобе.

— Я сказал... — он начал, и его голос прозвучал хрипло. — Я сказал, что не удивлён, что у неё крыша едет. С такими-то родителями. Что её отец — неудачник, который не может прокормить семью, а мать — истеричка, которая только и умеет, что бить посуду. Что яблоко от яблони недалеко падает.

Он выпалил это на одном дыхании, как будто стараясь избавиться от отравы. И тут же накинута на Юнгёка:

— Доволен? Хотел меня опозорить? Ну так я не скрываю! Я так думаю!

В кафе стало тихо настолько, что был слышен шипение кофемашины за стойкой. Карина не двигалась. Слова Джихана ударили её не в сердце — она давно подозревала, что такие разговоры ведутся за её спиной. Они ударили её в самое достоинство. Они сделали её семейную боль публичным зрелищем. Она медленно поставила чашку на стол. Звук фарфора о дерево прозвучал невероятно громко.

Прежде чем кто-либо успел что-то сказать, Сокджун резко поднял голову. Его лицо было искажено такой яростью, какой Карина никогда у него не видела.

— И из-за этой твоей больной, гнилой болтовни всё и началось! — его голос сорвался на крик. Он вскочил, и его стул с грохотом упал на пол. — Ты думал, я не узнаю? Ты думал, можно вот так, просто так, поливать грязью единственного человека, который... — он запнулся, сжав

кулаки. — Я тебе тогда в кафе сказал: заткнись. А ты продолжил. Ты сказал, что она «сама напрашивается на жалость, разводя тут свои трагедии». Вот из-за чего была драка! Из-за его пасти!

Теперь все взгляды переметнулись на Джихана. Тот сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на Сокджуна с холодным, почти клиническим интересом.

— О, как трогательно, — протянул он. — Наш рыцарь в сияющих доспехах. Защитник бедных и убогих. А сам что? Сам рассказал ей об этом? Нет. Потому что трус. Потому что боится, что твой идеальный образ в её глазах треснет, если она узнает, что ты полез в драку из-за сплетен. Тебе же важно, чтобы она думала, что ты «просто за друга заступился», да?

Сокджун побледнел. Это был удар ниже пояса, и он попал точно в цель. Карина смотрела на него, и кусок за куском в её голове складывалась картина. Его уход от ответов. Его странное молчание. Его «тебе лучше в это не лезть». Сокджун не смог выдержать её взгляд. Он опустил глаза. Этот жест был красноречивее любых слов. В этот момент Юнгёк снова заговорил, вернув внимание к игре. Его тон был безразличным, как будто он комментировал погоду.

— Второй круг. Сокджун. Правда или действие?

— Хватит.

Это было не крик. Это было даже не слово. Это был звук, похожий на лёд, трескающийся под ногой над чёрной водой. Низкий, контролируемый, и оттого в тысячу раз более страшный, чем любой ор.

Все головы повернулись к Карине. Она не вскочила. Она даже не пошевелилась. Она сидела всё так же прямо, только пальцы, сжимавшие край стола, побелели от напряжения. Её лицо было маской из холодного фарфора. Ни одной слезинки. Ни одной дрожи. Только глаза — огромные, тёмные, сияющие такой ледяной, беспощадной яростью, что Джихан невольно откинулся назад.

— Хватит этой жалкой пародии на откровенность, — её голос резал тишину, каждое слово — отточенное лезвие. — Вы думаете, что, устроив этот цирк с клоунами, вы что-то решите? Что, вывалив всю эту грязь на стол, как мусор из карманов, вы станете чище? — она медленно перевела взгляд с Юнгёка на Джихана, потом на Сокджуна. Её взгляд был тяжёлым, как свинец. — Ты, — она кивнула в сторону Джихана. — Ты, трус. Не потому, что говорил гадости за моей спиной. Каждый слабак этим занимается. Ты — трус, потому что, выложив это здесь и сейчас, ты прячешься за «честность». «Я так думаю!». Как удобно. Превратить своё гнилое, мелкое злорадство в принципиальность. Ты не смеешь смотреть на последствия своих слов. Ты просто бросаешь их, как камень в окно, и убегаешь, наслаждаясь звуком бьющегося стекла. Ты не мужчина. Ты — вредитель, — Джихан, казалось, физически сжался от её слов. Его высокомерие испарилось, осталась лишь бледная, задетая за живое злоба. — А ты, — её глаза впились в Сокджуна. Он попытался встретить её взгляд, но не смог. — Ты — лжец. Худший вид лжеца. Тот, кто лжёт из «добрых побуждений». Ты решил, что я — хрупкая фарфоровая кукла, которая разобьётся от правды? Ты решил, что моё достоинство нуждается в твоей защите от сплетен? Ты взял мою боль, мою историю, и сделал её поводом для своей мужской драки. Ты не защищал меня. Ты защищал свой собственный образ в своих глазах — благородного защитника. И для этого ты был готов молчать, врать и позволить этой ране гноиться. Какой же

из тебя друг? — Сокджун выглядел так, будто его ударили ножом в живот. Он задыхался, не находя слов. В его глазах стояла такая мука, что даже Ёсу отвернулась, не в силах смотреть. — И эта игра... — наконец, Карина повернула голову к Юнгёку. Её губы искривились в улыбке, лишённой всякого тепла. — Самый изощрённый вид жестокости. Ты поставил нас всех на лабораторный стол, как крыс, и наблюдаешь, кто кого загрызёт первым. Ты думаешь, что, играя в беспристрастного судью, ты выше всей этой грязи? Нет. Ты просто боишься в неё запачкаться. Боишься выбрать сторону. Боишься чувствовать. Поэтому ты прячешься за правилами игры и холодным взглядом. Это не сила. Это духовное банкротство.

В кафе воцарилась мёртвая тишина. Слова висели в воздухе — точные, безжалостные, снимающие кожу и обнажающие нервы. Никто не смел пошевелиться.

Тишину нарушил лёгкий, почти невесомый звук. Щелчок. Это был звук зажигалки. Все взгляды, как по команде, метнулись в конец стола.

Чон Усок, зажёл сигарету. Его движения были медленными, почти церемонными. Он глубоко затянулся, выпустил струйку дыма в потолок и только потом опустил руку. Его лицо, обычно такое доброе и открытое, было усталым и печальным. Но в его глазах горел какой-то новый, твёрдый огонь.

— Она права, — произнёс он тихо. Его голос, обычно такой мягкий, прозвучал с неожиданной силой, разносясь в гробовой тишине. — Во всём права, — он посмотрел на Джихана. — Ты — вредитель, — перевёл взгляд на Сокджуна. — Ты — лжец, — и, наконец, на Юнгёка. — А твоя игра — это трусость.

Усок сделал ещё одну затяжку.

— Мы все тут собрались не для того, чтобы выяснить правду. Мы собрались, чтобы найти виноватого. Чтобы свалить всю нашу общую гниль на одного человека и сказать: «Вот он, источник зла. Уберите его, и всё станет хорошо». Но гниль — в каждом из нас.

Ким Хёнджун молча наблюдал за агонией. Он не кричал, не вскакивал, не ронял стулья. Его разум, обычно занятый построением логических цепочек и поиском решений, наткнулся на глухую стену. Это была не задача по физике и не уравнение с множеством переменных. Это была человеческая гниль, и против неё формулы не работали.

Он отложил сигарету и обвёл всех взглядом — тем самым взглядом старшего брата, который устал от детских ссор.

— Я сегодня должен был сидеть с братом. Но я здесь. Потому что я думал, что вы — моя вторая семья. А семья не играет в «правду или действие», чтобы ранить друг друга. Семья говорит правду, даже когда это больно. И слушает, даже когда не хочет, — он встал. Стул тихо отъехал назад. — Мне надоело. Надоело быть нянькой для вас всех. У меня дома есть один ребёнок, о котором нужно заботиться. Мне не нужны ещё восемь.

Он посмотрел на Карину, и в его взгляде на мгновение мелькнуло что-то похожее на извинение и огромную усталость.

— Прости, Карина. Ты заслуживаешь большего, чем это.

Остальные сидели, ошеломлённые. Холодная ярость Карины обнажила правду. А тихий, усталый уход Усока — человека, который всегда всех мирил, всегда всех поддерживал — показал её цену. Он был тем клеем, что скреплял их шаткий мир. И теперь этого клея не стало.

Звук закрывшейся двери отозвался в тишине долгим, звенящим эхом. Казалось, вместе с Усоком из кафе вытек весь воздух. Осталось только вакуум, густой и давящий, в котором слова Карины всё ещё висели, как осколки разбитого стекла.

Движение Хенджуна было плавным, лишённым всякой суеты. Он просто отодвинул чашку с остывшим кофе — чёрным, как ночь за окном, — и поднялся. Его тень на кирпичной стене на мгновение вытянулась, дрогнула и исчезла.

Он прошёл мимо столика, за которым сидела Юна, даже не взглянув на её заплаканное лицо. Прошёл мимо Сокджуна, который так и не поднял головы. Его шаги были бесшумны. Он не хлопнул дверью. Он просто закрыл её за собой — тихо, аккуратно, отсекая от себя ядовитый пар этой комнаты.

Джихан первый не выдержал этого безмолвия. Он резко встал, и на этот раз его уже никто не останавливал.

— Ну, поздравляю, — прошипел он, его голос был хриплым от сдавленной ярости и чего-то ещё, похожего на стыд. — Все довольны? Раскололи наш дружный коллектив как орех. Особенно ты, — он бросил ядовитый взгляд на Карину. — Надеюсь, тебе теперь легче с этой твоей правдой. Ты её так хотела, вот и получи.

Он не стал ждать ответа. Рывком накинул куртку на плечо и направился к выходу, нарочито громко топая ботинками по полу. Дверь снова хлопнула.

Ёсу тихо всхлипнула, уткнувшись лицом в ладони. Сара обняла её за плечи, но её собственное лицо было каменным. Она смотрела на стол, избегая глаз всех оставшихся.

— Мне надо её отвести домой, — глухо сказала Сара.

Она помогла Ёсу встать. Та, не поднимая глаз, пошла к выходу, всхлипывая в кулак. Сара шла за ней, её прямая спина была единственным признаком того, что она ещё держится. Ещё два щелчка замка — и их не стало.

За столом остались четверо: Карина, Сокджун, Юна и Юнгёк. Юна сидела, уставившись в свою пустую чашку. Её лицо было бледным, а по щекам медленно текли две ровные, беззвучные слезы. Она даже не пыталась их вытереть.

— Он прав, — прошептала она так тихо, что это было почти движение губ. — Усок прав. Мы — гниль.

Сокджун, поднял на Карину взгляд. В его глазах не было ни злости, ни оправданий. Только пустота и глубокая, всепоглощающая усталость.

Карина медленно поднялась. Ноги ватные, в ушах шумело, движения механические, будто её тело двигалось само по себе.

— Я пойду.

— Карина, подожди, я с тобой, — вскочила Юна, смахивая слёзы тыльной стороной ладони. В её голосе звучала паника — паника остаться одной в этом разрушенном мире.

— Нет, — ответила Карина, не оборачиваясь. Её голос был плоским. — Останься. Побудь с... с ними. Мне нужно побыть одной.

Она не посмотрела ни на кого, особенно на Юнгёка, который всё это время молча наблюдал, как рушится созданный им эксперимент. Она просто пошла к выходу, чувствуя, как на неё давит тяжесть трёх пар глаз.

На пороге её остановил голос. Тот самый, который начал этот ад.

— Карина.

Это был Юнгёк. Он не встал. Просто смотрел на неё через весь стол, и в его глазах, наконец, не было ни насмешки, ни холодного любопытства. Было что-то другое. Что-то похожее на... понимание? Или на уважение?

— Ты была сильнее всех сегодня, — сказал он просто. Без интонации. Излагая факты.

Карина замерла на секунду. Потом, не оборачиваясь, кивнула — коротко, почти незаметно. И вышла на улицу.

Холодный ночной воздух ударил в лицо, заставив вздрогнуть. Он пах дождём, выхлопами и одиночеством. Она закуталась в тонкую толстовку и поймала такси села на него. Мысли в голове кружились вихрем, но ни одна не задерживалась надолго. Только обрывки: «вредитель, лжец, трусость, гниль». И лицо Усока, усталое и решительное, когда он сказал: «Мне не нужны ещё восемь».

Ночь. По стеклу бьют стальные капли дождя, стекая пресными слезами по прозрачному стеклу, освещённому тусклым жёлтым светом фонарей. Тепло, хотя за окном бушует непогода. Это одно из тех мгновений, когда хочется просто сидеть и смотреть — смотреть сердцем, чувствуя хрупкую защиту тонкого стекла от миллиона капель воды. Парадокс: такая тривиальная вещь, как дождь, вызывает странную эйфорию.

— Ох, какая омерзительная погода, — пробормотал шофёр.

— Остановитесь здесь, я выйду.

— Но до переулка ещё надо проехать.

— Сама дойду.

Машина остановилась на обочине. Девушка вышла.

— Какая же странная в наше время молодёжь, — произнёс водитель ей вслед.

Карина шагала по тротуару в сторону своего обителя. Она слушала дождь и думала о том, что она одна в целой вечности. Она — вместе с этим вечным дождём. Что родится из этого союза? Бесплодные надежды, муки совести и беспросветная тьма ожиданий. Стены тупика скоро сомкнутся совсем, и она исчезнет навсегда, став лишь дымкой в прохладном воздухе. Наверное, никогда человек не бывает так близок к откровению с самим собой, как в дождливую погоду. Серо, тускло, мерзко. Вдобавок ещё этот дождь. Откуда он вообще взялся? Что заставляет его проливать свои слёзы? Каждая его капля оставляет морщины на её душе, как оставляют навсегда морщины на теле Земли гравитационные волны. Сегодня ей особенно больно. Капли небесной влаги слишком тяжёлые, но что им до неё? У них своя миссия. Само слово «дождь» заставляет её думать о том, что «дождь», «дождись» или «дождусь» они ведь одного ряда. А дождётся ли она когда-нибудь, когда кто-то родной и необыкновенно нежный придёт, обнимет, зашепчет ласковые слова и наконец выключит этот дождь?...

Девушка уже стояла напротив входной двери их квартиры. Она аккуратно, без шума потянула ручку двери на себя. К счастью, дверь поддалась. Но это значило, что родители ещё не спят, и это её разочаровало. «Лучше бы дверь была заперта», — подумала она про себя, войдя и закрыв её за собой.

Девушка сняла обувь и уже хотела зайти в свою комнату, но тут услышала разговор родителей. Подслушивать — это неоригинально, но в этот момент любопытство взяло верх. Она не смогла ничего поделаться, кроме как тихо, на цыпочках, подобраться к дверному проёму родительской комнаты.

— Сегодня я работала, но после смены сказали, что мне позвонят, хотя они этого не сделают... Даже не дали денег за сегодняшний труд... Прихожу домой, а ты тут пьяный валяешься, — сказала мать Карины.

— И что? Успокойся, — промямлил отец.

— И да, ещё пришли результаты анализа...

Карина прокашляла, давая понять, что вернулась.

— Вы как кошка с собакой. Без обид, — сказала девушка. — Как же мне всё это надоело.

— Ты в себе? Почему так поздно? Ты с каких пор тут стоишь? Почему вся такая мокрая? — встала с кровати женщина.

— Короче, мам, давай без допроса. Тебе всегда кажется что я не в себе. Конечно, я определённно в себе. До поздна тусовали с друзьями. С тех пор как ты начала говорить про какие-то анализы и работу, — она хотела было что-то сказать. — Не волнуйся, я не буду допрашивать. Мокрая потому что, на улице льёт как из ведра, я свободна?

— Спокойной ночи, — хором произнесли родители.

— Сладких снов. —развернувшись, она хотела было шагнуть к себе, но — Ах да, ещё кое-что. Я прошу вас не скандалить. Умоляю.

— Спать! — строго произнёс отец.

Карина круто обернулась, показывая всё своё недовольство, шагнула в комнату и громко захлопнула за собой дверь.

— Тиран, — произнесла она вслух.

Нащупав впотьмах выключатель, она наконец зажгла тусклую лампочку на середине потолка, скупо осветившую помещение. Её взгляд упал в угол комнаты, на рюкзак, который она сегодня после школы бросила там. Он так и лежал на уголке, ожидая свою хозяйку.

Комната Карины была её вселенной в миниатюре. Уютной, выстраданной, обжитой до последней пылинки. Прямо у входа — кровать, не просто место для сна, а остров, крепость, занимающая центр этого маленького мира. Справа — окно. Не просто проём в стене, а портал. Из него открывался кусочек реки Сеула, узкая полоска воды, которая в лунные ночи превращалась в струящееся серебро, а в пасмурные дни — в тоску. Рядом с окном, в самом светлом углу, стоял её рабочий стол. Не просто стол — алтарь. Полки, гнущиеся под тяжестью книг, были её пантеоном: там жили Маркес, Сэлинджер, Оруэлл, Лавкрафт, Оскар Уайлд, Моруа, Корелли, тихие голоса, которые понимали её лучше всех живых.

Слева притулился шкаф — скромный, тесный, хранивший не столько одежду, сколько тонко сшитые доспехи для выхода в мир. А чуть дальше, у самого дверного проёма, будто на границе двух реальностей, стоял её косметический столик. Зеркало в простой раме, шкафчики, набитые склянками и тюбиками — не для красоты, а для маскировки. Здесь она собирала лицо, которое показывала миру, прежде чем шагнуть за порог.

Это была не комната. Это была скорлупа. Единственное место во всей вселенной, где можно было сбросить кожу, натёртую чужими взглядами, и остаться просто Кариной. Здесь можно было улыбаться кривой, некрасивой улыбкой, которую стыдно показать на улице. Здесь можно было рыдать в подушку, пока горло не сведёт судорогой. Здесь можно было мечтать о несбыточном и терять надежду на возможное. Это был музей одного экспоната — её подлинного, ничем не прикрытого «я». И она берегла этот уголок, как святыню, как последнее свидетельство мирных времён, которых, кажется, никогда и не было.

Не выдержав тишины, Карина подошла к окну и рывком распахнула створки. В комнату ворвалась ночь — не тихая, а влажно дышащая. Терпкий, почти пьянящий запах промокшей земли ударил в нос, смешавшись с металлическим послевкусием дождя. В верхнем углу, в прорехе между тяжёлых туч, поблёскивал серп молодой луны — тонкий, как лезвие, холодный, как намёк. Он был похож на украденный кусочек фольги, случайно прилипший к бархату неба. Белая тюлевая занавеска, её старая союзница, вздохнула и заколыхалась, подхваченная ленивым движением ветра. Он принёс с собой шелест мокрой листвы — не песню, а усталый шёпот, и смутные обрывки грёз, которые город сбрасывал, погружаясь в сон.

Но тишина не наступила. Вместо неё в распахнутое окно хлынули видения. Весь день, от утреннего скандала на кухне до ледяного ада в кафе, пронёсся перед её внутренним взором калейдоскопом из осколков. Лицо Джихана, искажённое злобой. Спина Усока, уходящего

в ночь. Каменный профиль Юнгёка в дыму сигареты. Слова — «вредитель, лжец, трусость, гниль» — не звучали, а пульсировали в висках, синхронно с ударами сердца. Это было похоже на плохо смонтированный фильм, где она была и зрителем, и главной героиней, и режиссёром, который всё испортил.

Карина зажмурилась, пытаясь отогнать наваждение. Она жаждала прохлады, чистоты, пустоты. Хотела, чтобы ночной воздух вымыл из неё эту липкую, размокшую грязь воспоминаний, что просачивалась в сознание, как вода в подвал. Но что-то внутри сопротивлялось. Какая-то часть её, закалённая годами ожидания удара, не верила в покой. «Спокойствие — это западня», шептало это что-то. «За ним всегда следует новый скандал, новая боль. Расслабляться нельзя.»

И она стояла, вцепившись пальцами в подоконник, вдыхая ночь, которая пахла свободой и одиночеством одновременно, и чувствовала, как внутри неё тихо трескается последняя, самая тонкая перегородка между сегодняшней болью и всей болью, что копилась годами.

Девушка подошла к углу, где на полу, будто забытое тело, лежал её рюкзак. Она подняла его — тяжёлый, набитый вчерашними учебниками и вчерашней болью. Села за стол, где царил строгий порядок книг. Молния расстегнулась с резким, сухим звуком, похожим на вздох.

И сердце ёкнуло. Не от боли, а от чего-то более странного — от нежности, пришедшей извне.

Там, среди тетрадей и ручек, лежала маленькая пластиковая бутылочка. Шоколадное молоко от Юнгёка. Оно казалось сейчас нелепейшим артефактом в её мире рухнувших смыслов. Грустная, мягкая улыбка тронула её губы — улыбка до краёв наполненная иронией и какой-то щемящей благодарностью. За этот жест. За эту неуклюжую попытку заботы от самого бесчувственного, казалось бы, человека.

Она открыла бутылку. Не стала пить залпом, чтобы заглушить горечь. Нет. Она пила медленно, маленькими глотками, заставляя рецепторы работать. Сладковатый, приторный вкус детства, обволакивающий вкус какао... Он был таким настоящим на фоне всей сегодняшней фальши. Это был единственный подлинный вкус за весь день. Она ощущала, как прохладная жидкость стекает по горлу, и это физическое ощущение на секунду приглушило вихрь в голове.

Поставив недопитую бутылку на стол, она взяла ежедневник. Ритуал. Подготовка завтрашней расписании. Карандаш в её пальцах был якорем в бушующем море. Алгебра, история, химия... Она выводила буквы, строя на бумаге видимость порядка, который должен был наступить. Завтра. В котором ей теперь предстояло существовать после всего этого. И в этот момент, когда её мир сузился до разлинованных страниц, завибрировал телефон. Тихий, настойчивый гул на деревянной столешнице. Он резанул по натянутым нервам. Карина замерла, карандаш застыл в воздухе. Она медленно, нехотя, потянулась к экрану.

Всплыло уведомление. «Instagram». Не SMS, не звонок — именно сообщение в мессенджере, от пользователя @pessant1hx.

Карина узнала этот ник сразу. За вычурными буквами и цифрой скрывалась Юна. Её Юна. Та, что сегодня плакала беззвучными слезами в кафе и смотрела на неё взглядом, в котором смешались предательство и мольба.

Большой палец девушки замер в сантиметре от экрана. В этом уведомлении была заключена целая вселенная: возможность нового взрыва, унижительные извинения, попытка всё вернуть... или просто картинка с котиком, как жалкая попытка сделать вид, что ничего не было.

«Открыть? Игнорировать? Удалить чат?» Воздух в комнате снова сгустился. Даже тёплый вкус шоколада на языке вдруг стал горчить. Всё, что она пыталась отгородить ритуалом и расписанием, ворвалось обратно через холодный свет экрана. Она смотрела на ярлычок, и её грустная улыбка медленно таяла, уступая место знакомому, холодному онемению.

Палец дрогнул, тронул экран. Сообщение выскочило, голое и резкое, как пощёчина.

@pessant1hx: «Он ушёл к реке Хан. Я его нашла. Он плакал.»

Карина уставилась на строки. Воздух из лёгких будто выкачали. Она потянулась к клавиатуре, движения скованные.

@vetoluv: «Как Усок?»

Пауза. Три точки печатания. Ответ пришёл обрывком, криком души, вырвавшимся наружу.

@pessant1hx: «Разбит. Мне страшно.»

Слово «разбит» отозвалось тупой болью в груди. Она выдохнула. Пальцы сами вывели правду:

@vetoluv: «И мне тоже.»

Диалог повис в цифровой пустоте. Потом пришло новое сообщение, длиннее, прорвавшаяся плотина.

@pessant1hx: «Я защищала тебя, Карина. От боли. Я не хотела, чтобы ты страдала.»

Защищала. Карина усмехнулась — губы исказила беззвучная, горькая гримаса. Она посмотрела на свою комнату-скорлупу, на бутылку из-под молока, на тёмное окно. «Защищала.» Закрывая в саркофаг молчания.

@vetoluv: «Я и так страдаю всегда. Этого я бы перенесла.»

Она отправила последнее сообщение и вышла из чата. Экран мессенджера сменился бесконечной лентой историй. Мелькали лица одноклассников, глупые мемы, реклама. Карина машинально листала вниз, её взгляд был стеклянным, невидящий. И тут — «врезалось». Среди потока ярких пятен — чёрно-белое изображение. Просто текст на тёмном фоне. Цитата: «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходит чернота.»

Палец замер. Лента перестала двигаться. Слова впились в сознание с такой силой, что она физически почувствовала толчок под рёбрами. Это было не просто наблюдение. Это был «приговор».

«Серость». Её утро. Её город за окном. Её настроение, ставшее постоянным фоном. Серость родительских будней, выжженных в ссорах до пепла. Серость школы, где все играют роли. «Торжество серости» — это её жизнь. Это та самая палитра, в которой не хватало цвета.

«И к власти приходит чернота.» Не просто тьма. «Власть». Чернота — это не отсутствие света. Это активная, поглощающая, тотальная сила. Что это, как не, Юнгёк с его ледяными экспериментами? Джихан с его ядовитой грандиозностью? Её собственная депрессия, которая диктует правила? Её ярость, что наконец вырвалась наружу и всё испепелила?

Цитата висела на экране, безжалостная и ясная. Она объясняла всё. Почему её попытка выжить в серости привела к такому взрыву. Почему молчание Юны и ложь Сокджуна обернулись катастрофой. «Серость рождает черноту». Пассивное страдание неизбежно порождает активное разрушение. Либо извне, либо изнутри.

Карина медленно выдохнула. Она не сохранила картинку. Не поставила лайк. Она просто смотрела, пока экран не погас от бездействия, отразив её лицо — бледное, с тёмными глазами, в которых читалось не отчаяние, а леденящее понимание.

Она жила в царстве серости. И чернота уже пришла к власти. В кафе. В её разбитой дружбе. В слёзах Усока у реки. В её собственном сердце, которое научилось страдать, но не знало, как перестать. Она подняла взгляд от тёмного экрана к тёмному окну. За стеклом по-прежнему шелестел дождь. Но теперь она слышала в нём не шёпот, а тихий, неумолимый смех той самой черноты, которая знала, что победила.

Всё было кончено. Старая жизнь, та, что была хоть и серой, но привычной, — умерла в кафе. А новая... Новая жизнь начиналась с этого осознания. С понимания правил игры, в которой она, сама того не желая, стала и пешкой, и причиной.

Она отложила телефон. Больше не на стол, а далеко от себя, как улику. Потом подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза. Внутри не было ни страха, ни злости. Была только тихая, всепоглощающая «чернота». И впервые за долгое время это не было больно. Это было... справедливо...

Глава 2

«Я не верю в чёрные и белые полосы, я верю в тёмные и светлые оттенки жизни. Самый насыщенный чёрный цвет можно осветлить, достаточно разбавить его светлыми красками из прошлого...»

Карина с матерью идут по парку. Мать держит её за руку — девочку школьницу начальных классов. Сегодня день её рождения, двадцать второго августа. Рука у матери тёплая и, как всегда, чуть влажная, словно она только что вытерла ею слёзы. Девочка старается идти также как мать — легко, царственно, быстро. И осанку хочет перенять у матери, и манеру кланяться при встрече со знакомыми, когда она так изящно и величественно склоняет свою обычно высоко поднятую голову с перехваченными заколкой волосами, которые рассыпаются по плечам как волны атлантического океана.

Карина не умолкает, задаёт кучу вопросов, как и подобает детям, а мать старается ответить на них.

— Куда мы идём? Где папа? Я хочу сахарную вату, — надувает губки сердитая маленькая Карина.

— Туда мы идём, чтобы лопать сахарную вату, а папа уже, наверное, дождался нас. Ты же знаешь, какой он у нас — не любит, когда кто-то опаздывает. Поэтому, зайка моя, давай побыстрее шагать.

Её мама шагает быстрее, а девочка не успевает за ней и, спотыкаясь, падает на обе колени.

— Ай, больно!

Маленькая Карина, хромая, встаёт и смотрит на свои коленки. Они болят и горят, словно она обожглась чем-то очень горячим. Из обеих колен — открытая рана, она кровоточит. Но вот только кровь не красная, а чёрная.

— Мам, смотри, у меня кровь...

Девочка поднимает глаза. Вокруг никого. Она в недоумении.

— Мам?

Девушка резко открывает глаза, и лучи солнца больно бьют по глазам. Она инстинктивно обратно их закрывает.

Она лежала, не двигаясь, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Оно билось где-то в горле — глухо, неровно, будто пыталось вырваться наружу. Под веками всё ещё плясали остаточные пятна от солнца, смешиваясь с тенью от того сна. С тенью от чёрной крови. Карина медленно провела ладонью по лицу. Кожа была сухой, горячей. Утро. Опять утро. За окном кричали вороны. Звук был резкий, рваный, будто они рвали на куски тишину. Или память.

Она села на кровати, поставила босые ноги на прохладный пол. Комната плыла перед глазами — знакомые очертания книжного стеллажа, косметического столика, окна с видом на Сеул. Всё было на своих местах. Всё, кроме неё самой.

На тумбочке лежал телефон. Она потянулась к нему, но пальцы вдруг онемели, повисли в воздухе. Вместо этого взгляд упал на тыльную сторону ладони. На тонкую, почти незаметную белую линию — шрам от пореза, который она получила в двенадцать лет, разбив мамину любимую вазу. Шрам был белым. Кровь тогда была красной. Алой, живой, пугающе яркой. Почему во сне она стала чёрной?

Карина сжала ладонь в кулак, пока белые костяшки не выступили под кожей. Боль была тупой, настоящей. Это было хорошо. Значит, она здесь. Значит, это — явь.

Она поднялась и подошла к окну, распахнула его. Холодный утренний воздух ворвался в комнату, пахнувший рекой, сыростью и далёким дымом. Где-то там, за поворотом, текла река Хан. Туда ушёл он. И туда же, вчера, ушла часть её самой с тем коротким, как выстрел, сообщением.

Девушка прошла в ванную. Движения были механическими, будто тело двигалось по давно написанной инструкции: шаг, поворот, щелчок выключателя.

Яркий свет люминесцентной лампы обрушился на кафель, заставив её на миг зажмуриться. В зеркале мелькнуло бледное, отчуждённое лицо с тёмными кругами под глазами. Карина отвернулась.

Вода хлынула почти обжигающая. Она подставила под струи лицо, потом затылок, плечи, словно пытаясь смыть не пот, а что-то другое. Всю вчерашнюю ложь. Всю налипшую грязь чужих взглядов и собственных мыслей. Всю липкую паутину разговора с Юной. Вода текла по телу горячими ручьями, смывая с кожи ночной холод и остатки сна с чёрной кровью. Она стояла так долго, пока кожа не начала краснеть, а сознание не стало пустым и лёгким, как пар, поднимающийся к потолку.

Выключив воду, она на ощупь нашла крючок с большим, мягким полотенцем. Окуталась им с головы до пят, вдохнула запах чистого хлопка и собственного, теперь уже другого, тепла.

И только тут, стоя посреди облака пара, с каплями воды, стекающими по ногам на кафель, она с лёгким глупым ударом осознала: из спальни она не взяла ни чистого белья, ни одежды. Всё её тщательное, почти ритуальное очищение упёрлось в простую бытовую нелепость.

«Идеально, — подумала она, глядя на груды вчерашней одежды на крышке стиральной машины. — Смыла всю грязь, чтобы завернуться в полотенце и столкнуться с новой глупостью. Прямо как в жизни».

Мысль ударила в голову её отец. Он мог проснуться в любой момент, выйти в коридор, увидеть.

Без лишних раздумий, крепче затянув полотенце на груди, она рывком распахнула дверь ванной и почти вылетела в коридор. Босые ноги шлёпали по прохладному ламинату, оставляя влажные следы. Взгляд метнулся к двери родительской спальни закрыта, тихо. С облегчением,

граничащим со слабостью, она проскочила в свою комнату, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, отдышываясь.

Глупо. Унизительно. Смешно. Ирония ситуации была настолько горькой и точной, что она снова тихо фыркнула — уже беззвучно, только плечи вздрогнули.

Она быстро натянула старое спортивное бельё и тёплый, поношенный хлопковый халат, который пахло стиральным порошком и домашним покоем.

Потянувшись к шкафу за джинсами, её взгляд зацепился за картонную коробку на верхней полке. «Старое», было выведено маркером на боку. Рука сама потянулась к ней. Она сняла коробку, села на кровать, поставив её перед собой. Внутри лежал беспорядок из памятных мелочей: открытки, грамоты, несколько тетрадок с детскими стихами. И на самом дне, синий бархатный фотоальбом с потёртыми уголками.

Она открыла его. Первые страницы — она маленькая, на руках у матери. Потом — детский сад, первые школьные линейки. И вот она нашла. Снимок в парке. Ей лет семь, на ней то самое накрахмаленное платье с бантами. Она сидит на скамейке, держит в руках огромную, почти с её голову, розовую сахарную вату и улыбается во весь рот, щурясь от солнца. А чуть левее... мать. Она стоит, чуть отстранившись, одна рука в кармане летнего платья, другая придерживает сумочку. Она смотрит не на дочь с её ватой, а куда-то за кадр. И если приглядеться... на коленке у маленькой Карины, поверх белого носочка, был аккуратно наклеен маленький пластырь с мишками.

Карина провела пальцем по фото, по этому пластырю. Во сне кровь была чёрной. На фото всего лишь ссадина, залепленная детским пластырем. Какая версия была правдой? Та, что помнило тело жжение, боль, падение? Или та, что запечатлел объектив улыбка, вата, мишки?

Она закрыла альбом. Прошлое было непроницаемым, как эта бархатная обложка. В нём можно было найти любую краску для своей сегодняшней палитры — и светлую, и тёмную.

Она встала, убрала коробку обратно на полку, будто пытаясь задвинуть туда и нахлынувшие мысли. Надо было двигаться, делать что-то простое и настоящее. Она натянула джинсы, свитер, скомкала мокрое полотенце и бросила его в корзину для белья.

Из коридора донёсся звук телевизора, отец проснулся. Приглушённые голоса дикторов. Обычное утро. Мир продолжал жить по своим законам, не обращая внимания на чёрную кровь в снах и невысказанные слова в мессенджерах. Карина твёрдо направилась к двери. Пора было выходить в этот мир. Не к телефону, не в прошлое в альбоме. На кухню. Сделать чай. Столкнуть с отцом за завтраком. «Продолжить этот день, оттенок за оттенком».

Из гостиной доносились звуки утренних новостей. И ещё один, более близкий и живой звук — лёгкий стук ножа о разделочную доску и шипение масла на сковороде из кухни.

Карина заглянула в дверной проём. На кухне, у плиты, стояла мать. Спина её была прямая, волосы, уже собранные в тугий узел, открывали тонкую шею. Она помешивала что-то на сковороде, и в воздухе витал знакомый, тёплый, островатый запах кимчи и поджариваемого кунжута. Токпокки? Нет, что-то проще. Возможно, рис с яйцом и остатками вчерашнего кимчи-боккым — её стандартный, быстрый и сытный завтрак.

Сердце Карины на мгновение сжалось — от этой обыденной картины, от запаха детства, от того, как солнечный луч падал на мамину руку, держащую лопатку. Она подошла тихо, сзади, и, прежде чем мать успела обернуться, легко прикоснулась губами к макушку.

— Доброе утро, мам.

Мать слегка вздрогнула, не от испуга, а от неожиданности. Она обернулась, и на её лице — усталом, с едва заметными морщинками у глаз — расцвела настоящая, тёплая, чуть удивлённая улыбка. Та самая, которая почти никогда не доставалась отцу и которая для Карины была дороже любого слова.

— Доброе утро, зайка, — голос у матери был хрипловатым от утренней тишины, но мягким. — Проснулась? Я как раз... — она махнула лопаткой в сторону сковороды, — ...делаю наш обычный «спасение от голода». Садись, почти готово.

Карина кивнула и, обойдя мать, потянулась к шкафу за тарелками. В этом простом движении, в этом утреннем ритуале, в запахе жареного кимчи было что-то невероятно целебное. Что-то, что на время затягивало трещины, как смола. Она поставила на стол две тарелки, достала палочки.

— А папа? — тихо спросила она, не глядя на мать.

— В гостиной. Чай пьёт, — ответила мать, и в её голосе не было ни раздражения, ни усталости а факт, плоская, как поверхность стола. — Говорил, что не голоден.

Карина лишь кивнула. Значит, завтрак пройдёт тихо, втроём, но по сути вдвоём. Это было даже к лучшему.

Мать выложила на тарелки золотистый рис с красно-оранжевыми вкраплениями кимчи и хрустящими поджаренными краями, сверху положила по яичнице-глазунье. Просто, дёшево, вкусно. Еда, которая не претендует на большее, но всегда спасает.

Они сели друг напротив друга. Тишина между ними была не неловкой, а наполненной запахом еды и звуком палочек.

Это было утро. Настоящее. И чёрная кровь из сна, и река Хан, и сообщение Юны всё это отступило на шаг, уступив место запаху жареного кимчи, теплу маминых рук и тихому щелчку палочек.

— Вкусно, — наконец сказала Карина, потому что тишину нужно было чем-то заполнить, а ложью это не была.

— Старалась для своей взрослой дочери, — мать улыбнулась уголками губ, в её глазах мелькнула искорка лёгкой, почти забытой игры. — Хотя рецепт, кажется, не менялся лет десять.

— А зачем менять то, что и так идеально? — Карина сказала это чуть более серьёзно, чем планировала.

Мать посмотрела на неё пристальнее. Взгляд стал глубже, изучающим.

— У тебя... всё в порядке, Карин? — спросила она тихо, отложив палочки. — Ты вчера поздно пришла. И была сама не своя...

Вопрос повис в воздухе, пахнущем кунжутом. «Нет, мам. У меня во сне течёт чёрная кровь, наш дружный коллектив распался, а я чувствую себя так, будто стою на краю чего-то очень тёмного». Настоящий ответ горел на языке. Но она лишь сделала глоток зелёного чая, который мать поставила перед ней ещё в начале завтрака.

— Всё нормально, — сказала Карина, и её голос прозвучал ровно, почти убедительно. — Просто устала. Учёба, мысли... Всё как обычно.

Мать знала, что это не вся правда. Но она также знала, что сейчас — за этим столом, в этот хрупкий утренний миг давить нельзя. Нужно просто быть рядом.

— Ладно, — просто сказала мать.

Из гостиной донёсся кашель отца, затем звук передвигаемого стула. Мир за пределами их кухонного островка напоминал о себе. Но теперь этот звук не вызывал прежней тревоги. Он был просто фоном.

Мать встала, чтобы собрать со стола пустые чашки. Карина тоже поднялась, помогая донести своё блюдо до раковины.

— Не забудь захватить что-нибудь с собой, — сказала мать, кивая на вазу с фруктами. В её голосе не было вопроса о планах — только забота. — Яблоко или банан. Чтобы голодной не была до обеда.

И в этой простой, бытовой заботе, в этом предложении взять яблоко, Карина почувствовала прилив странной, светлой силы.

Она взяла ярко-красное яблоко. Его гладкая, прохладная кожура была приятной на ощупь.

— Хорошо, мам.

В этот момент в кухню, шаркая тапочками, вошёл отец. Он был в старом домашнем халате, лицо немного одутловатое после сна, но трезвое.

— Доброе утро, — сказал он хрипловато, обращаясь в пространство между ними. Его взгляд скользнул по Карине. — Как ты?

— Привет пап, все нормально спасибо, а ты как?

— тихо спросила девушка.

— Пойдёт. Хотя, конечно, могло быть и получше, — отвечает мужчина. — Вот. На фонд класса. Класная говорила, к пятнице нужно сдать.

Он протянул деньги. Просто, без лишних слов, как всегда. Не «держи, дочка», не «как дела в школе». Просто факт: есть обязательный платёж, вот деньги.

Карина взяла купюры. Бумага была тёплой от кармана.

— Спасибо, — сказала она, встретив его взгляд. В его глазах она не увидела ничего — ни любви, ни раздражения. Была лишь утренняя рассеянность и, возможно, тень какой-то своей, далёкой от них озабоченности.

— Не теряй, — буркнул он в ответ уже как бы между делом и потянулся к чайнику, чтобы налить себе чаю.

Это было всё. Никакого «удачи». Но в этом простом, обыденном жесте, вот деньги на школьные нужды, была своя, кривая, неуклюжая форма заботы. Он помнил. Он дал. Он обеспечил эту маленькую часть её мира. Этого, как ни странно, в данный момент было достаточно.

Карина взглянула на деньги потом на яблоко. Два твёрдых, реальных предмета: один — сладкий и от мамы, другой — бумажный и от папы. Оба — часть её жизни.

— Я пошла, — сказала она, глядя то на мать, то на спину отца у плиты.

— Береги себя, — сказала женщина, и в её голосе зазвучала лёгкая, живая нота. Отец лишь буркнул и сделал глоток чая.

Карина вышла из кухни, оставив за спиной этот утренний снимок: мать у раковины, отец с чаем, запах еды и тихий звук включённого в гостиной телевизора. Она пошла в свою комнату собираться, с лёгким, почти неуловимым чувством, что этот завтрак, несмотря на всю его обыденность, дал ей что-то важное. Не только яблоко и деньги. А что-то вроде разрешения идти вперёд, не оглядываясь на трещины в стенах родного дома...

Воздух на крыше был другим. Внизу, в коридорах, пахло хлоркой от свежевывмытых полов, пылью старых учебников и сладковатым ароматом булочек с бобовой пастой из столовой. Здесь же пахло мокрым бетоном, озоном после ночного дождя и свободой.

Карина сидела на своём привычном месте у самого парапета, Это была её крепость, её смотровая башня. Отсюда город казался не серой безликой массой, а живым организмом: по артериям-дорогам ползли машины, в бесчисленных глазах-окнах отражалось утреннее небо, а река Хан блестела стальной лентой, разрезая бетонное тело Сеула пополам.

Она подтянула колени к груди, обхватив их руками. Утренний завтрак теперь казался чем-то из прошлой жизни. Яблоко съедено, деньги уже превратились из бумажек в школьный фонд, но память об этом жесте и тепло купюр остались с ней. Отец дал. Мать проявила заботу. Это была иллюзия нормальности, хрупкая, как яичная скорлупа. И она только что разбилась.

В голове всё ещё звучали вчерашние слова Джихана. Не те, что он сказал в классе при всех, а те, ядовитым шёпотом брошенные в раздевалке: «...с такими-то родителями... яблоко

от яблони...». Карина поморщилась и прижалась лбом к холодному колену. Он просто озвучил то, что она сама думала годами. Её дом — это не крепость, это бункер с протекающей крышей и вечной угрозой обрушения. И она в нём заперта вместе с двумя уставшими, сломленными людьми.

Она достала из кармана смятую пачку сигарет. Сара оставила вчера. Карина повертела её в руках. Курить не хотелось, но сам жест достать сигарету, ощутить её вес успокаивал. Это была материальная вещь в мире рухнувших смыслов.

Подул лёгкий ветер, взметнув её волосы и принеся с собой далёкий гул школьного двора — смех, крики, хлопанье дверей. Там кипела жизнь. Здесь была тишина и пустота.

Пора было спускаться. Пора было идти на урок. Внизу её ждал мир, который она вчера разрушила своим криком. И сегодня ей предстояло встретиться с ним лицом к лицу. Но перед этим у неё было ещё пять минут тишины и одна сигарета. Она просто держала её в пальцах, глядя, как сизый дымок растворяется в холодном воздухе.

Шаги она слышала не сразу — гул двора заглушал всё. Но когда тень упала на плитку рядом с ней, она вздрогнула и резко обернулась.

Сокджун.

Он не сказал ни слова. Его взгляд был тёмным и тяжёлым, лишённым привычной мягкости. Он просто шагнул к ней, решительно сокращая дистанцию. Карина не успела ни отстраниться, ни спросить — он уже был рядом. Одной рукой он крепко обхватил её за талию, а вторую запустил в волосы на затылке, не давая уклониться. Сигарета так и осталась зажатой в её пальцах, забывтая.

В следующее мгновение он легко, словно она ничего не весила, приподнял её над землёй. Карина инстинктивно ухватилась за его плечи. Не разрывая зрительного контакта ни на секунду, он сделал два шага вперёд — прямо к краю крыши и посадил её на тёплый бетон парапета. Теперь их лица были на одном уровне. Он встал между её разведённых коленей, прижимая её к себе так, что она спиной чувствовала пустоту за собой. Его губы накрыли её рот требовательно, жадно, без капли нежности. Это был поцелуй-утверждение, яростный и отчаянный одновременно. Его руки скользнули вниз, властно сжимая её бёдра, притягивая её вплотную к себе.

Мир исчез. Остался только вкус его губ, запах его кожи и тепло нагретого солнцем камня под ней. Её сопротивление длилось лишь долю секунды, а затем пальцы, сжимавшие сигарету, разжались. Тонкая белая палочка, потеряв равновесие, медленно соскользнула вниз, описав короткую дугу в воздухе. Она упала на крышу, издав тихий, едва различимый звук, словно сама судьба решила оставить этот момент без свидетелей. Свободная рука обвила его шею, зарываясь в волосы на затылке.

Это был не поцелуй. Это было поглощение. Его губы не просто целовали — они требовали ответа, двигаясь против её рта с такой яростью, что в висках застучала кровь. Язык скользнул внутрь, влажный и горячий, на вкус — кофе и что-то горькое, возможно, гнев. Или страх. Карина ответила тем же — встречным движением, укусом в его нижнюю губу, тихим стоном, который был вырван из самой глубины её горла.

Он издал низкий, одобрительный звук, почти рычание. Его руки, в тёмно-синих рукавах школьного пиджака, соскользнули с её бёдер ниже, крепко обхватив её под ягодицами, прижимая её к себе так плотно, что через слои его школьных брюк она чувствовала всё — жёсткий мышечный рельеф его живота, напряжённые бёдра и твёрдый, недвусмысленный силуэт его возбуждения, упирающийся в самое её нутро. Воздух перехватило. Мысли испарились. Остались только ощущения.

Пустота за спиной. Всего пара сантиметров, отделяющих её от свободного падения. Но она не боялась. Потому что он держал её. Его хватка была железной. Он был её якорем и её пропастью одновременно.

Его рука отпустила её пальцы и впилась в её талию под коротким школьным жакетом, под блузкой, касаясь голой кожи. Прикосновение было шокирующим, электризирующим.

Резкий, механический звук, громкий и неумолимый, разрезал воздух прямо над их головами. Резкий треск школьного динамика, за которым последовал сухой, официальный голос завуча:

— Всем учащимся немедленно проследовать в учебные классы. Урок начинается через десять минут. Повторяю...

Голос, усиленный до неприличной громкости, прозвучал как ушат ледяной воды.

Сокджун замер. Его губы оторвались от её, тело напряглось. На мгновение в его глазах мелькнула ярость — направленная на это вторжение, на систему, на правила, которые разрывали их хрупкий, нелегальный мир на куски.

Карина почувствовала, как реальность обрушивается на неё с пугающей скоростью. Холодный ветер снова ударил в разгорячённую кожу. Шум с улицы ворвался в её сознание. Она осознала, где они находятся: на крыше школы, на виду у всего мира, если кто-то посмотрит вверх. Её губы, наверное, распухли, а в глазах — дикий, не школьный блеск.

Он медленно, будто через силу, разжал пальцы, высвободил свою руку из-под её блузки. Прикосновение ушло, оставив после себя жгучую пустоту и мурашки на коже. Он отступил на шаг, высвобождая пространство между их телами. Воздух, который теперь заполнил эту пустоту, показался ледяным.

Они молча смотрели друг на друга, оба тяжело дыша, оба пытаясь собрать рассыпавшиеся на части маски. На его лице боролись эмоции: остатки ярости, смущение, что-то похожее на растерянность.

— Иди, — наконец сказал он, его голос был низким и хриплым, но уже без той животной интонации. — На урок.

Карина, дрожа, сползла с парапета, едва удерживаясь на ногах. Она поправила скомканную юбку, дрожащими пальцами.

Он не смотрел на неё, уставившись куда-то в сторону города. Его профиль был напряжённым.

— После школы, — сказал он, не поворачивая головы. — Жди у главных ворот.

Это не было вопросом. Это был приказ. Или обещание. Не дожидаясь ответа, он развернулся и зашагал к выходу с крыши, его силуэт чётко вырисовывался на фоне голубого неба.

Карина осталась стоять одна. Ветер свистел в ушах. За ним захлопнулась дверь. Её тело всё ещё горело, губы пульсировали, а внизу живота стояло тяжёлое, неудовлетворённое напряжение. Но в груди была ледяная пустота. Магия момента разбилась о суровую реальность школьного расписания.

Девушка не оглядываясь, пошла к двери, за которой его уже не было. Ей предстояло спуститься вниз, в мир, где она должна была быть просто ученицей, и провести несколько часов, делая вид, что её мир не перевернулся с ног на голову за эти десять минут на крыше...

Воздух в кабинете был густым, как остывший кисель. Карина чувствовала взгляды кожей — они касались её лопаток, когда она шла к парте, липли к волосам, пока она доставала учебник. Класс гудел приглушённым ульем, но стоило ей переступить невидимую черту своего ряда, как звук оборвался. Тишина упала тяжёлым занавесом.

Она шла, глядя строго перед собой, на исцарапанную крышку парты. Ей не нужно было видеть их лица, чтобы знать: Пак Джихан ухмыляется своей хищной улыбкой, Чон Усок смотрит в окно с привычной усталостью, а Юна... Юна наверняка кусает губы, разрываясь между желанием подойти и страхом нарушить эту хрупкую тишину.

Карина опустила на стул. Стул скрипнуло под ней — единственный звук в этом вакууме. Она положила руки на стол, чувствуя холод пластика. Пальцы дрожали. Не от страха — от ледяной пустоты внутри. После крыши, после поцелуя, который всё ещё горел на губах фантомным ожогом, реальность школы казалась абсурдной декорацией.

Тень упала на парту раньше, чем она услышала шаги. Она не подняла головы. Зачем? Сейчас кто-нибудь обязательно отпустит сальную шуточку или бросит в спину скомканную бумажку. Это было бы даже... ожидаемо. Но вместо звука рвущейся бумаги раздался глухой стук. Тяжёлый, мягкий.

На её парту легла книга.

Карина моргнула. Это был не учебник и не тетрадь. Старый том в тёмно-синем переплёте, настолько потёртым, что цвет казался почти чёрным.

Уголки страниц обтрепались, корешок треснул и был аккуратно подклеен пожелтевшим скотчем. Она медленно подняла взгляд. Мин Юнгёк стоял рядом. В руке он держал потрёпанный рюкзак. Парень не сказал ни слова. Просто положил книгу и так же бесшумно, как появился, скользнул к своему месту в дальнем углу у окна.

Карина осталась одна с этим странным подношением под перекрёстным огнём десятков глаз. Она коснулась переплёта кончиками пальцев. Кожа была холодной и сухой. Никаких над-

писей на обложке, кроме едва заметного тиснения, которое она скорее угадывала пальцами, чем видела глазами: «Les Fleurs du mal». «Цветы зла». Сердце пропустило удар.

Она приоткрыла книгу. Пахнуло пылью и старой бумагой — запахом тайн и забвения. Внутри, на форзаце, выцветшими чернилами была сделана надпись на французском — витиеватая и незнакомая. Но главное было не это. Главное были поля. Они были исписаны мелким, острым почерком, похожим на росчерк скальпеля. Вопросительные знаки напротив строф о тоске, подчёркивания в описаниях городской грязи... Кто-то жил этой книгой. Кто-то дышал ею.

Эта мысль обожгла её. Юнгёк. Конечно, это был он. Это его мир. Не мир ярких красок и глупых школьных сплетен, а мир оттенков, где красота рождается из распада. Он не принёс ей шоколадку, чтобы подсластить пилюлю. Он принёс ей инструмент. Зеркало, в котором её собственная боль отразится не как уродство, а как предмет искусства.

Её взгляд упал на строчку, подчёркнутую тонкой, но уверенной чертой:

«Je suis comme le roi d'un pays pluvieux,

Riche, mais impuissant, jeune et pourtant très vieux...»

«Я словно король страны дождливой,

Богат, но бессилён, молод — и вечно старый...»

Слова, точные как диагноз, легли на её душу холодным, странно успокаивающим пластырем. Он не просто дал ей книгу. Он нашёл для её хаоса точную формулу.

Она перевернула страницу. И тут же фыркнула — коротко, почти неслышно. Прямо в начале, жирным шрифтом, стояло обращение, которое, должно быть, читали миллионы:

«— Hypocrite lecteur, — mon semblable, — mon frère!»

«— Лицемерный читатель, — мой двойник, — мой брат!»

«Ну конечно, — с горькой усмешкой подумала она. — Как же без этого пафоса. Все мы тут братья по несчастью, да? Особенно с такими, как Джихан.» Строка показалась ей напыщенной, дешёвой театральностью. Она мысленно поставила ей оценку «драматизм на троечку» и провела пальцем дальше, к тем строфам, где было меньше пафоса и больше настоящей грязи, больше её собственного отражения.

Она подняла взгляд. Он уже сидел на своём месте, спиной к ней, отгороженный стеной из наушников и своего вечного холода. Он даже не посмотрел в её сторону, чтобы проверить реакцию. Ему это было не нужно. Он сделал свой ход — точный, хирургически выверенный — и снова ушёл в тень. Он видел её насквозь. Видел её серость, её гниль, её отчаяние — и вместо того чтобы отвернуться с брезгливостью, он протянул ей руку. Пусть даже эта рука была холодной, а ладонь пахла типографской пылью и одиночеством. Один дар был неуклюжей попыткой согреть тело. Второй — точным инструментом для описания того, что творится в душе.

Девушка осторожно убрала книгу в рюкзак. Тяжесть этих слов, чужих и таких своих, делала её собственную ношу легче. Теперь у её тоски было имя. И оно было прекрасно...

Карина сидела за своей партой, уставившись в учебник истории. В классе стоял привычный гул, но для неё всё словно происходило за толстым слоем стекла. Она не подняла головы, даже когда почувствовала, как подошла Юна.

— Отличная сегодня погода, — голос Юны прозвучал нарочито бодро, словно она репетировала эту фразу перед зеркалом.

Карина медленно повернула голову. Её взгляд был уставшим, а губы искривились в усмешке.

— Тоже мне синоптик, — бросила она саркастично, даже не пытаясь скрыть яд в голосе.

Юна на секунду замолчала, будто собираясь с силами. Она опустила глаза на свои сцепленные в замок пальцы.

— Карин... извини меня. Я не хотела... — её голос дрогнул и стал тише, — ...от тебя ничего скрывать.

Она так и не закончила фразу, но она прозвучала громче любого крика. Карина смотрела на подругу, и в её глазах читалась целая буря: обида, усталость и что-то ещё, похожее на жалость.

Карина не ответила. Она просто смотрела на Юну, и в этом молчании было больше тяжести, чем в любых словах. Взгляд скользнул по подруге: по её слишком прямой спине, по побелевшим костяшкам пальцев, вцепившихся в край парты, по упрямому подбородку. Карина видела, как Юна борется с собой, как хочет сказать что-то ещё, но боится, что любое слово будет лишним.

— Не хотела скрывать? — наконец произнесла Карина. Её голос был ровным, почти безжизненным. — А что же ты делала? Вязала свитер?

Юна вздрогнула, словно от пощёчины. Она подняла глаза, и в них блеснули слёзы.

— Я... я просто боялась сделать тебе больно. Ты и так... у тебя дома... Я думала, если ты не узнаешь про Джихана сразу, то хотя бы не будешь думать об этом. Не будешь переживать ещё и из-за нас.

— Боялась сделать больно? — Карина горько усмехнулась и наконец захлопнула учебник. Звук получился резким, как выстрел. — А то, что я узнала всё при всех, в кафе, на глазах у всех этих людей — это, по-твоему, не больно? Ты защищала меня от сплетен, устроив публичную казнь?

Юна опустила голову ещё ниже. Плечи её затряслись беззвучно.

— Я знаю, что всё испортила. Я всё испортила. Я не знала, как сказать... Я просто... запуталась.

Карина вздохнула и отвернулась к окну. За стеклом сиял солнечный день — тот самый, о котором говорила Юна. Свет заливал школьный двор, отражался в лужах после вчерашнего дождя и делал мир снаружи обманчиво ярким и чистым. Внутри же у Карины была «чернота». Густая, вязкая, как смола, она заполняла каждую клетку, заглушая звуки и притупляя чувства. Она снова посмотрела на Юну. В её взгляде уже не было яда, только бесконечная усталость.

— Это не твоя вина, — сказала она тихо, и её голос прозвучал глухо, словно из глубокого колодца. — Во всём виновато наше... лицемерие. Наша проклятая привычка делать вид, что всё хорошо, когда всё катится под откос. Мы все повязаны этой ложью. Джихан просто оказался самым громким трусом, который посмел сказать это вслух.

Она закрыла учебник с тихим щелчком, который показался ей оглушительным.

— Ладно... Иди уже ко мне.

Она шагнула к Юне и, не говоря ни слова, крепко обняла её, притягивая к себе. Юна уткнулась лицом ей в плечо и тихо, судорожно всхлипнула.

Это не было прощением. Это было перемирие. Холодное, хрупкое перемирие после вчерашней войны...

Компашка заняла свой штатный угол в столовой, стол у самого окна. Столешница утопала в подносах, обёртках от шоколадок и стаканчиках с соком. Сквозь мутное стекло лился тёплый, пыльный свет, он выхватывал крошки на пластике, жирный отблеск на губах Сары и делал этот уголок похожим на аквариум. Уютным, безопасным аквариумом, где можно было просто дышать.

Ёсу, сидевшая напротив Карины, ловко вертела палочками, подбрасывая кусочки огурца.

— Представляете, — начала она, и голос её звенел, как монетка, — у новенькой папа тот самый, кто влил деньги в ремонт нашего корпуса. Говорят, для неё даже кабинет психолога отдельный сделали.

Сара, развалившись на стуле и закинув ноги на соседний, фыркнула так, что чёлка взметнулась:

— Да пошла она со своим папочкой-инвестором. Надоели уже эти разговоры. Как будто кроме её денег и поговорить не о чем.

Юна, справа от Карины, игриво улыбнулась, пытаясь сгладить угловатую прямоу Сары:

— Эй, не кипятись. Зато теперь в актовом зале проектор, как в кинотеатре. Можно будет фильмы смотреть.

Карина молчала. Их голоса доносились до неё, как из-под толстой воды. Внутри же, чётко и навязчиво, как заевшая пластинка, крутилась одна и та же плёнка: крыша, его руки, его губы,

его команда: «Жди у главных ворот». Губы сами собой искривились в усмешке. «Придурок.» — подумала она.

— Карина, Карина! — Ёсу похлопала её по руке, и девушка вздрогнула, словно её выдернули из глубокой, тёмной воды на яркий свет.

— Ты тут с нами или уже в космос улетела? — с лёгкой, но заметной укоризной спросила Ёсу, отставляя стакан.

— А? Что? — Карина моргнула, пытаясь поймать ритм их разговора, уцепиться за него.

Сара, хитро прищурившись, подалась вперёд, и её тень упала на стол:

— Ты точно не с нами. Ёсу зовёт сегодня к себе. Пижамник. Ты с нами?

Карина замерла. Вечеринка. Пижама. Дурацкие фильмы и болтовня до утра. Всё это казалось ей сейчас чужой, наигранной жизнью из плохого сериала. Но где-то глубоко, под слоем чёрной, вязкой усталости, шевельнулось что-то маленькое и жадное. Что-то, что хотело этого самого простого смеха, тёплого плеча, чужой, но живой заботы.

— Конечно, я с вами, — выдавила она, и улыбка получилась чуть менее деревянной, чем она боялась.

Ёсу радостно хлопнула в ладоши. Сара удовлетворённо откинулась на спинку стула. А Юна, поймав её взгляд, тихо, но очень чётко сказала, словно давая обет:

— Будет весело. Я обещаю.

Карина кивнула. «Может, там, среди их смеха и глупых шуток, этот голос в голове наконец замолчит?» — подумала девушка. Но в тот же миг в сознании, чёткий, как контур ножа, возник его силуэт. Его голос. Его приказ. «Придурок.» — повторила она про себя, но на этот раз уголки губ дрогнули, выдавая не злость, а что-то другое. Что-то вроде странной, болезненной ностальгии по тому, что едва успело стать реальностью и уже превратилось в проблему.

Свет из окна падал на стол, разделяя его пополам. Одна половина — в тепле и беспорядке дружеского застолья. Другая, где сидела Карина, — уже в тени. И она знала, что эта тень последует за ней куда угодно. Даже на пижамную вечеринку...

День клонился к закату, вытягивая из школы последних учеников. Карина и Юна шли по двору, и асфальт под ногами был тёплым, почти живым, окрашенным в рыжие тона уходящего солнца. Школа отступала за спиной тяжёлой каменной глыбой, но в висках у Карины всё ещё стучало эхом от той тишины, что была на крыше.

— Слушай, — Юна схватила Карину за локоть, её пальцы были холодными. — Давай сегодня устроим потоп. Такой, чтобы смыло всё вчерашнее. Все разговоры, всех этих людей... всё. Забудем. Затопим это всё музыкой и смехом. Обещай.

— Обещаю, — улыбнулась девушка.

После они пошли дальше, улыбаясь друг другу, но улыбки были неестественными, как маски, скрывающие настоящие чувства. Их длинные тени, вытянутые заходящим солнцем, бежали впереди, словно стремясь убежать от самих девушек. Карина смотрела на эту тень, думая, как бы ей хотелось раствориться в этом оранжевом свете, стать частью пыльного вечера, а не пленницей собственных мыслей. Но тень не могла убежать от хозяина, и Карина знала, что ей предстоит ещё долгий путь, прежде чем она освободится от груза, который преследовал её, как неотступная тень.

И тут тень удвоилась. Из-за угла, будто вырастая из самой стены, возник Сокджун. Он не подошёл — он заблокировал путь. Лицо было лишено привычной холодной собранности, в уголках губ дрожали мелкие, неконтролируемые зажимы.

— Я сказал ждать у ворот. Ты что, не расслышала? — его голос был ровным, но в этой ровности сквозило напряжение туго натянутой струны.

Юна, шагнувшая чуть вперёд, вскинула брови с преувеличенной вежливостью:

— О, Сокджун-и! Какая неожиданная... помеха.

Карина даже не повернула головы. Она смотрела куда-то мимо него, сквозь него, и её голос прозвучал плоским, безвоздушным пространством:

— У меня нет оснований с тобой разговаривать. Нет желания что-либо обсуждать.

Он сделал шаг вслед, и теперь шёл рядом, как навязчивый ритм, который нельзя отключить.

— А мне показалось всё иначе, — его голос снизился до опасного шёпота, — Тебе ведь понравилось.

Слова вонзились не в сердце, а в солнечное сплетение. Карина остановилась, и всё её тело стало одним сплошным, негнущимся мускулом. Воздух перестал поступать. Юна настожила, её взгляд метнулся от подруги к парню:

— Вы это о чём?

— Ни о чём, — ответила Карина, всё ещё глядя в пустоту. Голос её был чистым стеклом, прозрачным и режущим. — Он просто сегодня не принял свою таблетку пунктуальности. Сокджун, отстань. И забудь. Это не просьба.

Лицо парня исказилось. Это было не просто злость. Это было осквернение ритуала. Его идеальный порядок действий дал сбой, и виновата в этом она, живая, непослушная переменная.

— Забыть? — прошипел он так тихо, что слова едва долетели. — То, что было между нами? Не хочу.

Карина резко развернулась к нему, её глаза сверкнули холодным блеском.

— То, что было, это твоя фантазия. И твоя проблема. Решай её в одиночку. Пока.

Она взяла Юну под локоть, и её хватка была твёрдой, как сталь. Повела за собой, не оглядываясь. Юна, на ходу обернувшись, увидела, как он стоит посреди дорожки, сжав кулаки так, что костяшки побелели. На его лице играли судороги, не эмоций, а сломанного алгоритма.

Юна молчала, но её взгляд говорил всё: «Что это было?» Карина не отвечала. Она просто шла, чувствуя, как по спине ползет холодок от его взгляда, прилипшего к ней, как ярлык. Он не отступил. Он зафиксировал сбой. И теперь она была для него не объектом симпатии, а ошибкой в уравнении, которую нужно исправить. Любой ценой...

Она толкнула дверь квартиры. В нос ударил запах свежeweымытого пола и влажной ткани — пахло не чистотой, а тревогой, вылитой ведрами. Бросив последний взгляд в пустой подъезд, шагнула внутрь, в гулкую тишину чужого решения.

— Мам, пап, я дома, — произнесла она, уже наклоняясь к шнуркам.

— Слышим! — ответили они хором, и этот дуэт прозвучал неестественно, как отрепетированная ложь.

Девушка закатила глаза. Сбросила рюкзак в своей комнате так, что тот глухо шлёпнулся о пол, и пошла на голоса. Ноги были ватными.

— Чем вы тут заняты? — спросила она, останавливаясь в дверном проёме. Родители усердствовали с тряпками и пылесосом, сметая не пыль, а следы её прежней жизни.

— Помнишь свою дядюшку Сехо? — вмещалась мать, не отрываясь от протирания полки.

— Сводный брат отца? Конечно же, помню, — равнодушно ответила Карина, плюхаясь на диван. Пружины впились в бока. — Он как никак мой дядя.

— Так вот, — продолжил отец, ставя книгу на полку с преувеличенной аккуратностью, — а помнишь ли ты его дочь?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и несъедобный. Сердце замерло, превратившись в комок грязного снега где-то в груди.

— Причём тут он и она? Что вообще происходит? — её голос стал низким, как скрежет.

— Успокойся, Карин, — мягко произнесла мама, наконец обернувшись. На её лице была та самая улыбка, которая всегда предвещала плохие новости. — Мы хотели сказать раньше, но не знали, как ты отреагируешь на это.

— На что, на «это»? — перебила девушка, и в голосе зазвенели осколки.

— Твоя кухня на время приедет к нам жить, — объявил отец. Слово «жить» прогремело, как обвал.

— Ужас! — вырвалось у неё, и по спине пробежала ледяная волна. Она сжалась.

— Это будет прекрасно, — попыталась убедить её мама, и её голос зазвенел фальшивой медью. — Она твоя ровесница. Будете вместе ходить в школу, веселиться.

Однако девушка лишь зло усмехнулась. Усмешка резанула губы.

— У неё что, своего дома нет? — прошипела она сквозь сжатые зубы, и голос её звенел, как натянутая струна. — Что же, даже у миллионеров, выходит, недвижимость на исходе. Или в Таиланде вдруг кончились все пятизвёздочные отели для почётной родни?

Отец, не обращая внимания на её язвительность, напомнил, и его голос стал твёрдым и каменным:

— Не забывай, что мы в долгу перед ним.

— Перед кем? — с вызовом выпрямилась Карина.

— Перед Сехо, — сказал отец, и его слова падали, как тяжёлые капли, отбивая такт её краху. — Который приобрёл эти стены. Которые теперь наши. Он жил здесь, пока работа не увезла его в Таиланд. Продал мне. Не взяв ни вона сверху. Ты хоть представляешь, Карина, какую цену мы не заплатили?

— Не знаю и знать не желаю. Зачем ей вообще жить с такими отродьями, как мы? — продолжила возмущаться девушка, её голос набирал высоту, срываясь на крик.

— Карина! — рявкнула мать, которая до этого протирала пыль с листьев пальмы. В её окрике трещали нервы.

— Затем, — отец произнёс это слово с ледяной, хирургической точностью, — что её родители разводятся. И он не желает, чтобы его дочь дышала этим ядом, пока они делят обломки.

— Какой заботливый отец, — с сарказмом прокомментировала девушка, вскакивая и начиная шагать по комнате. Пол под ногами казался зыбким. — И до каких пор этот «цирк» будет продолжаться?

— Возможно, до конца первого учебного года, — ответил отец.

Девушка расширила глаза.

— До середины июля? Да в это время можно развести и похоронить пол Кореи, папа ты о чем вообще!? — закричала она, и голос сорвался в визг. Она не села, а с грохотом рухнула на пол, не в силах больше держаться на ногах.

— Ты слишком шумная, Карина, у меня уже нервы тикают, — недовольно тараторила женщина, нервно вытирая руки об фартук.

Карина не ответила. Она сидела на холодном линолеуме, чувствуя, как стены квартиры сжимаются, превращаясь в клетку. Теперь здесь будет жить кто-то ещё. Чужая жизнь, чужие звуки, чужие проблемы. Её последнее убежище ставили на кон в чужой игре, даже не спросив. Воздух пах не свежестью, а предательством.

— Мама, — голос Карины был хриплым от сдавленных слёз. — Скажи отцу. Пусть эта гостья остаётся в своём Таиланде. Нас здесь... вполне достаточно.

Она произнесла это тихо, почти шёпотом, но в словах не было просьбы — только усталый, горький приговор. Казалось, Карина вот-вот сорвётся на крик, но мать лишь бросила на неё взгляд, холодный и скользкий, как лезвие, и вернулась к уборке, стерла её слова, как пыль с полки.

— Она что, СЕРЬЁЗНО собирается поселиться в МОЕЙ комнате?! — взвыла девушка, вскакивая с пола так резко, что в глазах потемнело.

Родители переглянулись с тем раздражающим, слепым недоумением, которое бывает у людей, впервые увидевших очевидную катастрофу. Их молчание было оглушительным. Девушка схватилась за виски, будто пытаясь сдержать раскальвающуюся голову. Её босая пятка нервно забила по линолеуму — глухо и бессильно. Потом она резко развернулась и швырнулась в свою комнату, захлопнув дверь с треском. Из-за двери вырвался вопль, спрессованный из паники, ярости и полного бессилия:

— Что за безумие?! Они окончательно сошли с ума! Весь мир сошёл с ума!

В наступившей после её крика гробовой тишине телефон в кармане пиджака завибрировал, настойчиво и назойливо. Карина выдернула аппарат дрожащими пальцами. На экране горело сообщение от @ressant1hx:

@ressant1hx : «Я зайду к тебе в 6, потом вместе пойдём к Ёсу, хорошо?»

Карина вздохнула. Сообщение Юны светилось на экране тепло и назойливо, как обещание нормальности, в которую она сейчас не верила. Она пробежала глазами текст, и чувство вины тут же сдавило горло. Глубокий вдох не принёс облегчения. Она сжала телефон, но уже не со злостью, а с усталым раздражением на саму себя. Пальцы привычно выстукали ответ:

@vetoluv: «Извини. Не в этот раз. Не могу».

Отправила. Снизу, под её текстом, тут же всплыло: «Просмотрено только что».

Юна видела. Прямо сейчас читает её отказ. Карина зажмурилась, представив её озадаченное лицо. Ещё одна стена, которую она сама возводит. Резким движением она швырнула телефон на кровать, где тот глухо подпрыгнул на одеяле.

«Не в этот раз. Не могу.»

С этими словами на губах она сорвала с себя пиджак, расстегнула блузку. Школьная форма, пахнущая пылью и чужими решениями, упала на пол бесформенной кучей. Она натянула старые, мягкие спортивные штаны и просторный худи, прячась в их бесформенности.

А сверху натянула на себя лёгкую куртку. Одежда для прогулки по парку. Для тишины. Для одиночества, которое сейчас казалось единственным честным вариантом. Мысли путались, но решение было тяжёлым и неподвижным, как камень. Сегодня она не сможет притворяться весёлой. Не сможет выносить взгляды, вопросы, нормальность, которой у неё внутри не осталось. Юна хотела как лучше. Но Карина не могла позволить ей зайти в этот дом на данный момент, на дом который полно запаха предательства и призраков будущей кухни. Не сейчас. Она не пойдёт. Пусть лучше подумает, что она стерва, чем увидит, как она на самом деле разваливается.

@ressant1hx: «Что-то случилось родная моя? Если сегодня ты не пойдёшь то и я не хочу, скажу девочкам что собираемся в другой день. Сойдёт?»

Карина смотрела на экран. Слова Юны расплывались перед глазами, такие тёплые и колючие одновременно. «Родная моя». От этой ласки стало физически больно. Юна готова была отменить всё, из-за неё. Взять на себя вину за её слом, сделать её проблему центром вселенной. Это было невыносимо честно. И именно поэтому, невозможно. Мысль пронеслась острой вспышкой: «Она единственная, кто спрашивает «что случилось?», а не «что с тобой не так?». И это было страшнее любой злости. Пальцы сами потянулись к экрану, набирая горькую, знакомую истину:

@vetoluv: «И все опять из-за меня.

Она устало вздохнула, чувствуя, как эта фраза прожигает дыру в груди. Пауза. Потом ещё одно сообщение, короткое, сдающееся:

@vetoluv: «Делай, как считаешь нужным.»

Она поставила телефон рядом с собой на кровать. Экран погас, и в комнате воцарилась та самая гулкая, всепоглощающая тишина, в которой тонули и разговор родителей, и забота Юны, и она сама.

Карина сидела, уставившись в одну точку на стене — туда, где когда-то висела фотография, её фотография из детского садика, содранная во время прошлой «генеральной уборки». Время потеряло смысл. Она понятия не имела, сколько прошло — пять минут или двадцать. Ощущалось только нарастающее давление. Эта комната, её последний оплот, единственное место, где она могла быть собой, превращалась в ловушку. Воздух стал густым и спёртым. Четыре знакомых стены, которые всегда обнимали её тишиной, теперь неумолимо сдвигались, грозя раздавить. Самый безопасный угол мира стал камерой с мягкими стенками. «Больше ни секунды. Не вдохну, не выдержу», — пронеслось у неё в голове.

Она резко встала, отчего в висках застучало, и вышла в коридор. Воздух здесь пах чужим порядком. Молча, почти механически, она натянула кроссовки и туго затянула шнурки, будто готовясь к долгой дороге. Рука легла на холодную ручку входной двери.

— Ты куда собралась?

Голос матери прозвучал из гостиной ровно и плоско, как фоновый шум. Карина медленно повернула голову. Её взгляд был пустым, стеклянным, будто она смотрела сквозь женщину.

— Никуда. По своим делам, — её собственный голос прозвучал хрипло и плоско, как скрип ржавой двери.

— Ты никуда не пойдёшь.

В этой фразе не было приказа, не было заботы. Была усталая констатация правила, которое даже не стоило обсуждать. В её глазах, наконец, вспыхнул не визгливый, а тихий, тлеющий огонь.

— Хочешь, чтобы я сдохла здесь, в этой клетке? — спросила она так же тихо, почти шёпотом. — Мне уже воздуха глотнуть нельзя? Или гулять? Или ты решила, что раз отдаёшь мою комнату, то заодно и душу мою на цепь посадишь?

Мать замерла с тряпкой в руках. На её лице мелькнуло не понимание, а раздражение — как от внезапного, неудобного шума.

— Не драматизируй. Просто не время сейчас для прогулок. Дома много дел.

— И все эти дела важнее, чем то, что я задыхаюсь? — голос Карины не дрогнул, но в нём послышался лёд, тонкий и опасный.

Она не стала ждать ответа. Не услышала бы его всё равно. Всё её существо было настроено на одну частоту — уйти. Резко дёрнув на себя, она распахнула дверь, и поток прохладного, пахнущего бетоном и свободой воздуха подъезда ударил ей в лицо. Шагнув на лестничную площадку, она даже не обернулась. За спиной прозвучал обрывистый, недоуменный возглас, но он был тут же отрезан громким, финальным хлопком двери, поставившим точку в споре. Тишина подъезда, звонкая и пустая, поглотила её. Она была снаружи...

Вечер в Сеуле, это не просто смена времени суток, это смена кожи. Днём город, деловитый муравейник, бетон и шум, но как только солнце заходит, всё меняется. Воздух густеет, становится плотным, как сироп, и в нём растворяются дневные звуки. Остаются только шорох шин по мокрому асфальту, далёкий смех и тихий гул города, который готовится ко сну.

Карина шла по аллее парка Сонгпа, и мир вокруг неё казался огромной, живой картиной, написанной акварелью в сумерках. Небо над головой было не чёрным, а глубоким, индигово-синим, и в нём уже загорались первые, самые смелые звёзды. Фонари вдоль дорожек ещё не горели в полную силу они лишь робко подмигивали тёплым, желтоватым светом, рисуя на мокром песке длинные, дрожащие тени.

Она не просто смотрела — она впитывала. Вот пожилая пара медленно движется по дорожке, держась за руки. Их фигуры отбрасывают на асфальт единую, вытянутую тень. В этом силуэте целая история о терпении и привычке быть вместе. А вот шумная компания подростков, они смеются так громко, что их голоса кажутся почти нереальными в этой вечерней тишине. Их энергия чистая, необузданная, она бьёт ключом и кажется почти агрессивной на фоне тихой меланхолии парка.

Она видела всё. Видела мать, которая строго, но с нежной усталостью тянула за руку упирающегося малыша. Видела друзей, устроивших пикник прямо на траве; их лица подсвечены экраном телефона или мягким светом фонаря. Карина шла сквозь этот калейдоскоп жизни,

и каждый образ оставлял в её душе свой отпечаток. Для кого-то этот парк — место свиданий. Для кого-то — поле битвы за внимание. Для кого-то — просто маршрут домой. А для неё? Для неё это был огромный холст, на котором люди писали свои короткие, яркие или тусклые истории. Она думала обо всём сразу и ни о чём конкретно. Мысли текли ленивой рекой: о ссоре с родителями, о разговоре с Юной, о странном подарке Юнгёка. О том, как легко люди притворяются счастливыми на публике, пряча свои трещины за улыбками. Парк был идеальным зеркалом этого лицемерия.

Аллея сделала плавный поворот, деревья расступились, и перед ней выросла она.

«Lotte World.» Монолит из стекла и стали пронзал индиговое небо. Днём он был властным и ярким, но вечером он преображался. Теперь это был гигантский фонарь. Его грани ловили и дробили не солнечный свет, а огни города и собственное внутреннее сияние. Он казался не приземлённым зданием, а чем-то эфемерным, парящим в воздухе.

Она стояла на границе двух миров: тихого, увядающего парка Сонгпа, и кричащего, искусственного рая Lotte World, чей стеклянный монолит пронзал индиговое небо. Башня не просто возвышалась над ней — она давила, нависала, как немой свидетель того, что было и чего уже не вернуть. Адрес всплыл в памяти сам собой. Она знала это место. Знала эти огни, эти очереди у входа. Но сейчас всё было иначе. Сейчас это был не просто монолит из стекла и стали.

Карина прикрыла глаза. Воспоминание было здесь, совсем рядом, за тонкой плёнкой настоящего. Оно пахло попкорном, звенело смехом и шуршанием пакетов с чипсами...

— Ужасики? — раздался недовольный крик Юны. Она стояла у афиши, скрестив руки на груди, и смотрела на постер с перекошенным лицом призрака так, будто он нанёс ей личное оскорбление. — Нет, я не пойду внутрь. Вы идите, я останусь.

— Как так? — Ёсу тут же подскочила к подруге и крепко вцепилась в её локоть. Её хватка была железной. — Соппротивление бесполезно. Пойдём же, — сказала она, не сбавляя шага.

— Не ты ли вчера говорила, что будешь поддерживать контроль? Что вы без меня пропадёте или что-то в этом духе? — процедила Юна сквозь зубы, пытаясь вырваться.

— Говорила, — легко согласилась Ёсу, волоча подругу ко входу в зал. — Но сегодня можешь о них забыть.

— Я не люблю ужасики, — тянула Юна недовольно.

Карина догнала их, на губах играла лёгкая усмешка.

— После фильма «Психиатрическая больница Конджиам», возможно, будешь ненавидеть их ещё больше, — бросила она.

Остальные парни услышали это и заржали. Смех был громким, немного нервным.

— Не смешно, — бросила Юна, морщинка на переносице стала глубже.

В зале они расселись по своим местам. Это была их территория. Парни заняли один ряд: Джихан, Усок, Хёнджун, Юнгёк и Сокджун. Девчонки сели вместе: Юна, Сара и Ёсу по краям, а Карина — в центре. Сегодня им повезло: зал был пуст. Они чувствовали себя хозяевами кинотеатра. Все, кроме Юны.

Свет погас...

Карина резко выдохнула и открыла глаза. Звонкий смех в ушах оборвался, сменившись гулом вечернего города. Сладкий привкус газировки на языке растворился, оставив после себя лишь сухую горечь. Перед ней снова высился холодный монолит из стекла и стали, безмолвный и чужой.

Она стояла на том же месте, но время сдвинулось. Ветер стал ощутимо холоднее, пробираясь под тонкую ткань худи. Запах попкорна и пластиковых сидений окончательно вытеснил острый аромат мокрого асфальта. Фонари в парке зажглись уже по-настоящему, и их жёлтый свет теперь казался не робким, а одиноким и печальным.

В груди что-то болезненно сжалось — не ностальгия, а скорее ощущение потери. Потери не события, а самой себя. Той версии Карины, которая могла вот так, не думая, смеяться в полупустом зале, чувствуя себя в безопасности в окружении этих голосов, этих споров, этого хаоса. И теперь она понимала: это место навсегда останется связано с другим временем. С другой ней. С той версией себя, которая ещё верила в сказки и могла смеяться над страхами вместе с друзьями. Теперь она была одна. А башня Lotte World, этот сверкающий символ детских сказок и подростковых побегов, смотрела на неё безразличными стеклянными глазами. Она больше не была порталом в прошлое. Она была просто огромным, дорогим памятником тому, что осталось позади.

Карина медленно развернулась, спиной к сиянию. Её тень, отброшенная светом витрин, легла на асфальт длинной и одинокой полосой. Она не оглянулась. Шаг за шагом, она уходила обратно в парк, в царство живых теней и настоящей, неприкрашенной тишины, унося с собой в груди холодный, тяжёлый камень воспоминания.

Карина шла по аллее парка, не разбирая дороги. Ноги несли её сами, а мысли гудели, как разбитый улей. Ветер охлаждал лицо, но внутри было ещё холоднее, та ледяная, спокойная пустота, которая наступает после бури. Город вокруг жил своей жизнью, но всё это казалось ей декорацией к плохому спектаклю, в котором она отыграла свою роль и теперь могла только наблюдать из-за кулис.

Она остановилась у старой скамейки, облупившейся от времени, и провела ладонью по, холодному дереву. В кармане резко и настойчиво завибрировал телефон. На ослепительно белом экране высветилось: «Бабушка».

Карина на секунду замерла. Бабушка звонила редко — только по самым важным поводам или когда её старое сердце чувало беду за километры. Сердце Карины пропустило удар.

— Алло? — её голос прозвучал хрипло, чужим.

— Ласточка? Это ты? — в трубке, перекрываемый шумом, пробивался знакомый, дрожащий от волнения голос. — Где ты? Я звонила домой, твой отец... он сказал, ты ушла. Сбежала, говорит. Ты где? Всё в порядке?

Карина закатила глаза. Конечно. Он не мог просто сказать «вышла».

— Ба, я не сбежала. Я гуляю. Он всё драматизирует.

— Гуляешь? Сейчас? — в голосе бабушки послышалось тревога. — Уже ночь!

— Бабуль, ещё нет одиннадцати. Вокруг полно людей. Всё нормально.

— Нормально, нормально... — бабушка зацокала языком, и Карина мысленно увидела её хмурое, осунувшееся лицо. — А голос у тебя... какой-то пустой. Ты точно в порядке?

Карина вздохнула, и этот вздох вышел сдавленным.

— Да, ба. Всё... Всё нормально. Как ты? Принимала таблетки?

— Принимала, — отмахнулась бабушка, будто это было неважно. — Ноги эти проклятые опять ноют, еле хожу. А ты не переводи тему. Почему отец так сказал? Что случилось?

Карина закрыла глаза, прижав телефон так, что от холодного стекла заболела мочка уха.

— Ничего не случилось. Просто... поссорились немного. Я вышла остыть.

— Поссорились... — бабушка протянула слово, наполняя его целой вселенной понимания и усталости. Помолчала. — Ладно. Ты всегда была упрямая. Как я. — В её голосе вдруг появились нотки чего-то далёкого, мягкого. — Знаешь, я сегодня на старые фото наткнулась. На ту, где мы в парке, у того большого дуба. Ты маленькая, а я тебя на руках качаю. И ты смеёшься так, будто весь мир — одна большая игра.

Неожиданная улыбка, хрупкая и горькая, тронула губы Карины.

— Помню. Ты тогда говорила, что у меня смех, как колокольчик.

— Самый звонкий, — бабушка тихо фыркнула. — А потом ты меня спросила... Спросила, почему взрослые всё время ругаются. Я тогда слов не нашла.

Карина сглотнула. Комок в горле стал твёрдым и болезненным.

— А сейчас нашла бы?

В трубке — долгая пауза, наполненная лишь слабым шипением связи.

— Сейчас... Сейчас я думаю, они просто очень устают быть сильными. И забывают, что можно просто помолчать вместе. Или за руки поддержаться. Это ведь не сложно.

Тишина, повисшая после этих слов, была тёплой и плотной, как старое одеяло. Карина смотрела на свои кроссовки, на мокрый асфальт, и ей вдруг до физической боли захотелось оказаться в той самой комнате, где пахло лавандой и тёплым пирогом, где время текло медленно и никуда не нужно было идти.

— Бабуль, — её голос сорвался, став тонким и прозрачным, как в семь лет. — Я соскучилась.

Три слова. Простых, как три глотка воздуха после долгого плача. В них не было страха. Была тоска — тихая, всепоглощающая, по тому единственному месту в мире, где её не нужно было объяснять. Где она была просто Ласточкой.

В трубке послышался тихий, сдавленный звук — то ли вздох, то ли сдерживаемое всхлипывание.

— Я знаю, ласточка. Я знаю. Я тоже. Каждый день, — голос бабушки стал мягким, обволакивающим. — И знаешь что, Тэгу тоже по тебе скучает. Воздух тут другой стал, пустой, без твоего смеха. Обещай, что приедешь. Городу без тебя тоскливо.

Карина кивнула, словно бабушка могла это видеть, и тёплая волна стыда и тоски накрыла её с головой. Она вспомнила узкие улочки, запах жареных блинчиков с уличного лотка и ту особую, горную тишину, что опускалась на город вечером.

— Обещаю, бабуль. Очень скоро. Как только смогу.

— Жду, солнышко. А теперь иди домой. И напиши, как дойдёшь. Чтобы я не волновалась.

— Хорошо. Спокойной ночи, бабуль.

— Спи спокойно, ласточка моя. И не грусти. Всё наладится.

Связь прервалась. Тишина, что наступила после, была уже иной не давящей пустотой, а тихим, усталым затишьем, наполненным эхом тёплых слов и обещанием далёкого, но такого родного города. В груди, оттеснив ледяной камень, теплился маленький, но твёрдый огонёк точка на карте, куда можно вернуться.

Карина медленно поднялась со скамейки, и её взгляд, скользнув по тёмной аллее, наткнулся на слабый, тёплый огонёк. Под деревянным навесом, украшенным гирляндами лампочек, мерцал мягкий жёлтый свет, создавая уютный островок среди ночной тишины парка. У самого выхода из парка, под старым фонарём, стоял небольшой столик, за которым сидела женщина с длинными седыми волосами, собранными в косу. Лет шестидесяти, может, чуть моложе. На бархатной подложке, тёмно-синей, почти чёрной, переливались украшения. Среди множества камней и металлов особенно выделялись нефритовые изделия — браслеты из полированных бусин и кольца с овальными кабошонами.

В Корее нефрит — не просто камень. Это тихая мудрость, защита от сглаза и тревог. Пэкок — белый нефрит — для чистоты помыслов. Чхонок — зелёный, как весенняя трава

после дождя — для здоровья и долголетия. Бабушка Карины носила такое колечко на мизинце, стёртое до матовой гладкости, и говорила, что оно «держит пульс в покое».

И вот сейчас, под тусклым светом, эти камни лежали перед ней. Браслеты из отполированных бусин, прохладных и тяжёлых на вид. Кольца с овальными кабошонами, в которых даже при таком слабом освещении угадывалось внутреннее свечение, глубокая, застывшая дымка, словно в них застыло дыхание веков. Они не сверкали. Они «светились» изнутри — сдержанно, по-восточному.

Что-то в этой картине, одинокий огонёк в ночи, спокойная фигура женщины и эти тихие, мудрые камни — заставило ноги Карины сами понести её туда. Она подошла молча, не поднимая глаз, и просто смотрела. В голове пронеслась странная, отстранённая мысль: «Почему она ещё тут? Уже поздно. Все разошлись». Но женщина сидела неподвижно, словно была частью пейзажа — хранительницей этого маленького островка спокойствия и древних традиций посреди ночного парка.

Пальцы сами потянулись к одному из колец — простой серебряной оправе с овальным кабошоном цвета молодого бамбука. Камень был прохладным и неожиданно тёплым на ощупь одновременно.

— Для такой милой и задумчивой девушки, — раздался спокойный, немного хрипловатый голос, — я могу сделать хорошую скидку. Выбирай, что понравилось. Каждое, с добрыми мыслями. Нефрит любит, когда его выбирают сердцем, а не глазами.

Карина наконец подняла глаза. Женщина смотрела на неё не с навязчивым ожиданием продавца, а с тихим, понимающим вниманием. В её взгляде не было вопроса. Был простой, безмолвный покой, похожий на свет самого камня.

— Оно... красивое, — насильно выдавила из себя Карина, вертя кольцо в пальцах. Она почувствовала, как гладкая поверхность камня будто впитывает дрожь её рук.

— Чхонок, — мягко поправила женщина, и в её голосе прозвучала тихая уверенность знающего человека. — Зелёный нефрит. Он не для красоты, а для равновесия. Говорят, забирает тревогу и отводит дурные мысли, дарит покой. Тебе, кажется, это сейчас нужнее всего.

Карина не стала спрашивать, почему та так решила. Она просто кивнула, сжав холодное серебро и тёплый камень в ладони. В этом простом жесте, в выборе этого тихого, мудрого талисмана у незнакомой женщины в ночном парке, было что-то важное. Не магия, а сам акт, шаг к тому, чтобы позволить себе маленькую, тихую защиту и нежность посреди всеобщего хаоса. Девушка медленно подняла взгляд на женщину, и в этот миг что-то изменилось. Спокойная мудрость в глазах продавщицы померкла, уступив место чему-то острому, понижающему и... знающему. Её улыбка не исчезла, но стала иной — не тёплой, а кривой, словно всплывшее на поверхность давнее предупреждение. Губы женщины шевельнулись, и голос прозвучал тише, но с такой металлической чёткостью, что слова врезались в сознание, как лезвие:

— «Когда туман рассеивается, отдельные предметы яснее предстают перед глазами. И да, ещё, берегись ночи четверга. Ибо достанется поделом.»

Фраза повисла в холодном воздухе, странная и зловещая. А затем взгляд женщины снова смягчился, вернувшись к прежнему, почти добродушному выражению, будто ничего и не произошло.

— Так берём или нет, милая? Мне завернуть? — спросила она обыденным тоном, указывая на кольцо.

Внутри Карины всё сжалось в ледяной ком. Это был не страх в чистом виде — а первобытная, инстинктивная тревога, щекочущая основание черепа. Её пальцы сами разжались. Она почти швырнула кольцо обратно на бархат, отшатнувшись, как от огня.

— В... в другой раз, — выдавила она, голос сорвался на полусшепот.

Она не помнила, как поклонилась коротко, резко, машинально. Развернулась и пошла, а через секунду её шаг перешёл в бег. Спину пронзил ледяной холод.

— А ты уверена, что будет другого раза? — донёсся вслед её голос, громкий, ясный и пронизанный странным, горьким весельем. А затем — смех. Громкий, раскатистый, не женский, а какой-то древний, будто треснувший колокол. Он преследовал её, врезаясь в такт стучащему сердцу.

Карина бежала по аллее, выбегая из парка. Воздух был, но её лёгкие, казалось, забыли как его вдыхать, он не наполнял лёгкие, а рвался в горле сухими, колючими клочьями. Улицы, огни, люди — всё расплылось в слепящем мареве паники. «Что это было? — стучало в висках. — Местная сумасшедшая, ведьма, ей-богу. На первый взгляд показалась такой доброй...».

Мурашки, не сходявшие с кожи, кричали обратное. Они кричали о том, что слова эти легли в душу с мертвецкой точностью, как ключ в замок, которого она ещё не видела. И смех тот звенел в ушах, сливаясь со звуком собственных шагов, уносящих её прочь — от парка, от фонаря, от тёмного бархата с нефритовыми глазами, которые, казалось, всё ещё смотрят ей в спину.

Она прижалась спиной к холодной стене какого-то здания, пытаясь отдышаться. Рука сама потянулась к карману, где лежал телефон. Экран вспыхнул, осветив её бледное лицо. Никаких сообщений. Только время: 21:47. До полуночи ещё больше часа. До четверга — целая вечность.

«Достанется поделом». Слова всплыли в памяти, и по спине пробежал холодок. Это не было похоже на обычное суеверие или бабкину страшилку. Это было предупреждение. Но за что? Что она такого сделала?

Карина медленно пошла по улице, стараясь успокоиться. «Просто сумасшедшая старуха, — убеждала она себя. — В каждом городе есть такие. Продаёт побрякушки и пугает прохожих ради смеха». Но внутри всё сжималось от необъяснимого страха. Она вспомнила нефрит. Тёплый, гладкий камень. Бабушка носила похожее кольцо. Для равновесия. Чтобы отвести дурные мысли.

Она свернула в знакомый переулок, ведущий к дому. Подъезд встретил её привычным запахом сырости и жареной лапши из соседней квартиры. Лифт, как всегда, пах дешёвым освежителем. Она нажала кнопку своего этажа и уставилась в исцарапанное зеркало.

В отражении на неё смотрела девушка с огромными, тёмными глазами. В них больше не было ни усталости, ни обиды. Только настороженность и странное, новое чувство — ожидание. Двери лифта открылись с привычным скрипом.

Квартира встретила тишиной. Родители спали. Или делали вид.

Она стянула с плеч куртку и, не глядя, бросила её на крючок. Попала, конечно же, мимо. Куртка с тихим шорохом сползла на пол, но поднимать её Карина не стала. Потом.

Карина наклонилась, чтобы расшнуровать кеды. Пальцы не слушались, узлы затянулись в тугую, упрямый комок.

И в этот момент дверь её комнаты — её личной крепости, её «скорлупы» — медленно, со скрипом отворилась. Карина замерла, так и не разогнувшись. В проёме стояла мать. Она стояла, скрестив руки на груди, и в её позе было что-то непривычно жёсткое, чужое. Но не это заставило Карину замереть на пороге.

В руке матери была зажата смятая пачка сигарет.

Карина почувствовала, как ледяная волна поднимается от живота к горлу. Это была та самая пачка, которую ей вчера оставила Сара. Она даже не успела её спрятать, просто бросила на тумбочку у кровати, когда переодевалась. Забыла взять с собой.

— Ты ничего не хочешь мне объяснить? — голос матери прозвучал глухо и низко, совсем не так, как обычно. В нём не было привычной усталости или раздражения. В нём была сталь.

Карина медленно сняла кроссовки, стараясь не делать резких движений. Взгляд метнулся к двери её комнаты. Закрыта. Но мать уже была там. Она уже всё видела.

— Это не моё, — слова вырвались сами собой, жалко и фальшиво.

Мать усмехнулась, и это было страшнее любого крика. Она шагнула вперёд, сокращая дистанцию, и сунула пачку почти под нос дочери.

— Не твоё? А чьё же? Или ты скажешь, что это твой отец решил вспомнить молодость? — мать говорила тихо, но каждое слово било наотмашь. — Ты хоть представляешь, как я пахала сегодня? Как у меня гудят ноги? Я хочу, чтобы хоть в доме был порядок... А тут? Сигареты? В моей квартире? В комнате моей дочери?

Карина выпрямилась, чувствуя, как внутри закипает глухая ярость. Защитная реакция.

— Твоя дочь уже взрослая! — выплюнула она, глядя матери прямо в глаза. — Я не младенец! И это моя комната! Что ты вообще там делала?

— Искала твою школьную форму! — голос матери сорвался на крик. — Завтра у тебя контрольная! Я хотела их постирать и погладить. А нашла... вот это!

Она швырнула пачку на пол. Картон глухо ударился о линолеум и отлетел под обувную полку.

— Ты хоть понимаешь, что это яд? Что это убивает? — мать схватила Карину за плечи, пальцы впились в кожу через толстовку. Её трясло. — Я же... я же не для этого тебя растила! Не для того, чтобы ты... чтобы ты себя гробила!

В её глазах стояли слёзы. Не злые, а отчаянные. Карина смотрела на неё и видела не просто уставшую женщину. Она видела страх. Животный страх матери за своего ребёнка.

Но злость была сильнее.

— А для чего ты меня растила?! — крикнула Карина в ответ, сбрасывая её руки. — Чтобы я жила в этом аду? Слушала ваши скандалы? Видела, как вы ненавидите друг друга и меня заодно?! Думаешь, сигарета — это самое страшное, что здесь происходит?!

Она сама не заметила, как перешла на визг. Мать отшатнулась, будто её ударили по лицу. На секунду в её глазах мелькнула боль, но тут же сменилась холодной яростью.

— Пошла вон, — тихо и чётко произнесла она.

— Что?

— Вон из моей квартиры! — голос матери сорвался на фальцет. — Раз ты такая взрослая! Раз тебе так плохо с нами! Иди! Иди к своим друзьям-наркоманам! Кури! Пей! Делай что хочешь!

Она махнула рукой в сторону двери. Карина оцепенела. Это был удар ниже пояса.

— Ты... ты серьёзно? — прошептала она.

— Абсолютно! — мать отвернулась к стене, плечи её затряслись.

Карина стояла посреди коридора, оглушённая. Воздух в квартире стал густым и тяжёлым, им было невозможно дышать. Взгляд упал на скомканную пачку. Она моргнула, и оцепенение спало. Вместо него пришла другая волна — холодная, пустая. Она наклонилась и подняла куртку. Стряхнула невидимую пыль. Движения были механическими, чужими, будто она наблюдала за собой со стороны.

Она уже взялась за холодную ручку входной двери, когда из гостиной донёсся голос. Низкий. Спокойный. Не просящий.

— Карина.

Она замерла, не оборачиваясь.

Отец стоял в проёме гостиной. Он не повышал голос. Не кричал. Просто стоял — тень на фоне жёлтого света из комнаты.

— Зайди в свою комнату, — сказал он ровно, словно просил подать соль.

Карина медленно повернула голову. Её ладонь всё ещё лежала на дверной ручке. Холод металла отдавал в пальцы.

— Зачем? — спросила она так же тихо.

Отец не ответил. Он просто стоял и смотрел на неё в упор, и в этом взгляде не было ни гнева, ни жалости. Только усталое спокойствие человека, который уже всё решил.

Карина отпустила ручку. Пальцы не слушались пришлось разжимать их силой. Металл отпустил её неохотно, с тихим щелчком. Она прошла мимо отца, не поднимая глаз. Коридор показался длиннее, чем обычно. Каждый шаг отдавался в грудной клетке — глухо, тяжело, как удары по воде. Дверь в её комнату была приоткрыта. Девушка толкнула её, и та поддалась с протяжным скрипом, будто тоже не хотела её впускать.

Она переступила порог. Комната встретила её темнотой и запахом пыльным, знакомым, своим. Кровать, стол, стопка книг на подоконнике. Всё на своих местах. Всё, как всегда. Только теперь это чувствовалось иначе не как убежище, а как клетка.

Карина медленно опустилась на край кровати. Пружины старого матраса жалобно скрипнули. Она не включала свет. Просто сидела в темноте, сжимая край простыни, и смотрела в одну точку на полу. Сердце колотилось где-то в горле.

Отец вошёл следом. Он не закрывал дверь оставил приоткрытой, и из коридора пробивалась тонкая полоска света. Он встал в проёме, сложив руки на груди. Не внутри. Не снаружи. На границе.

Отец смотрел на неё долго, очень долго. А потом тихо, почти без интонации, спросил:

— Ты куришь?

Вопрос повис в воздухе — простой, короткий, без крика. Но именно от этой простоты он казался особенно тяжёлым. Карина подняла на него взгляд. В голове пронеслось: «Сказать правду? Соврать? Снова это жалкое «не моё»?»

Она опустила глаза на свои руки, сжатые в замок на коленях.

— Нет, — ответила она. Голос прозвучал хрипло, но твёрдо. — Не курю.

Отец не шевельнулся. Он просто продолжал смотреть на неё, и в его молчании не было ни веры, ни недоверия. Только ожидание.

— Это сигареты моего одноклассника, — добавила Карина, поднимая голову. Глаза встретились с отцовскими. — Он оставил вчера у меня. А я забыла убрать.

Отец кивнул — один раз, коротко, будто принимая факт к сведению, но не вынося вердикта.

— Твоя мать не знает, с кем ты дружишь на самом деле, в принципе как и я, — сказал он вдруг, и в голосе его послышалась странная, горькая нотка. — Она видит только то, что боится увидеть. Дурную компанию. Сигареты. Испорченную дочь.

Он сделал паузу, и в тишине комнаты было слышно только, как где-то за стеной тикают старые часы.

— А я вижу, что ты устала, — закончил он.

Карина замерла. Эти слова ударили сильнее, чем любой крик. Сильнее, чем «пошла вон». Сильнее, чем вся сцена в прихожей. Она почувствовала, как в глазах защипало, и отвернулась, чтобы он не видел. Но он и не смотрел. Он стоял в дверях, глядя куда-то мимо неё — в окно, за которым чернела ночь.

— Я не буду читать тебе нотации, — сказал он наконец. — Ты уже не маленькая. Но и взрослой ты станешь не тогда, когда захочешь, а когда научишься отвечать за последствия.

Он выпрямился, отлепился от косяка. И вышел, притворив за собой дверь.

Карина осталась одна. Сидела на краю кровати, сжимая в пальцах край одеяла, и смотрела в одну точку на стене. В груди было странно — не пусто и не больно. А так, будто что-то сдвинулось, встало на другое место, и дышать стало чуть легче. Но в ушах всё ещё звучал голос матери: «Пошла вон». И голос отца: «Я вижу, что ты устала».

Она не знала, что из этого страшнее.

Пальцы нащупали в кармане толстовки мятый уголок. Зажигалка. Дешёвая, пластиковая, прозрачная. Она всегда носила её с собой — на всякий случай. На случай, если внутри станет нечем дышать.

Карина вытащила зажигалку и сжала в кулаке. Холодный пластик врезался в ладонь.

Она соврала.

Всем.

Всё было гладко, чисто, убедительно — каждое слово лежало ровно, как карты в крапленой колоде.

И самое страшное — они поверили. Или ей только показалось?

Она сунула зажигалку обратно в карман и закрыла глаза. Во рту всё ещё стоял привкус ментола — горький, холодный, привычный. Её собственный маленький яд.

Никто не знает.

Уже полгода.

Она лежала на спине, уставившись в потолок. Майка липла к влажной коже. Шорты сбились, но переодеться заново не было сил. Глаза закрылись — и сразу вспышка.

Чёрная кровь на коленях. Холодный пол ванной. Зеркало, в котором лицо казалось чужим.

Она перевернулась на бок, подтянув колени к груди.

Запах кимчи на кухне. Мамина улыбка, тёплая, но какая-то надломленная. Яблоко в руке. Деньги от отца — бумажка, пахнущая его карманом.

Карина сжала веки плотнее.

Крыша. Ветер. Его губы — требовательные, жадные. Сигарета, выпавшая из пальцев. Руки на талии, на голой коже.

«После школы. Жди у главных ворот».

Она вздрогнула и перевернулась на другой бок.

Столовая. Смех Сары. Голос Ёсу — звонкий, как монетка. Юна рядом, её рука на локте. Обещание: «Будет весело».

Девушка повернулась на живот.

Книга. Тёмно-синий переплёт. Пальцы Юнгёка, оставляющие её на парте. Строчки Бодлера: «Богат, но бессилён».

Она закусила губу.

Дом. Родители с тряпками. Запах хлорки. «Твоя кухня приедет жить» Визг. Собственный визг, сорвавший горло.

Карина открыла глаза и уставилась в темноту комнаты. Сердце колотилось где-то в горле.

Парк. Фонари. Женщина с нефритом. «Берегись ночи четверга».

И смех. Тот смех — древний, треснувший колокол.

Она зажмурилась снова, но перед внутренним взором уже стояло другое:

Мать с пачкой сигарет. «Пошла вон». Отец в дверях. «Я вижу, что ты устала».

Зажигалка в кармане. Ментол на губах.

«Никто не знает. Уже полгода».

Она прижала ладони к лицу и долго лежала так, чувствуя, как пульс отдаёт в кончики пальцев. Мысли метались, как мотыльки, обжигаясь о воспоминания, но не находя выхода.

Она начала плакать. Сначала тихо — просто влага под веками, которую нельзя было удержать. Потом плечи дрогнули, и слёзы потекли горячими дорожками к вискам, к ушам, к подушке. Она плакала беззвучно, по-детски шмыгая носом, и это было хуже любого крика.

Она не знала, о чём именно плачет. Обо всём сразу. О чёрной крови во сне. О мамином голосе, который сказал «пошла вон». Об отце, который увидел её усталость, но не спросил, отчего она устала. О Сокджуне, чьи губы всё ещё горели на её губах фантомным огнём. О кухне, которая скоро войдёт в её комнату и займёт её место. О книге Бодлера, которая пахла пылью и пониманием. О старухе, которая знала что-то, чего Карина знать не хотела.

Она плакала о том, что соврала всем, и о том, что самой себе врать уже не получается. Она хотела, чтобы кто-нибудь вошёл. Мать. Отец. Кто угодно. Чтобы увидели, что она разваливается на части, и сказали бы хоть слово. Но дверь оставалась закрытой. В коридоре было тихо.

Карина плакала долго. До тех пор, пока не кончились слёзы, а вместе с ними — и силы. Она просто лежала. В тёмной комнате. В мокрой от слёз подушке. Одна.

Карина не знала, сколько прошло времени. Пять минут. Десять. Час. Тело уже начало проваливаться в чёрную воду, глубокую, тягучую, бездонную. Но тут резкая, назойливая вибрация разорвала тишину. Телефон на тумбочке зажужжал, заскользил по деревянной поверхности, словно живой, словно его лихорадило от нетерпения.

Она отдернула руку, будто обожглась. Сердце пропустило удар. Секунду она просто смотрела на светящийся экран в темноте белый призрак в чёрной комнате, не в силах пошевелиться. Телефон продолжал вибрировать. Настойчиво. Требовательно. Неумолимо.

Время на экране высветилось холодным белым: «00:00».

Ровно полночь.

Час, когда всё становится невыносимо реальным. А под временем, имя, которое она надеялась не увидеть сегодня. Которое боялась увидеть. Которое ждала, сама себе в этом не признаваясь.

«Сокджун.»

Карина замерла. Палец завис над экраном, не смея коснуться.

В голове пронеслось всё сразу — калейдоскопом осколков: крыша, ветер, его губы на её губах, его шёпот, от которого подкашивались колени; приказ у главных ворот, стальной и непреклонный; его лицо, искажённое обидой, когда она оттолкнула его при Юне. Всё это вспыхнуло и погасло, оставив после себя только дрожь в пальцах.

«Ответить? Сбросить? Притвориться, что сплю?»

Экран погас. Тишина — такая густая, что заложило уши.

Но через секунду — снова вибрация. Снова его имя.

Он не отставал.

Она медленно выдохнула — выдох получился ломаным, неровным, как её пульс, Карина взяла телефон дрожащими пальцами и провела по экрану в сторону зелёной трубки. Поднесла к уху.

— Алло? — её голос сел, охрип от слёз и тишины. Чужим голосом. Голосом человека, который только что утонул и не успел отдышаться.

В трубке — тишина. А потом голос. Резкий. Без предисловий. Без «привет».

— Ты плакала?

Это был вопрос. Но произнесённый так, что прозвучал как удар. Ладонью по столу. В лоб. Бесцеремонный, грубый, не оставляющий пространства для лжи.

Карина застыла. Слова застряли в горле — горьким комком соли, который нельзя ни проглотить, ни выплюнуть. Она открыла рот — и ни звука. Воздух кончился.

— С чего ты взял? — наконец выдавила она. И голос предательски дрогнул, рассыпавшись на конце фразы.

В трубке — тишина. Короткая, но тяжёлая, как гранитная плита.

— Голос, — ответил он просто.

И замолчал. Этого было достаточно. И этого было слишком много. Он услышал то, что она прятала ото всех. Даже от себя.

— Зачем ты позвонил? — спросила она шёпотом. Словно боялась, что кто-то, кроме него, услышит.

Пауза. Тягучая, как смола. Она слышала его дыхание ровное, глубокое, и от этого тишина становилась только громче.

— А ты как думаешь? — ответил он вопросом на вопрос.

Без вызова. Без насмешки. Просто вопрос.

Карина сглотнула.

Она не знала ответа. Или знала, но боялась его признать. Признать — значит дать этому имя. А имя, уже приговор.

Карина кусает губу. До боли. До металла на языке.

В темноте — только его дыхание в динамике. Тихое. Ровное. Как шёпот воды, разбивающейся о камни.

— Ты не ответил, — говорит она наконец. — Зачем ты позвонил?

Голос хриплый. Сорванный. Немного злой. Немного сломанный. Словно она держала этот вопрос в горле весь день и только сейчас позволила ему выйти.

— А ты, не спрашиваешь, почему я ждал тебя. — говорит Сокджун, и в его голосе появляется что-то новое. Что-то, чего она не слышала раньше.

Он молчит секунду.

— Почему я до сих пор не сплю. Почему набрал тебя в полночь, зная, что ты либо пошлешь меня, либо разорвёшь трубку.

Тишина. Густая, как патока. Она заполняет уши, лёгкие, комнату.

— Я и сам не знаю, зачем я позвонил, — говорит он вдруг, и голос его теряет сталь. Становится проще. Человечнее. Почти растерянным. — Знаю только, что не мог не позвонить.

Карина закрывает глаза.

В груди — тепло. Смешанное со страхом. Оно разливается под рёбрами, тяжёлое и липкое. Когда кто-то знает тебя настолько, что слышит слёзы сквозь телефон, это либо спасение, либо ловушка.

— Карина, — говорит он. Резко. Как перед прыжком в ледяную воду. — Я хочу увидеть тебя.

Молчание. Сейчас полночь. Она в мокрой подушке, в липкой майке, с опухшими глазами. Она комок нервов и соли под одеялом.

— Зачем? — почти беззвучно спрашивает она. Словно боится, что громкий голос разбудит надежду.

— Чтобы убедиться, что ты в порядке, — говорит он.

— Меня не отпустят.

Слова падают в темноту. Голые. Беззащитные. Она сказала это шёпотом, почти в самое ухо ему будто боялась, что стены услышат и передадут родителям.

— У меня проблемы дома. Очень серьёзные.

Эти слова упали в тишину, как камень в стоячую воду. Круги пошли во все стороны. Она слышала, как он замер на том конце провода даже дыхание остановилось на секунду. Будто он нырнул и ждал, пока вынырнет.

— Насколько серьёзные? — спросил он наконец.

Голос стал другим. Твёрже. Осторожнее. В нём проступило что-то, чего она раньше не слышала или не хотела замечать. Сталь, обернутая в бархат.

Карина кусала губу. Стоило ли говорить? Кузина, которая скоро займёт её комнату. Мать, которая нашла сигарету и сорвалась на крик. Отец, который смотрел с жалостью, а не с пониманием.

Она слышала, как Сокджун выдохнул. Длинно. Тяжело. Словно решал что-то внутри себя. Что-то, от чего зависело больше, чем просто этот разговор.

— Значит, так, — сказал он наконец. Голос стал низким, почти приказным. Таким, каким отдают приказы, не терпящие возражений. — Дай мне адрес. Я приеду.

Она замерла. Сердце пропустило удар. Потом ещё один.

— Сейчас? — спросила она. И в голосе — неверие и надежда, перемешанные в равных долях. Как вода и масло, которые никак не соединяются.

— Сейчас, — ответил он. Коротко. Веско. И отбросил любые возражения, прежде чем она успела их родить.

Карина выдохнула. Смешок вырвался сам — нервный, сломанный, невесёлый.

— Ты сошёл с ума, — выдохнула она. Слова вылетели тёплым облаком в холодную темноту комнаты. — Нет. Это не вариант. Сейчас ночь. Нет-нет, не надо.

Она замолчала. Сглотнула.

— Давай пока.

— Карина.

Он сказал это резко. Коротко. Как пощёчину. Словно схватил её за запястье прежде, чем она успела убрать руку.

Она замерла. Телефон всё ещё был у уха. Она не сбросила. Не смогла.

— Что? — выдохнула она.

Пауза. Он молчал так долго, что она подумала — он сбросил. Но в динамике было дыхание. Ровное. Тяжёлое. Он собирался с мыслями.

— Ты боишься не того, — сказал он наконец.

Голос низкий. Спокойный. С привкусом горечи, которую он не пытался скрыть.

— Ты боишься, что я приеду. А надо бояться, что я не приеду.

Карина открыла рот. Закрыла. Воздух застрял где-то в горле.

— Сокджун...

— Я понял, — перебил он. Не грубо. Тихо. Почти мягко. — Ты не готова. Ты хочешь, чтобы я оставил тебя в покое. Сказал «спокойной ночи», и мы сделали вид, что ничего не было.

Он помолчал.

— Я не скажу тебе спокойной ночи, Карина. Потому что она не будет спокойной. Ни у тебя. Ни у меня.

Тишина. Она слышала, как он выдохнул.

— Но я не приеду. Сегодня. Потому что ты сказала «нет».

Она просто выдохнула — и выдох оказался всхлипом.

— Тяжело. С тобой тяжело.

— Иди спать, — сказал он наконец. Тихо. Устало. Как будто это он был в мокрой подушке, а не она.

— Пока, — ответила она. Шёпотом.

— Пока, — ответил он.

И в его голосе на этот раз не было стали. Только то, что он прятал ото всех. То, что показывал только ей.

Трубку положила первой она. Долго смотрела на экран. Он не перезвонил...

Глава 3

«Серо-голубой не обещает солнца. Он просто позволяет свету быть — то появляться, то исчезать. И ты живёшь в этом промежутке — между тенью и лучом, который не знаешь, задержится ли...»

Суббота началась без звука.

Карина открыла глаза. Не от будильника а от тишины, которая вдруг стала другой. Не давящей, как вчера, а пустой. Прозрачной. Такой, в которой можно было просто лежать и не думать. Она не помнила, что ей снилось. Впервые за долгое время, ничего. Ни чёрной крови, ни падений, ни нефритовых глаз. Просто тёмная пустота, из которой она вынырнула сама без крика, без испарины на лбу.

Карина села на кровати. Ноги нащупали прохладный пол. В комнате было сумрачно — шторы задёрнуты не до конца, и сквозь щель пробивался бледный, рассеянный свет. Цвета выцветшего денима. Он не падал, не лился он просто был, разлитый в воздухе, как акварель, которую размыли водой.

Она посмотрела на часы на тумбочке: половина седьмого. Она встала. Пошла в ванную.

Движения были механическими, но не тяжёлыми просто привычными. Вода — тёплая, но не обжигающая. Зубная паста — мятная, свежая. Лицо в зеркале — бледное, но спокойное. Глаза не опухли после вчерашних слёз только под глазами легли тени, напоминание о ночи, которую она прожила. В углу ванной, на крючке, висело махровое полотенце застиранное, когда-то белое, а теперь пыльного индиго, под цвет утра. Она вытерла руки и повесила его обратно. Оно качнулось и замерло.

Она вернулась в комнату.

На спинке стула висела выглаженная школьная форма. Рубашка пахла крахмалом и чужим старанием. Мать приготовила с вечера должно быть, ещё до скандала, ещё до того, как нашла сигареты. Или после. Карина не знала. Она просто взяла форму и оделась.

Ткань была прохладной, чуть жёсткой после утюга, белая рубашка, тёмно-синяя юбка без единой складки, пиджак с эмблемой школы на кармане. Всё сидело ровно, как и положено. Волосы она собрала в низкий хвост, аккуратно, как того требовали правила. На столе у зеркала лежала старая тетрадь в пепельно-лазурной обложке она не открывала её уже месяц, но обложка потускнела именно до этого цвета, до цвета сегодняшнего утра.

Карина перевела взгляд на себя в зеркало — мельком, чтобы убедиться, что всё на месте.

Она вышла в коридор. В коридоре ещё царил полумрак, и коридор тонул в том же цвете утреннего тумана — ни свет, ни тень, а что-то между. На вешалке у входа висела старая толстовка отца — когда-то тёмно-синяя, теперь почти стального оттенка. Она качнулась от сквозняка, когда Карина проходила мимо. Взгляд Карины на мгновение задержался на обувной полке. Пачки сигарет не было мать, видимо, выбросила её, словно пытаясь стереть следы ссоры.

Карина подумала, что так же поступает и она сама прячет свои чувства и проблемы, вместо того чтобы их решать. Но, в отличие от пачки, чувства не исчезнут так легко.

Пол под ногами был прохладным, гладким, и каждый шаг отдавался тихим шорохом. Из кухни доносился привычный утренний звук шипение масла на сковороде, звон палочек о керамику. Запах жареного кимчи, смешанный с паром от риса. Обычное утро. Мир продолжал жить.

Карина заглянула в кухню.

Мать стояла у плиты. Спина прямая, волосы уже собраны в аккуратный пучок, на лице ни следа вчерашней истерики. Она обернулась на звук шагов, посмотрела на Карину и отвернулась обратно к сковороде. Молча.

Карина замерла в дверном проёме.

— Доброе утро, — сказала она тихо.

Мать не ответила. Она просто продолжала помешивать рис, будто Карины не существовало. Лопатка скребла по дну сковороды с ровным, монотонным звуком — единственный ответ, который она была готова дать.

Воздух на кухне стал плотным и холодным контрастный такт к утреннему свету, который сочился сквозь запотевшее окно. На подоконнике стояла старая кружка керамическая, с отбитой ручкой. Она стояла там ещё с прошлой осени, и мать всё не выбрасывала её.

Карина постояла ещё секунду. Потом прошла к столу, села. Тарелка стояла уже накрытая — рис, яйцо, кимчи. Мать поставила её до того, как Карина вошла. Или накрыла, пока та была в ванной. Карина не знала. Она просто смотрела на пар, поднимающийся от риса, и чувствовала, как он касается лица невесомый, тёплый, исчезающий.

Отец зашёл на кухню через минуту. Шаркающие шаги в старых домашних тапках — сначала в коридоре, потом на пороге. Он остановился в дверях, высокой тенью на фоне цвета утреннего тумана коридора. Лицо ещё сонное, чуть одутловатое, но глаза уже открыты, и в них не было утренней рассеянности. Только усталая ясность человека, который не высыпается годами. Он перевёл взгляд с матери на Карину. Задержался на ней на секунду и ничего не сказал. Ни «доброе утро». Ни «как спала?». Ничего. Просто шагнул к столу, к заварочному чайнику. Пар поднялся к лицу, на миг скрыв его черты. Он налил себе воды в ту самую кружку и сел напротив Карины. Поставил кружку перед собой, уткнулся в телефон.

Свет от экрана — белый, неестественный — лёг на его лицо холодным пятном. Единственная яркая точка в этой комнате, где всё остальное было стального оттенка: стены, утренний воздух, старая кружка на столе, мамин фартук с рисунком, молчание, зависшее между ними тремя.

Карина сидела и смотрела, как пар от риса поднимается вверх и тает. Отец напротив листал ленту новостей, но палец зависал над экраном дольше обычного он не читал, он тоже делал вид. Делал вид, что утро обычное. Что вчера ничего не случилось. Что сигарет не было, истерики не было, «пошла вон» — не звучало.

Карина заставила себя съесть половину. Рис был тёплым но в горло лез с трудом. Она жевала медленно чувствуя: каждый глоток становится тяжелее; еда оседает камнем где-то в груди. Яйцо — солёное. Кимчи — привычно острое. Она запила всё водой; поставила стакан на стол и встала.

— Я пошла.

Мать не обернулась. Сковорода зашипела громче будто в ответ или будто мать специально усилила звук; чтобы заглушить голос дочери.

Отец поднял голову. Он не сказал ни слова. Просто посмотрел на неё через стол; через пар от чая; через стальной свет; который лежал между ними как стекло. Взгляд был тяжёлым; но не злым; усталым; таким; каким смотрят; когда уже всё сказали вчера и повторять не имеет смысла.

Карина встретила его взгляд на секунду и отвела первой. Она вышла из-за стола; взяла рюкзак; уже висевший на спинке стула; прошла в коридор; натянула кеды, шнурки завязались туго, пальцы помнили эту последовательность лучше, чем голова.

Перед тем как закрыть дверь она задержалась на секунду: вдруг что-то скажут вслед?

Тишина.

Только телевизор в гостиной бормотал что-то про погоду: «...переменная облачность; возможен кратковременный дождь...»

Карина закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал громче, чем ей хотелось бы.

Она вышла на лестничную площадку, утренний свет лился из окна на лестничном пролёте, ни яркий ни тёмный, на выщербленные ступени на металлические перила на её ладонь которой она опёрлась о стену на секунду просто чтобы выдохнуть. Девушка сделала шаг и почувствовала, как прохладный воздух подъезда касается её лица. Где-то этажом выше хлопнула дверь, залаяла собака. Обычное утро. Мир продолжал жить.

Карина начала спускаться, считая ступеньки. Раз, два, три — щебень под ногами. Запах сырости, пыли и старой краски. Четыре, пять — шаги гулко отдаются в пустом подъезде. Она перестала считать и просто шла вниз, в этот серо-голубой свет, который не обещал солнца, но и на темноту не претендовал.

Утро началось с холодного ветра, который бил ей в лицо, едва она ступила на улицу. Солнце пряталось за облаками, но редкие лучи прорывались сквозь них, словно пытаясь напомнить миру, что день начался. Небо было окрашено в мягкие тона — розовато-жёлтые облака плавали высоко, создавая ощущение лёгкой тревоги.

Она шла по улице, ведущей к школе, и её шаги казались такими же одинокими, как и отражение солнца в витринах зданий. Город просыпался постепенно: машины проезжали редко, пешеходы спешили по делам, но Карина двигалась медленно, будто плывя против течения.

Над головой висел знак с названием улицы — Dasan-ro 33da-gil. Зелёные кроны деревьев слева слегка колыхались, но Карина не замечала их движения. Её внимание привлекли яркие цветы внизу — розовые, белые, нежные, но даже они не смогли согреть её сердце.

Тогда она остановилась, достала телефон из кармана и подняла его, чтобы запечатлеть этот момент. Камера поймала солнце, прячущееся за облаками, и знаки, ведущие в никуда. Цветы оказались в фокусе, их лепестки казались яркими вспышками посреди серого мира. Карина нажала на кнопку, и кадр замер, став частью её внутреннего пейзажа.

Телефон дрожал в её руках, но фотография получилась чёткой, точно такой, какой она видела этот мир своими глазами: красивый снаружи, но чужой и холодный внутри. Она убрала телефон обратно в карман, зная, что этот снимок останется с ней, как воспоминание о том, как иногда красота бывает бесполезной, когда внутри всё пусто.

Высотные здания справа тянулись к небу, как молчаливые стражи, наблюдая за каждым прохожим. Их стекла отражали небо, делая границы между городом и природой размытыми. Карина думала, что и она сама отражение, призрачное и нереальное, движущееся среди реальных людей.

Но впереди была школа, и она знала, что придётся надеть маску, скрыть своё одиночество за улыбкой и словами, которые никто не услышит. Потому что утро продолжается, и жизнь течёт дальше, несмотря на то, что внутри всё остаётся неподвижным и мёртвым.

Дорога к школе была пустынной. Редкие прохожие торопливо проходили мимо, погруженные в свои мысли. Раннее утро субботы было тихим и немного прохладным. Легкий ветерок приносил с собой едва уловимый запах городских улиц — смесь асфальта и утренней свежести. Карина замедлила шаг, чувствуя легкое беспокойство. Она стояла на тротуаре напротив школы, глядя на высокие ворота, за которыми начинался школьный двор. Сегодня была не обычная суббота, школа объявила специальную проверку знаний в рамках исследовательского проекта, в котором участвовала её группа. Контрольная по биологии должна была состояться в девять утра, и хотя девушка не испытывала особого энтузиазма, она понимала важность этого теста.

Она заметила, как один старшеклассник, с портфелем на плече, пересекал улицу, направляясь к тем же воротам. Он выглядел таким же усталым и неохотным, как и она сама. Карина поправила школьную форму, пытаясь согреться. Подходя ближе к воротам, Карина заметила, что школьный двор уже начал заполняться учениками. Несколько ребят стояли небольшими группами, разговаривая и смеясь, несмотря на ранний час. Другие, как и она, выглядели сонными и не слишком заинтересованными в предстоящем испытании.

Девушка сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить нервы. Она знала, что этот день будет долгим и утомительным, но понимала, что участие в проекте важно для её будущего. В глубине души она надеялась, что после контрольной удастся найти немного времени для себя, пройтись по окрестностям или просто посидеть в парке, наслаждаясь редким моментом покоя. Сделав последний шаг, она прошла через ворота, попадая в знакомый школьный двор, где её ждали новые испытания и, возможно, новые открытия.

Класс уже был полон учеников, занявших свои места. Солнечный свет, проникающий сквозь окна, освещал ряды парт, но атмосфера в помещении была напряженной. На доске крупными буквами было написано: «Биология. Проверочная работа. Начало в 9:00».

Преподаватель биологии, госпожа Ли, вошла в класс. Ее строгий взгляд скользнул по лицам учеников, многие из которых пытались скрыть свое волнение за серьезным выражением лица. Госпожа Ли была известна своей требовательностью и любовью к порядку.

— Доброе утро, класс, — произнесла она твердым, но спокойным голосом. — Прежде чем мы начнем, пожалуйста, соберите свои мобильные телефоны и поместите их в индивидуальные контейнеры на моем столе. Контрольная работа предполагает честность и самостоятельность, поэтому никаких устройств во время экзамена.

На столе учителя стоял прозрачный ящик с ячейками, подписанными именами учеников. В классе раздались недовольные возгласы и тихие жалобы:

— Опять эти контейнеры! — пробурчал кто-то из задних рядов.

— Почему нельзя просто держать телефоны в рюкзаках? — раздался другой голос.

— Госпожа Ли, это же суббота! Нельзя обойтись без этого? — спросил Джихан, сидящий в первом ряду, с легкой насмешкой в голосе.

Некоторые ученики начали переговариваться, выражая свое недовольство. Карина, сидящая у окна, медленно вынула свой смартфон, чувствуя легкое раздражение. Ее мысли вновь вернулись к событиям прошедшего дня, к тому, как она стояла на крыльце школы, ощущая, как холодный ветер треплет ее волосы.

Госпожа Ли, услышав недовольные комментарии, нахмурилась и повысила голос:

— Достаточно! Правила установлены для всех. Если вы хотите получать хорошие оценки, вы должны соблюдать порядок. Телефоны — в контейнеры. Немедленно!

Ученики, понимая, что возражать бесполезно, начали доставать телефоны из карманов и рюкзаков. Пак Юна, первой положила свой телефон в контейнер с ее именем, подавая пример остальным. Остальные ученики действовали быстро и организованно, помещая устройства в соответствующие ячейки.

— Помните, — добавила госпожа Ли, когда последний телефон занял свое место в ящике, — любые нарушения правил приведут к аннулированию результатов. Убедитесь, что у вас есть ручки и карандаши. Тест начнется через пять минут.

Карина, проверив, что у нее есть необходимые принадлежности, положила их на парту. Она взглянула на часы стрелки показывали 8:55. Оставшиеся минуты до начала контрольной казались бесконечно долгими. В классе установилась тишина, прерываемая лишь легким шорохом листов и осторожными вздохами учеников.

Госпожа Ли разложила листы с заданиями на своем столе и, наконец, объявила:

— Начинаем. Откройте тесты и приступайте.

Карина взяла ручку и, глубоко вздохнув, начала писать. Вокруг нее царила сосредоточенная тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием ручек и тихим шуршанием бумаги. День только начинался, но уже обещал быть непростым.

9:35. Кабинет биологии.

Воздух в кабинете стал тяжёлым, как перед грозой. Большинство учеников уже перешли к последним вопросам контрольной работы, их лица были напряжены, глаза сосредоточенно бегали по тексту заданий. Слышалось только шуршание страниц и редкие вздохи звуки коллективного напряжения.

Карина сидела у окна. Свет падал на её парту, высвечивая пыль, медленно кружащуюся в воздухе. Её ручка методично перемещалась по странице, оставляя за собой ровные строки ответов, такие же аккуратные, как и сама форма, в которую она была одета. Она уже справились с большей частью тестов, но последний вопрос, связанный с фотосинтезом, заставлял её задуматься. Она нахмурилась, вглядываясь в диаграмму, пытаясь вспомнить детали, которые обсуждались на последнем занятии. Кончик ручки замер на мгновение над строкой и снова продолжил движение.

Рядом с ней Пак Юна, староста класса, писала быстро и уверенно. Её движения были точными, экономными никаких лишних жестов, никаких сомнений. Она уже практически завершила работу, периодически бросая быстрые взгляды на часы, висящие на стене. Её профиль был спокойным, но в том, как она сжимала ручку, чувствовалось напряжение не от сложности заданий, а от чего-то другого, что оставалось за пределами этого кабинета.

В другом конце класса Джихан сидел с нахмуренным лицом. Известный своей независимостью и пренебрежением к правилам, сейчас он казался почти уязвимым ручка то и дело замирала в воздухе, а затем продолжала двигаться с явным разочарованием. Он провёл ладонью по лицу, выдохнул, и продолжил писать, но в каждом его движении читалась борьба не столько с вопросами, сколько с самим собой.

Госпожа Ли, учительница биологии, медленно обходила класс, её шаги были почти беззвучными. Она наблюдала за работой учеников с внимательным, но не строгим взглядом. Остановилась возле Юнгёка. Он писал с необычной для него сосредоточенностью, плечи напряжены, голова низко склонена над листом. Обычно спокойный и невозмутимый, сегодня он выглядел иначе. В том, как его рука двигалась по бумаге, чувствовалась какая-то отчаянная решимость, будто он доказывал что-то не учительнице, а себе.

В классе царила атмосфера концентрации и легкого напряжения той особенной тишины, которая возникает, когда десятки людей думают одновременно. Некоторые ученики уже закончили работу и сидели, склонив головы, ожидая окончания отведенного времени. Другие продолжали бороться с последними вопросами, их лица выражали смесь уверенности и тревоги.

Карина поставила точку в последнем предложении. Перечитала ответ. Закрыла ручку колпаком. До завершения контрольной оставалось всего пять минут. Она подняла голову и посмотрела в окно. Серо-голубое небо не изменилось, ни светлее, ни темнее. Солнце всё ещё

пряталось, но где-то там, за облаками, оно продолжало светить. Карина перевела взгляд на лист с ответами. Всё было написано...

Карина сидела за своей партой, устремив взгляд на учебник, но мысли её были далеко от формул и теорем. Строки расплывались перед глазами, буквы теряли очертания, превращаясь в серые пятна на белой бумаге. Она смотрела сквозь них, сквозь страницу, сквозь этот день, туда во вчерашнюю ночь, которая всё ещё не отпускала её.

Ссора с матерью. Её гневные слова, острые, как битое стекло. Смятая пачка сигарет, которую та швырнула на пол и звук удара о плитку, глухой и окончательный. Карина чувствовала, как внутри всё сжимается от воспоминаний. Где-то в груди, под рёбрами, сидел холодный комок, который не таял, сколько бы она ни делала глубоких вдохов.

Перед ней, на соседней парте, сидела Юна. Она обернулась и смотрела на Карину с беспокоейством — так смотрят на человека, который вот-вот упадёт, но ещё держится.

— Карина, — тихо произнесла Юна. Голос мягкий, но в нём слышалась тревога, спрятанная за осторожностью. — Что случилось?

Карина медленно повернула голову. Её взгляд встретился с глазами Юны — и в этом взгляде было столько всего: усталость, сомнения, скрытая боль, которую она носила в себе, как тяжёлый камень. Она несколько секунд молчала, словно собираясь с силами.

— Вчера вечером, — начала она. Голос тихий, но в нём слышалась решимость — та, что рождается не из уверенности, а из усталости держать всё в себе. — Я пришла домой поздно. Мать была в ярости. Она нашла пачку сигарет, которую оставила Сара, и начала кричать. Она швырнула пачку на пол. — Карина запнулась. — Я соврала. Сказала, что не курю. Но это только разозлило её ещё больше.

Юна ахнула. Её глаза широко раскрылись — не от удивления, а от боли, которую она почувствовала за подругу.

— Карина, это ужасно, — прошептала она. В её голосе было столько сострадания, что он почти согревал.

Карина горько усмехнулась. Уголки губ дрогнули, но улыбка не получилась — она погасла, едва родившись. Взгляд снова упал на учебник, но она не видела его.

— Я знаю, что поступила неправильно. Я должна была быть честной с родителями, но... — голос затих. Слова закончились, оставив после себя только пустоту.

Юна накрыла её руку своей. Прикосновение было тёплым, успокаивающим — таким, какое бывает только у тех, кто действительно рядом.

— Ты не обязана оправдываться, — сказала Юна. Твёрдо, без тени сомнения. — Ты просто человек, который совершает ошибки. И это нормально.

Карина слабо улыбнулась — на этот раз чуть теплее, чуть настоящее. Но в глазах всё ещё читалась тревога, спрятанная за ресницами.

— Я просто... — начала она, но слова оборвались.

Тихий вибрирующий звук разрезал тишину между ними.

Обе одновременно посмотрели на телефоны, лежащие на партах. Экран Карины загорелся — уведомление из общего чата. Она взяла телефон в руки, провела пальцем по стеклу.

Усок.

«Ребята, я подумал... может, нам стоит провести выходные вместе? Младший брат соскучился по вам, да и я сам думаю, нам всем нужно немного отвлечься. Предлагаю поехать в наш загородный дом. Тишина, спокойствие, природа. Что скажете?»

Карина задержала взгляд на экране. Загородный дом. Тишина. Спокойствие. Природа.

Слова повисли в воздухе, как облако пара тёплые, но недостижимые. Она смотрела на них, и в груди что-то дрогнуло, но тут же замерло, не успев превратиться в надежду.

Карина ничего не сказала. Просто положила телефон на парту экраном вниз. Стекло глухо стукнуло о деревянную поверхность, короткий, окончательный звук. Юна проводила взглядом её руку, потом подняла глаза на лицо подруги.

— Ну? — спросила она тихо. Не настаивая, но с лёгкой настойчивостью в голосе. — Что думаешь?

Карина пожала плечом, едва заметно, будто через силу.

— Я подумаю, — ответила она. Голос звучал ровно, но в нём не было обещания.

Юна открыла рот, чтобы сказать что-то ещё, но её опередили. Соседняя парта скрипнула. Усок, сидевший через проход, резко повернулся к ним. Его лицо выражало нетерпение, граничащее с раздражением он явно держался всю контрольную, и теперь терпение лопнуло, как перетянутая струна.

— Ну что, так и будете дальше играть в молчанку? — спросил он. Голос громче, чем нужно, но не злой — скорее усталый.

— Не поеду, — раздался голос с другой стороны.

Все обернулись.

Джихан сидел, откинувшись на спинку стула, сложив руки на груди. Его лицо было спокойным, почти равнодушным, но в глазах читалась твёрдость, которая не терпела возражений.

— У меня есть дела поважнее, чем слушать нотации о том, как важно быть хорошей компанией.

Он сказал это буднично, словно речь шла о погоде. Но в воздухе повисла пауза та особенная тишина, которая возникает, когда слова оказываются тяжелее, чем ожидалось. Усок перевёл взгляд с Джихана на Юнгёка, который сидел тихо, уткнувшись в телефон, делая вид, что происходящее его не касается.

— А ты? — спросил Усок. Голос стал спокойнее, но в нём всё ещё слышалось раздражение, которое он пытался спрятать. — Ты тоже терпеть не можешь нотации?

Юнгёк поднял голову. Посмотрел на Усока, потом на Джихана, потом снова уткнулся в экран.

— Я не говорил, что не поеду, — ответил он равнодушно, пожав плечом. — Но и не говорил, что поеду. Посмотрим.

Усок фыркнул, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Отлично. — Он обвёл взглядом компанию. — Мы так и будем сидеть каждый в своей раковине? Или кто-то рискнёт принять решение?

— Я поеду.

Голос раздался от двери.

Все обернулись. На пороге класса стояла Сара. Она прислонилась плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди, и выглядела так, будто только что проснулась — но в глазах уже блестела привычная насмешливая искра.

— Я тоже за, — раздался второй голос.

Из-за спины Сары выглянула Ёсу. Она улыбнулась — чуть виновато, словно извиняясь за то, что прервала их разговор, но в то же время твёрдо.

Усок развёл руками с довольной улыбкой.

— Уже двое есть. Прогресс.

Они вошли в класс и, не обращая внимания на удивлённые взгляды остальных, направились прямо к партам Юны и Карины.

Сара подошла первой. Она не стала ничего говорить — просто наклонилась и обняла Карину. Коротко, но крепко. В этом жесте было что-то тёплое, почти сестринское. Карина на секунду замерла — а потом медленно подняла руку и коснулась её спины в ответ.

— Привет, — тихо сказала Сара, отстраняясь и заглядывая ей в глаза. — Выглядишь так, будто ночь была весёлой.

Карина не ответила. Только усмехнулась уголком губ. Ёсу тем временем уже обнимала Юну, и та, кажется, впервые за всё утро расслабила плечи.

— С добрым утром, — сказала Ёсу, отстраняясь и переводя взгляд на Карину.

— Доброе утро, — ответила Карина.

Сара улыбку, садясь на соседнее свободное место.

— Мы стараемся спасти компанию от распада. — Она посмотрела на Джихана с вызовом. — Ну что, может, передумаешь? Я обещаю не читать нотации.

Джихан фыркнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Карина молчала. Смотрела на крышку своей парты, на царапины, оставленные чужими ручками, на выцветшую деревянную поверхность. Пальцы теребили край рукава пиджака. Она понизила голос — так, чтобы слышали только свои.

— Я, возможно, не поеду. — сказала она наконец. Тихо, почти шёпотом. — Меня родители не отпустят.

Сара перестала улыбаться. Она тоже подалась ближе, наклонив голову.

— Почему? — спросила она. В голосе не было осуждения, только настороженность.

Карина подняла голову. Посмотрела на Сару, потом на Ёсу, на Юну, которая уже смотрела на неё с тревогой. Выдохнула, и заговорила ещё тише, так, чтобы ни один лишний звук не ушёл дальше их круга.

— Вчера вечером я пришла домой поздно, — начала она. — Мать была в ярости. Она нашла пачку сигарет, которую я... — она запнулась, сглотнула. — Которую я оставила на столе в своей комнате.

Сара замерла. Её глаза широко раскрылись сначала от непонимания, потом от осознания.

— Ёптвояж, — выдохнула она одними губами, почти беззвучно. — Тебя рассекли?

— Нет, — Карина покачала головой. — Не рассекли. Но могло быть хуже.

— Не может быть, Карина, — сказала Сара, подавшись вперёд так, что их разделяли считанные сантиметры. Голос стал резче, но не злым — скорее растерянным. — Как ты могла забыть сигарету на видном месте?

Карина опустила глаза.

— Я не думала, что она зайдёт в мою комнату. Она обычно не заходит.

— Обычно, — повторила Сара. Помолчала. Потом провела рукой по лицу, выдохнула. — Чёрт. Карина, прости. Я не должна была оставлять их у тебя.

— Ты здесь ни при чём, — тихо ответила Карина. — Я сама взяла.

Ёсу переглянулась с Юной.

Усок, до этого молчавший, наклонился чуть ближе к их кругу.

— Значит, — медленно произнёс он, понизив голос до их уровня. — Если родители не отпустят, ты не едешь?

Карина подняла голову.

— Я не знаю, — ответила она честно. — Я ещё не говорила с ними.

Сара посмотрела на неё. В её взгляде мелькнуло что-то тёплое не жалость, а понимание.

— Тогда мы пока ничего не решаем, — сказала она твёрдо, всё так же тихо. — Дождёмся, пока ты поговоришь с ними. А там посмотрим.

— Я сам им позвоню, — сказал Усок.

Все четверо повернулись к нему. Он говорил спокойно, без напора, но в голосе чувствовалась та уверенность, которая не оставляла места для споров.

— Что? — переспросила Сара. — Ты серьёзно?

— Серьёзно, — он перевёл взгляд на Карину. — Если дело только в родителях, я с ними поговорю. Объясню, что мы едем компанией, что будем присматривать друг за другом, что никаких глупостей. Они меня знают. И скажу что мой отец будет с нами.

Карина смотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то странное смесь удивления, недоверия и... облегчения, которое она не хотела показывать.

— Ты не обязан, — тихо сказала она.

— Знаю, — ответил Усок. И чуть заметно усмехнулся.

— Но если из-за этого вся поездка накроется, я лучше позвоню твоим родителям, чем буду слушать, как Сара меня пилит всю следующую неделю.

— Я бы тебя пилила, — подтвердила Сара без тени улыбки. — И не неделю. А месяц.

Ёсу тихо фыркнула, прикрыв рот ладонью. Усок развёл руками — мол, видишь?

Карина опустила взгляд, и уголок её губ дрогнул на подобие улыбки.

В этот момент телефон Усока коротко вибрировал. Он глянул на экран и воскликнул.

— О, народ подтягивается, — сказал он, поднимая телефон так, чтобы остальные могли видеть. — Общий чат.

Все четверо потянулись к своим телефонам. Экран светился уведомлениями. Хёнджун написал первым.

«Конечно же я поеду. Вы что, сомневались?»

Сара фыркнула, читая.

— Хотя бы один человек без драм, — прокомментировала она.

Ёсу уже смотрела дальше, и её брови поползли вверх.

— Подожди, там ещё, — сказала она. — Сокджун ответил.

Она зачитала вслух, тихо, чтобы не привлекать внимания остального класса:

— «Поеду. Если Карина поедет».

На несколько секунд все замолчали. Юна перевела взгляд на Карину. Сара медленно подняла бровь. Ёсу прикусила губу, пряча улыбку. Усок присвистнул едва слышно, но выразительно.

— Ну, — сказал он, убирая телефон в карман и глядя на Карину с новым интересом. — Теперь у тебя есть личная мотивация. Сокджун решил, что мы играем в «один за всех и все за Карину». Я поддерживаю.

— Ты просто рад, что теперь не ты один уговариваешь её ехать, — заметила Сара.

— И это тоже, — не стал спорить Усок. — Но вообще, я думаю, нам стоит внести это в устав компании. Пункт первый: если Карина не едет — Сокджун объявляет бойкот человечеству.

— А пункт второй? — спросила Ёсу.

Усок задумался на секунду.

— Пункт второй: Юнгёк обязан хотя бы раз за поездку улыбнуться. Иначе мы сбрасываем его в ближайшее озеро.

Юнгёк, не отрываясь от телефона, поднял указательный палец.

— У меня есть фото с улыбкой. Оно трёхлетней давности, но есть.

— Фото не считается, — отрезал Усок.

— А ты проверь, — Юнгёк наконец поднял голову и посмотрел на него с абсолютно серьёзным лицом. — Я тебе скину. Можешь поставить на аватарку.

Сара фыркнула так громко, что парта с соседнего ряда закричала — кто-то обернулся.

— Вы двое ужас, — сказала она, давясь смехом. — Но я с вами.

— Все со мной, — поправил Усок, довольно откидываясь на спинку стула. — Потому что без меня вы бы сейчас сидели и грустно молчали, глядя в потолок.

— Мы бы нашли чем заняться, — возразила Ёсу.

— Например? — прищурился Усок.

— Например, обсуждали бы, как ты любишь быть в центре внимания.

Усок театрально приложил руку к груди.

— Я не люблю быть в центре внимания. Я просто гениально в него попадаю.

Юна тихо засмеялась, прикрывая рот ладонью. Карина тоже не выдержала — короткий смешок вырвался раньше, чем она успела его спрятать. Усок тут же ткнул в неё пальцем.

— Всё, я услышал смех. Приговорён к поездке окончательно и бесповоротно.

— Это был не смех, — попыталась возразить Карина, но улыбка её выдавала.

— Был, — сказала Сара. — Я свидетель.

— Я тоже, — добавила Ёсу.

— И я, — тихо сказала Юна.

Усок развёл руками:

— Четыре свидетеля. Карина, ты обречена.

Карина вздохнула, но в этом вздохе не было сопротивления скорее усталое смирение, смешанное с теплотой.

— Допустим, я поеду, — сказала она медленно. — Но мои родители...

— Я позвоню, — перебил её Усок. Уже без шуток, серьёзно. — Я сказал значит, сделаю.

Сара посмотрела на него с одобрением.

— Ладно, — сказала она. — Тогда вопрос решён. Если Усок уговаривает родителей это уже половина успеха. У него дар убеждения.

— Дар или наглость? — уточнил Юнгёк, не отрываясь от телефона.

— Это одно и то же, — отмахнулась Сара.

Усок пропустил колкость мимо ушей и посмотрел на Карину.

— Значит, так. Я позвоню, скажу, что мы едем большой компанией, что взрослые будут рядом. — Он пожал плечом. — Придумаю что-нибудь убедительное.

— То есть приукрашивать будешь, — констатировала Ёсу.

— Я творчески интерпретирую факты, — поправил Усок с достоинством. — Это разные вещи.

Сара фыркнула.

— Ты когда-нибудь попадешься на этом, — предупредила она.

— Обязательно, — согласился Усок. — Но не сегодня.

Карина молчала. Смотрела на него, на Сару, на Ёсу, на Юну — на всех них, собравшихся вокруг её парты, говорящих тихо, чтобы никто не услышал, решающих её проблему так, будто это их общая. И, кажется, впервые за всё утро, её плечи чуть расслабились.

— А его как уговаривать будем? — спросила Сара, кивнув в сторону Джихана. — Он же сказал не поеду.

Усок посмотрел в ту же сторону. Прищурился.

— Джихан, — позвал он негромко. Джихан не поднял головы. — Джихан, — повторил Усок чуть громче.

— Я слышу, — ответил тот, не отрываясь от страницы.

— Ты правда не хочешь ехать? Или просто строил из себя занятого?

Джихан медленно поднял голову. Посмотрел на Усока поверх учебника.

— А если я просто не хочу?

— Тогда не едь, — пожав плечами, ответил Усок. — Но без тебя будет скучно. Ты же знаешь, что Сара начнёт всеми командовать, Юнгёк залипнет в телефон, Ёсу и Юна будут шептаться, а я останусь один развлекать Карину.

— Я не нуждаюсь в развлечениях, — вставила Карина.

— Видишь? — Усок развёл руками в сторону Джихана. — Она даже спорить со мной не хочет. Мне нужна поддержка.

Джихан фыркнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— И в чём заключается моя поддержка? Я должен развлекать тебя?

— Нет. Ты должен сидеть с каменным лицом и изредка отпускать колкости. — Усок говорил серьёзно, но в голосе дрожала смешинка. — Это твоя роль в компании. Ты — голос разума. Мы без тебя пропадём.

— Пропадёте, — повторил Джихан. Без интонации.

— Утонем, — подтвердила Сара.

— Сгинем, — добавила Ёсу.

— Я, может, и правда утону, — тихо вставил Юнгёк. — Если там будет озеро и меня никто не спасёт.

Джихан перевёл взгляд с одного на другого. Задержался на Юнгёке. Потом на Усоке.

— А кто будет мной восхищаться, если я не поеду? — спросил он вдруг абсолютно серьёзно.

Сара поперхнулась воздухом.

— Что?

— Ну а что, — Джихан пожал плечом, не дрогнув ни единым мускулом лица. — Я же еду, чтобы вы могли оценить моё присутствие. Если я останусь здесь, вы будете сидеть там и скучать без меня. А мне потом рассказывать, как было классно, и чувствовать себя упущенным. Не. Я так не играю.

Усок моргнул. Потом медленно перевёл взгляд на Сару.

— Он... он сейчас серьёзно?

— Боюсь, что да, — ответила Сара, не веря своим ушам.

Ёсу уже тихо тряслась от смеха, уткнувшись лбом в плечо Юны. Юна тоже кусала губу, чтобы не рассмеяться вслух.

Джихан оглядел их всех с лёгким превосходством.

— Я дам вам шанс, — сказал он великодушно. — Я поеду. Но вы обязаны хотя бы раз за поездку признать, что без меня было бы не то.

— Раз в день? — уточнил Усок.

— Раз в вечер, — поправил Джихан. — По утрам я не требую внимания. Я ещё сплю.

И с этими словами он снова уткнулся в учебник, оставив компанию в полном замешательстве и едва сдерживаемом смехе.

Карина смотрела на него и молчала. «Ну и наглый, — подумала она. — Серьёзно? «Кто будет мной восхищаться?» Он что, думает, мы без него жить не можем? Что мир крутится вокруг него? Без него было бы куда лучше. Спокойнее. Тише. Никто не требовал бы раз в вечер признавать его величие».

Она покосилась на Джихана. Тот сидел с идеально прямой спиной, делая вид, что читает, хотя страница уже минуту не переворачивалась. «И ведь знает же, что красивый. И пользуется этим. Наверняка уверен, что мы все тут от него без ума. Ну уж нет. Я-то точно нет. Пусть хоть раз в год требует внимания не дожждётся».

Карина незаметно закатила глаза и уставилась в окно, где солнце снова пряталось за облако. «Но если честно... без него правда было бы скучнее. Наверное. Немного. Совсем чуть-чуть».

Она тут же мысленно одёрнула себя и нахмурилась. «Нет. Не было бы. Точно не было бы».

Сара перехватила её взгляд и едва заметно улыбнулась — хитро, понимающе, словно прочитала мысли.

— Ну что ж, — подытожила она, хлопнув ладонью по парте. — Компания собрана. Осталось только твоих родителей уговорить, — она кивнула Карине. — И можно паковать вещи.

— Всё решено. Тогда я иду звонить родителям Карины, — сказал Усок, поднимаясь с места.

Голос звучал уверенно, но в нём, как трещина в гладкой поверхности, угадывалась едва заметная нотка волнения. Словно он понимал: этот разговор, не просто формальность. Это замочная скважина, в которую он сейчас попытается вставить ключ.

— Удачи, — откликнулась Сара. Улыбнулась уголком губ — но в улыбке мелькнуло что-то тревожное, предчувствие, которое она не решилась озвучить вслух.

Усок вышел из класса, аккуратно прикрыв за собой дверь. Щелчок замка прозвучал тихо, но Карине показалось, что он отдался эхом где-то в грудной клетке. Шум голосов, обрывки споров, смех всё это осталось за его спиной. А она осталась здесь с телефоном в руке и с ощущением, что кто-то только что взял на себя часть её ноши. И от этого стало не легче, а странно будто она потеряла равновесие, к которому привыкла. Карина опустила взгляд на экран. Пальцы скользнули по стеклу сами, без участия головы, старый, наработанный рефлекс. Instagram. Лента. Профиль.

Аккаунт был пустым. Ни одного поста. Только аватарка — она в машине, ветер треплет волосы, улыбка живая, настоящая, без тени. Тогда она была счастливой. Или, по крайней мере, думала, что счастлива. Разве это не одно и то же? Она уже не была уверена. И биография. Короткая строка, которую она написала в минуту откровения с самой собой: «Тогда я была счастливее, чем сейчас.»

Она редко заходила сюда. Смотрела чужое, но не показывала своё. Боялась, что показывать нечего.

— «Vetoluv»...

Голос Ёсу прозвучал тихо, почти шёпотом, будто боялся разбить хрупкое стекло, которым Карина окружила себя. Девушка подняла голову. Ёсу сидела позади неё, на том месте, где только что был Усок. В её взгляде не было простого любопытства. Был интерес тот самый, с которым смотрят на запертую дверь, гадая, что за ней.

— Я давно хотела спросить, — продолжила Ёсу, — но не было случая... Что это значит?

Карина задержала взгляд на ней. На мгновение ей захотелось отшутиться, перевести всё в шутку, спрятаться за привычной броней сарказма. Но она устала. Устала настолько, что броня вдруг показалась слишком тяжёлой.

— Это не просто ник, Ёсу. — Она говорила, почти бесцветно, но каждое слово ложилось ровно, без колебаний. — Это моё убеждение. Моё правило. «Vetoluv» — запрет на любовь. Запрет любить. Запрет быть любимой.

Ёсу замерла. Карина перевела взгляд обратно на экран. Та девушка на аватарке казалась ей теперь чужой незнакомкой, с которой у неё остались только общие черты лица. Как снимок в старом альбоме: ты помнишь, что это была ты, но уже не чувствуешь связи.

— Однажды я поняла, что любовь, это не радость. Это наказание. — Голос её звучал ровно, без надрыва. Слишком ровно. — Боль, которая приходит, когда ты позволяешь кому-то приблизиться. Страх, что тебя снова покинут. Снова отвергнут. Снова предадут. И я решила, что любить запрещено.

Ёсу молчала. Её лицо было неподвижно, но в глазах что-то дрогнуло — не жалость, нет. Что-то другое. Понимание? Сострадание? Карина не стала вглядываться.

— Но разве можно запретить себе чувствовать? — спросила Ёсу тихо. — Разве можно закрыть сердце на замок?

Карина усмехнулась. Усмешка вышла горькой привкус старой раны, которая никогда не заживает до конца.

— Можно, Ёсу. Можно научиться жить без этого. Можно привыкнуть к пустоте. Можно превратить запрет в щит. «Vetoluv» — это не просто ник. Это мой способ защититься от боли.

Она замолчала. Провела пальцем по экрану, но не для того, чтобы пролистать ленту, — а чтобы задержаться на пустом профиле, на белом листе, который можно было заполнить чем угодно. Или не заполнять ничем. Сегодня почему-то захотелось иначе. Она открыла галерею. Выбрала снимок, сделанный этим утром, серо-голубое небо, размытый свет, очертания высоток на фоне облаков. Кадр, в котором не было ничего личного, но было всё, что она чувствовала: красота без тепла. Порядок без жизни. Она нажала «Создать пост». Экран переключился в редактор. Фотография легла на белый фон, готовая стать первым следом, который она оставит в этом пустом пространстве. Карина задумалась. Первый пост. Первое, что увидят люди, если зайдут на её страницу. Она могла написать что угодно но выбрала то, что родилось само, без усилия:

«Среди размытого света утра. Когда идёшь по тёмной улице, порой ничего не видно. Но именно в такие моменты находишь самые красивые и одинокие вещи. Эта фотография — мой мир.»

Она добавила хэштеги — не для охвата, а для себя, словно расставляя метки на карте собственной души: #все_цвета, #красота_в_тишине, #утренняя_дорога, #одинокий_путь, #цветы_и_облака.

Выбрала музыку. «Spring Day» — песня, которая звучала так, будто её написали специально для этого утра. Для этого состояния между сном и явью, между надеждой и пустотой. Палец завис над кнопкой «Опубликовать».

Секунда. Две. Она нажала.

Фотография ушла в мир — первый след на белой странице. Первое «я есть», произнесённое шёпотом в пустоту. Аккаунт @vetoluv перестал быть пустым. Карина закрыла телефон, положила его в карман и снова посмотрела в окно. Небо не изменилось. Серо-голубое. Ни светлое, ни тёмное. Оно просто было как она сама.

Ёсу всё ещё сидела позади неё, молчала. В классе шумели кто-то смеялся, кто-то спорил об ответах на контрольной, но для Карины этот шум стал далёким и плоским, как эхо в пустом коридоре. Она смотрела в окно и думала о том, как странно жить с запретом, который сама себе наложилась. Как будто запереть себя в комнате и выбросить ключ — а потом удивляться, что в комнате темно. Но теперь где-то там, в цифровом пространстве, осталась маленькая точка отсчёта. Первая публикация. Первое доказательство того, что она ещё здесь...

Автобус мягко покачивался на дороге, унося друзей подальше от шумного Сеула в сторону Сокчо. Провинция Канвондо встречала их более чистым воздухом и небом, которое постепенно набирало глубину. Впереди было около трёх часов пути — достаточно времени, чтобы просто смотреть в окно и ни о чём не думать. Усок выбрал комфортабельный мини-автобус-спринтер, который идеально подходил для их компании. Внутри царил уютная атмосфера: удобные кресла, мягкий свет и тихая музыка, которая звучала из встроенных динамиков.

Как всё вышло — Карина и сама не поняла до конца. Усок просто подошёл к ней после контрольной, сунул руки в карманы и сказал: «Всё решено. Собирай вещи». Она хотела спросить, что именно он сказал её родителям, но передумала. Главное, что сработало. Домой она вернулась к обеду в самый разгар дня, когда солнце уже поднялось высоко, но свет оставался всё таким же рассеянным. Дома она собиралась молча, но собранно. В спортивную сумку полетели джинсы, пара футболок, тёплая кофта. Она проверила, чтобы зарядка и пауэрбанк были на месте, без них сейчас никуда. Добавила наушники, небольшую косметичку с самым необходимым, влажные салфетки и бутылку воды. На самое дно, под свёрнутое худи, она сунула потрёпанный томик Бодлера — тот самый, с пометками на полях. Книга легла так, будто всегда там и лежала.

Мать была в своей комнате. Дверь прикрыта, шторы задёрнуты, в комнате царил полумрак. Карина остановилась на пороге, сказала в тишину:

— Я пошла.

Оттуда донеслось короткое, сухое:

— Звони, если что.

Карина кивнула, хотя мать всё равно не видела. Развернулась и пошла к выходу. В коридоре её остановил отец. Он подошёл сам шагнул навстречу и, не говоря ни слова, обнял. Крепко, по-мужски, без лишней нежности. Коротко, но так, что у Карины на секунду перехватило дыхание.

— Берегите себя, — сказал он, отстраняясь. Голос был хрипловатым, но твёрдым. — Усок сказал, его отец будет с вами, — добавил он, будто оправдываясь за то, что отпускает.

— Да, конечно, — ответила Карина. — И его младший брат тоже с нами.

Отец кивнул. Больше ничего не сказал.

А теперь автобус вёз их всех на восток. Карина сидела у окна с правой стороны, прижавшись виском к прохладному стеклу. Она смотрела, как городские пейзажи постепенно сменяются пригородами, а потом и вовсе уступают место зелёным холмам и рисовым полям. В наушниках играло что-то тихое, меланхоличное она включила плеер, едва автобус тронулся, и с тех пор не проронила ни слова.

Рядом с ней, на соседнем кресле, устроилась Юна. Она тоже смотрела в окно, но время от времени бросала короткие взгляды на Карину проверяла, всё ли в порядке. Между ними не было напряжения, но и разговаривать не хотелось. Иногда молчание бывает уместнее любых слов.

Через проход, слева от Карины, сидел Усок. Он развалился на своём кресле с видом человека, который только что провернул сложную операцию и теперь наслаждается заслуженным отдыхом. Одной рукой он листал ленту в телефоне, другой машинально поглаживал голову младшего брата, который устроился у него на коленях. Малыш — лет семи, с такими же тёмными глазами, как у Усока, уже клевал носом, убаюканный мерным гулом мотора.

Позади них расположились Сара и Ёсу. Сара сидела развалившись, закинув ноги на соседнее кресло, и что-то оживлённо рассказывала — судя по жестам, историю из разряда «вы не поверите, что случилось вчера». Ёсу слушала, изредка вставляя короткие «да ладно?» и «серьёзно?», но было заметно, что она тоже устала и наполовину погружена в свои мысли.

Рядом с ними, через одно пустое кресло, сидел Хёнджун. Он достал из рюкзака книгу, судя по обложке, что-то за пределами школьной программы и читал, изредка делая пометки карандашом на полях. Когда Сара слишком громко смеялась, он поднимал взгляд, коротко улыбался уголком губ и снова возвращался к чтению. Он был здесь, но в то же время в своём мире — мире формул и уравнений, где всё было логично и предсказуемо.

В самом конце автобуса, в окружении пустых кресел, сидел Юнгёк. Он натянул капюшон почти на самые глаза и смотрел в телефон, делая вид, что происходящее его не касается. Но

наушники были надеты только на одно ухо второе оставалось открытым, ловя обрывки разговоров. Он не участвовал, но и не отгораживался полностью.

Джихан сидел через ряд от Юнгёка, наискосок. Он не спал, не слушал музыку и не смотрел в телефон. Просто сидел, сложив руки на груди, и смотрел в проход перед собой с выражением лёгкой скуки, к которому, кажется, все уже привыкли. Время от времени он бросал короткие взгляды на Сару с Ёсу прислушивался к их разговору, но вида не подавал.

И, наконец, в середине автобуса, ровно напротив Карины через проход, сидел Сокджун. Он не смотрел на неё. Он смотрел в окно с противоположной стороны, подперев щеку рукой. Но Карина чувствовала его присутствие кожей, затылком, тем краем сознания, который улавливает чужое внимание, даже когда глаза не встречаются.

Они не сказали друг другу ни слова с того самого момента, как сели в автобус. Но автобус только начал свой путь. Впереди было три часа дороги, дом в лесу и целый уикенд, который мог изменить всё. Или ничего не изменить.

Они были разными, настолько, что порой казалось невероятным, как их вообще удерживает одно пространство. Они были разными. Ссорились. Не понимали друг друга. Молчали, когда нужно было говорить, и говорили, когда лучше было промолчать. Но сейчас они ехали в одном автобусе. Три часа дороги делили на всех поровну и тишину, и смех, и усталость, и надежду. Может, это и есть то, что их держит вместе. Не общие интересы, не школьные коридоры, не старые фотографии. А то, что даже после всего, после скандалов, после недопонимания, после того как словами ранили друг друга в самое больное они всё равно оказались здесь. Вместе. Пока что — вместе.

Прошло около получаса. Автобус мерно гудел, унося их всё дальше от города. Карина смотрела в окно, но уже не видела пейзажа — мысли где-то блуждали, цепляясь за обрывки вчерашней ночи. Лёгкий скрип кресла выдернул её из задумчивости. Джихан опустился на место прямо перед ней развернулся и сел лицом к ней, положив руки на спинку своего сиденья. В его взгляде читалось что-то между любопытством и насмешкой.

Карина подняла глаза. Вопросительно посмотрела на него. Медленно сняла наушники, позволяя им повиснуть на шее.

— Что? — спросила она коротко.

Джихан склонил голову набок, изучая её с таким видом, будто видел впервые. Уголки его губ дрогнули, не улыбка, нет. Скорее предвкушение.

— Ничего, — протянул он лениво. — Просто смотрю на человека, который застрял в собственной голове так глубоко, что уже забыл, как выглядит выход.

Карина моргнула.

— Ярко, — сказала она сухо, — но непонятно. Ты к чему?

Джихан пожал плечами, слишком небрежно, чтобы это было искренне.

— Да так. Думаю, интересно, что ты будешь делать, когда мы приедем. Спрячешься в комнате с книжкой или всё-таки рискнёшь присоединиться к живым?

Слова повисли в воздухе — колкие, как ледяная крошка. Карина выдержала его взгляд. Не отвела глаза.

— А ты, значит, эксперт по тому, как быть живым? — ответила она ровно. — По тебе не скажешь.

Джихан усмехнулся — но усмешка вышла короткой, без привычной самоуверенности.

— Ладно. Просто хотел убедиться, что ты ещё не совсем окаменела.

Он уже собирался подняться, но Карина не дала ему уйти просто так.

— У тебя какие-то проблемы? — спросила она ровно, но в голосе звякнула холодная сталь.

Джихан замер. Медленно опустился обратно, снова оказавшись напротив неё. Ухмыльнулся той самой ухмылкой, от которой хотелось закатить глаза или врезать.

— Да вроде нету, — протянул он, пожав плечами.

Карина посмотрела на него в упор. Без улыбки. Без намёка на то, что это шутка.

— Значит, будут, — сказала она тихо, но отчётливо. — Если ты не закончишь этот свой ебанный детский сад.

На секунду в салоне стало тише. Даже Сара, кажется, притормозила свой рассказ, уловив край разговора. Джихан моргнул. Ухмылка сползла с его лица не до конца, но заметно. Он явно не ожидал такого прямого ответа. Пару секунд он просто смотрел на неё, будто переваривая. Потом коротко хмыкнул уже без прежней насмешки.

— Понял, — сказал он сухо.

Но вместо того чтобы просто уйти, Джихан задержался. Развернулся обратно, медленно, с лентой человека, который решил, что игра ещё не окончена. Опустился на корточки прямо перед её креслом, так что их глаза оказались на одном уровне. В его взгляде мелькнуло что-то новое не насмешка, а искренний, почти детский интерес.

— А может, ты подкинешь мне свои проблемы? — спросил он, склонив голову. В голосе звучало любопытство, смешанное с вызовом. — Раз уж ты такая опытная в этом деле.

Карина смотрела на него пару секунд. А потом, неожиданно даже для себя самой — рассмеялась. Коротко. Сухо. Но искренне.

— Оууу, — протянула она, и в её голосе впервые за сегодня появилась лёгкость. — Ты даже не представляешь, сколько их у меня. Такие же назойливые, надоедливые занозы в заднице, как и ты.

Она улыбнулась широко, явно довольная своим ответом. Джихан замер, не ожидая такой реакции. Его брови дрогнули, то ли от удивления, то ли от неожиданного удовольствия. Он открыл рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент в разговор вмешалась Юна.

— Так, так, так, — Юна подалась вперёд с соседнего кресла, и в её голосе зазвенели весёлые нотки. — Я, конечно, всё понимаю, но давайте без драк в автобусе. А то мало ли, остановят нас посреди трассы, и придётся объяснять родителям, почему мы не доехали до Сокчо, а сидим в участке.

Она улыбнулась, глядя то на Карину, то на Джихана. Атмосфера разрядилась, как лопнувший воздушный шарик. Джихан фыркнул, качая головой, и наконец поднялся.

— Ладно, — сказал он, бросив прощальный взгляд на Карину. — Спасибо за предложение. Я подумаю.

И ушёл на своё место, оставив после себя лёгкое недоумение и тень улыбки, которая всё ещё блуждала на губах Карины.

Водитель — мужчина лет сорока пяти, с седыми висками и доброй улыбкой видимо, решил, что слишком тихая поездка усыпит пассажиров. Он покрутил ручку громкости, и из колонок полилась энергичная мелодия. «Sunflower» — Post Malone и Swae Lee. Та самая песня, которую невозможно слушать спокойно, когда она играет в машине или автобусе. Лёгкая, летняя, с расслабленным битом, который сам просился в движение.

Сара отреагировала первой.

— О, нет, это уже не закончится, — выдохнула Ёсу, но в её голосе звучала улыбка.

Сара уже вскочила с места, едва услышав первые аккорды. Она развернулась лицом к салону, откинула волосы назад и начала двигаться в такт музыке плавно, с той естественной грацией, которая была у неё с рождения.

— Дэ-э-э, — протянула она, покачивая бёдрами в ритме бита. — Давно пора!

Усок не заставил себя ждать. В пару шагов оказался рядом с Сарой, подхватил её движение и начал пританцовывать, нелепо и весело, явно утрируя свои движения.

— Сокмин, смотри, как твой старший брат позорится! — крикнула Сара, смеясь.

Но Сокмин, младший брат Усока, которому было около семи, даже не поднял головы. Он сидел на своём месте, уткнувшись в телефон, и сосредоточенно водил пальцем по экрану. Кажется, очередная игра поглощала его куда больше, чем танцы старших.

— Он уже привык, — отмахнулся Усок, не прекращая танцевать.

Ёсу сначала сидела смущённо, но через несколько секунд сдалась и начала покачивать головой в такт, тихонько напевая себе под нос. Хёнджун оторвал взгляд от книги и наблюдал за происходящим с лёгкой улыбкой.

Юнгёк сидел в своём углу, но заметно было, что даже его нога начала отбивать ритм под сиденьем.

— Ладно, — вдруг сказала Юна и встала, потянув за руку Карину. — Ты тоже. Хватит киснуть.

— Я не...

— Танцевать. Быстро.

Карина открыла рот для протеста, но Юна уже дёрнула её за руку, и через секунду она стояла в проходе, окружённая смехом и битом. И она улыбнулась.

Музыка лилась из динамиков, заполняя каждый уголок автобуса. «Sunflower» сменилась чем-то ещё более ритмичным — кажется, «Uptown Funk» Бруно Марса. Водитель явно знал толк в настроении.

— О-о-о, это уже серьёзно! — выкрикнула Сара, поднимая руки вверх и двигаясь ещё энергичнее.

Усок подхватил её ритм, и теперь они танцевали вдвоём в проходе, то сходясь, то расходясь, как будто репетировали эту сцену годами. Кто-то из них напевал, кто-то просто смеялся — но воздух в автобусе стал другим. Тёплым. Живым.

Юна танцевала рядом с Кариной, не столько профессионально, сколько задорно — дрыгая руками и ногами вразнобой, но с таким искренним удовольствием, что это заставляло улыбаться даже тех, кто не хотел.

— Давай! — крикнула Юна, подталкивая Карину плечом. — Ты умеешь, я знаю!

Карина закатила глаза, но в уголках её губ уже пряталась улыбка. Она сделала пару неуверенных движений сначала скованно, будто тело забыло, как это делается, но через несколько тактов расслабилась и просто позволила музыке вести.

Сокджун, сидевший через ряд от них, с улыбкой наблюдал за этой кутерьмой. Когда Карина поймала его взгляд, он подмигнул ей и, не вставая с места, начал отбивать ритм ладонями по коленям, задавая темп.

— Ну же подпевай! — крикнул он ей, и Карина, фыркнув, закатила глаза, но губы её предательски растянулись в улыбке.

Ёсу сдалась окончательно, встала и, пританцовывая, направилась к сумке, чтобы достать воду.

— Если мы так весь автобус пропляшем, до дома доедем без сил! — крикнула она сквозь смех.

— Тем лучше! — отозвалась Сара. — Значит, выспимся на месте!

Хёнджун отложил книгу. Не встал, но отбивал ритм пальцами по подлокотнику и довольно улыбался, глядя на эту кутерьму. Юнгёк — вот сюрприз, едва заметно покачивал головой в такт. Он не встал, но музыка добралась и до его угла. Даже Джихан, сидящий в задней части автобуса, не остался равнодушным. Он не танцевал, но на его губах застыла лёгкая усмешка. Не колкая, не циничная а тёплая.

Сокджун тем временем встал со своего места, подошёл к центру прохода и, поймав ритм, начал танцевать вместе с Усоком и Сарой. Его движения были уверенными, но без выпендрёжа — он просто кайфовал от момента, и это чувствовалось.

— А ты неплох! — крикнула Юна.

— Стараюсь, — усмехнулся он в ответ.

И только Сокмин продолжал сидеть, уткнувшись в телефон, не реагируя на происходящее. Сара подошла к нему, потрепала по голове:

— Эй, мелкий, отложи телефон, потанцуй с нами!

Сокмин поднял голову, посмотрел на неё серьёзными глазами и сказал:

— Я занят. Прохожу уровень.

— Да он у тебя уже час один и тот же!

— Сложный уровень, — буркнул мальчик и снова уткнулся в экран.

Автобус взорвался смехом. Карина, качаясь в такт музыке, поймала себя на мысли, что впервые за долгое время ей не хочется, чтобы этот момент заканчивался. Они были разными. Они ссорились. Но в этом автобусе, под эту глупую весёлую музыку, они были просто компанией друзей, которые едут к уикенду.

«Uptown Funk» отыграл последние аккорды, и водитель, словно чувствуя настроение в салоне, переключил трек. Из динамиков полился лёгкий, игривый бит — и воздух наполнился летним настроением, даже за окном было ещё по-весеннему серо.

«I live my day as if it was the last

Live my day as if there was no past

Doin' it all nite, all summer

Doin' it the way I wanna ...», Zara Larsson. «Lush Life».

— О-о-о, это уже разговор! — выкрикнула Сара, вскидывая руки вверх. Её движения стали более расслабленными, кокетливыми она словно плыла по ритму, наслаждаясь каждым мгновением.

Усок подхватил её настроение, и теперь они танцевали в проходе, то сходясь, то расходясь, будто старый дуэт, который знает каждое движение наизусть.

— Эй, Хёнджун! — крикнула Сара через плечо. — Иди к нам, пока физика не убежала в окно!

Хёнджун поднял голову, коротко улыбнулся и, к удивлению многих, отложил книгу в сторону. Поднялся, одёрнул футболку и шагнул в проход.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Юна, толкая Карину локтём. — Хёнджун танцует! Это исторический момент! Запомните эту дату!

— Я просто стою, — возразил Хёнджун, но в его голосе звучала улыбка.

— Ты в проходе под музыку — это уже танец по твоим меркам! — парировала Сара, крутанувшись на месте.

— Иди сюда, — Усок схватил его за руку и втянул в общий ритм. — Расслабься, друг. У нас сегодня праздник. Формулы подождут. Даже Эйнштейн иногда танцевал.

Хёнджун позволил себе покачиваться в такт, неловко, но искренне. И это вызвало новую волну тёплого смеха.

Ёсу стояла рядом с креслами, пританцовывая с чашкой воды в руках, и улыбалась так широко, что щёки, кажется, начали болеть. Она напевала мелодию себе под нос, покачивая бёдрами.

Карина стояла в кругу танцующих, позволяя музыке нести себя. Лёгкий бит пульсировал в груди, а слова песни, про жизнь, которую хочется жить на полную отзывались где-то внутри тёплым эхом. Она поймала взгляд Юны та подмигнула ей, покачивая плечами в такт песне.

— Ну давай! — крикнула Юна, протягивая ей руку. — Ты же не хочешь пропустить свою же «lush life»?

Карина усмехнулась. И, приняв руку подруги, сделала шаг в центр импровизированного танцпола. Музыка наполнила её тело, и на секунду ей показалось, что за окном стало чуть светлее. Будто тучи, которые висели над её жизнью последние недели, начали рассеиваться.

Она поймала ритм. Сначала неуверенно, но потом — всё смелее. Юна кружила её, Сара хлопала в такт, Усок подбадривающе свистел. Даже Ёсу отставила чашку и теперь двигалась в общем потоке, забыв про стеснение.

К ней подошёл Сокджун пританцовывая. Он не сказал ни слова, просто встал рядом и начал двигаться в такт, не мешая, но поддерживая своим присутствием. Карина покосилась на него, но ничего не сказала. Просто продолжила танцевать, чувствуя, что в этом кругу ей почему-то стало ещё спокойнее.

— Вот это другое дело! — выкрикнула Сара, когда Карина, рассмеявшись, сделала резкое движение бёдрами в такт баса.

Хёнджун стоял в стороне, но улыбался — широко, искренне. Он не танцевал, но его пальцы отбивали ритм по бедру. И только Юнгёк всё ещё сидел на своём месте. Сара заметила это первой. Она остановилась, упёрла руки в бока и посмотрела на него с вызовом.

— А ты чего сидишь? День рождения, что ли?

Юнгёк поднял голову. Встретился взглядом с Кариной. Она смотрела на него в ответ. Не просила. Не давила. Просто смотрела — и в её глазах было что-то, отчего он медленно выдохнул.

— Ладно-ладно, — сказал он тихо, поднимаясь.

И когда он встал, музыка словно стала громче. Юнгёк вышел в проход, и компания инстинктивно расширила круг, впуская его. Он встал.

— Абстрактный минимализм, значит? — усмехнулась она, покосившись на него.

— Ты ещё не готова к такому уровню искусства, — ответил он, пряча улыбку в уголках губ.

Усок подхватил Сокмина, который наконец оторвался от телефона, и поставил его на сиденье, пританцовывая рядом.

— Смотри, мелкий, вот так надо!

Сокмин закатил глаза, но улыбнулся. Музыка лилась, «Lush Life» звучала, но никто не устал. Каждый новый такт вплетался в их движение, в их смех, в их общее дыхание.

И тут «Lush Life» закончилась. На секунду в автобусе повисла тишина — только гул мотора и дыхание запыхавшихся ребят.

А потом из динамиков раздался резкий, пронзительный звук. «Дз-з-з-з-з-з-з-з-з-з!» Школьный звонок.

— Что за...? — начала Ёсу, но Сара уже вскинула руки.

— О-О-О! ЭТО ЖЕ МОЯ ПЕСНЯ! — закричала она, едва услышав первые ноты узнаваемого бита.

— «It ain't my fault you keep turning me on!» — подпела Юна, неожиданно громко и уверенно.

Усок присвистнул и начал пританцовывать вокруг девушек, изображая нелепые, но забавные движения.

— Юнгёк, давай! — крикнула Юна, кивая ему. — Покажи, на что способен твой абстрактный минимализм!

Юнгёк фыркнул, но в его глазах мелькнул огонёк. Он сделал шаг вперёд и, о чудо, начал двигаться. Дёргано, нелепо, но так искренне, что Сара ахнула, а Карина рассмеялась в голос.

— Я ВСЕГО ДОЖИЛА! — закричала Юна, хлопая в ладоши. — ЮНГЁК ТАНЦУЕТ ПОД ЭТУ ПЕСНЮ!

Автобус качало. Буквально. И фигурально. Но в самом конце автобуса, на заднем сиденье, отдельно от всей этой кутерьмы, сидел Джихан.

Он не танцевал. Не вставал. Не подпевал. Он просто сидел, откинувшись на спинку кресла, скрестив руки на груди, и смотрел на них. Его лицо было спокойным, почти непроницаемым.

— Джихан! — крикнул Хёнджун, махнув рукой. — Иди к нам, не будь букой!

Джихан медленно перевёл взгляд на него. На его губах заиграла та самая лёгкая усмешка.

— Я и так неплохо устроился, — ответил он лениво. — Смотрю шоу.

— Шоу? — переспросила Карина, остановившись на мгновение и повернув голову в его сторону. — Скучно тебе, что ли, Пак Джихан?

Но не успел он ответить, как музыка заиграла громче, и Сара снова дёрнула Карину за руку, увлекая обратно в танец.

— Да брось ты его! — крикнула Сара, смеясь. — Если он хочет сидеть букой пусть сидит! Нам и без него весело!

И они продолжили танцевать. Юнгёк дёргано двигался под смех Юны, Ёсу хлопала в ладоши, Усок кружил Сокмина. Хёнджун просто улыбался, наблюдая за этим хаосом. А Сокджун был в своём прайме.

На Джихана никто не смотрел. Никто не уговаривал. Никто не настаивал. Его просто... оставили в покое. Усмешка на его губах начала угасать. В глазах мелькнуло что-то острое не злость, но что-то похожее на укол самолюбия. Он привык быть в центре внимания. Привык, что его уговаривают, добиваются, замечают. А сейчас его просто игнорировали.

Карина, танцуя, краем глаза заметила его лицо. Этот взгляд человека, который привык быть в центре внимания, а теперь сидит один. Она улыбнулась, покачала головой и, не оставиваясь, направилась к нему.

— А ну иди сюда, — сказала она просто, протягивая руку.

Джихан поднял на неё взгляд, хотел что-то сказать, но она уже схватила его за запястье и потянула вверх.

— Да ладно тебе, — фыркнула она, всё ещё улыбаясь. — Хватит строить из себя загадочного.

Он дёрнулся, но не сильно. Поднялся.

— Я не строю, — буркнул он, но в голосе не было прежней колкости.

— Конечно, — кивнула Карина, не отпуская его руки. — Идём.

И потащила его в центр, туда, где все танцевали. Сара, увидев их, присвистнула.

— О! Джихан решил присоединиться к мертвым?

— Заткнись, — ответил Джихан, но уголки его губ дрогнули в улыбке.

Юна засмеялась, Усок похлопал Джихана по плечу.

— Добро пожаловать на танцпол, чувак.

И автобус снова наполнился музыкой, смехом и общим весельем. Карина отпустила его руку и снова начала танцевать рядом с ним — естественно, легко, будто так и должно быть. Джихан стоял в центре компании. Не танцевал. Но и не уходил. И это уже было победой...

Время прибытия 16:35.

Автобус остановился, и шум мотора стих, уступив место первозданной тишине горного воздуха.

— Приехали, — объявил Усок, поднимаясь с сиденья. — Добро пожаловать в мою берлогу.

Карина первой вышла на улицу и замерла. Перед ней стоял дом, который не вписывался в привычные представления о загородном жилье. Он будто вырос из самого склона, тёмное дерево и стекло переплетались в плавном, почти органичном танце. Панорамные окна отражали небо и верхушки сосен, создавая иллюзию, что дом прозрачен, что он — часть этого леса.

— Ничего себе, — выдохнула Юна, выходя следом. — Ты серьёзно здесь живёшь?

— Только летом, — пожал плечами Усок, но в его голосе слышалась гордость.

Сокджун вышел из автобуса последним, задержавшись, чтобы забрать рюкзак с верхней полки. Он спрыгнул на землю, поднял голову и замер, разглядывая фасад.

— Ого, — протянул он негромко. — Усок, ты скромничал.

— Стараюсь не светить, — усмехнулся Усок.

Широкая деревянная терраса вела к входу. Вокруг неё — зелень: кустарники, декоративные камни, аккуратные дорожки, выложенные природным камнем. Лестницы уходили вниз, к разным уровням сада, где между деревьями прятались уютные скамейки и маленький пруд.

— Архитектура зверь, — присвистнул Хёнджун, оглядывая фасад. — Минимализм, но с душой.

— А виды какие, — тихо сказала Ёсу, глядя на горизонт, где горы встречались с небом.

Дом стоял на возвышенности. Отсюда открывался обзор на бескрайний лес, уходящий вдаль, и на горные пики, которые в вечерних сумерках казались нарисованными акварелью. Карина сделала шаг вперёд, вдохнула чистый, прохладный воздух и почувствовала, как напряжение последних дней отпускает её плечи.

— Красиво здесь, — сказала она, обернувшись к Усоку.

Он улыбнулся.

— Подожди, внутри ещё круче.

Они подошли к двери. Усок уже потянулся к ручке, но дверь распахнулась сама. На пороге стояла женщина лет сорока, аккуратно одетая, с приветливым, но сдержанным выражением лица. Она слегка поклонилась.

— Здравствуйте, добро пожаловать, младший господин.

Усок на мгновение опешил, но быстро пришёл в себя.

— А, тётушка Ким! Я думал, вы только завтра приедете.

— Хозяин предупредил, что вы сегодня прибудете, — ответила женщина. — Я подготовила дом. Продукты в холодильнике, я замариновала голень цыплёнка, вдруг сами захотите приготовить что-нибудь. Но ужин я подготовила, вам потребуется просто разогреть. Комнаты проветрены.

— Спасибо большое, — искренне сказал Усок.

Тётушка Ким перевела взгляд на остальных ребят, стоящих за его спиной.

— Добро пожаловать, ребята. Проходите, располагайтесь.

Она отступила в сторону, пропуская их внутрь. Карина, проходя мимо, слегка поклонилась:

— Здравствуйте, спасибо.

Сокджун прошёл следом за ней и, остановившись на пороге, тоже коротко поклонился:

— Здравствуйте. Спасибо за заботу.

Тётушка Ким одобрительно кивнула, заметив его вежливость.

За ними потянулись остальные кто-то поздоровался, кто-то просто кивнул. Сара уже нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, готовая ворваться внутрь.

— Ну что встали? — Усок шагнул в дом, помахав рукой. — Заходите, располагайтесь!

И компания хлынула внутрь — в тепло, свет и обещанный уют. Внутри было действительно круче. Просторная гостиная распахнулась перед ними, словно продолжение леса за окном. Высокие потолки уходили вверх, а панорамные окна во всю стену превращали комнату в часть окружающего пейзажа. Светлые деревянные полы отражали мягкий вечерний свет, делая пространство тёплым и живым.

— Охренеть, — выдохнула Юна, проходя вперёд и медленно крутя головой. — Усок, ты король.

Посередине комнаты расположилась уютная зона отдыха: мягкие диваны светлых оттенков, круглые деревянные столы, декоративные подушки, разбросанные с лёгкой небрежностью. Чёрные кресла и пуфы стояли вокруг центрального стола, создавая несколько уголков для разговора и тишины. Зелёные растения в горшках — крупные, почти в человеческий рост — стояли по углам и вдоль стен, будто продолжая лес, начавшийся за порогом. Они добавляли комнате свежести и жизни. Сара уже плюхнулась на один из диванов, раскинув руки в стороны.

— Я остаюсь здесь жить, — объявила она.

— Да пожалуйста, можешь остаться, и жить сколько захочешь, — предложил Усок.

Ёсу засмеялась, присаживаясь на край дивана.

— Это всё твои родители придумали? — спросил Хёнджун, проведя рукой по гладкой деревянной стойке.

— Дизайнера нанимали, — ответил Усок, снимая куртку и бросая её на пуф. — Но концепцию сами собирали. Хотели, чтобы дом дышал.

— Он дышит, — подтвердила Карина тихо, глядя на горы за окном.

Сокджун прошёл в центр комнаты, остановился и поднял голову, разглядывая высокий потолок с деревянными балками. Он медленно обвёл взглядом пространство — от панорамных окон до лестницы на второй этаж.

— Здесь есть что-то особенное, — сказал он задумчиво. — Не просто красивый дом. Он... живой.

Карина покосилась на него. Она не ожидала, что Сокджун заметит именно это. Но он был прав. Над ними, на втором уровне, виднелась лестница из дерева и стекла, лёгкая, почти невесомая. Она вела наверх, в комнаты, утопающие в золотом свете солнца. Карина стояла, впитывая эту атмосферу. Тишину леса за окном. Тепло дерева. Свет, льющийся сверху.

Она повернулась и встретилась взглядом с Джиханом, который только что зашёл внутрь. Он остановился на пороге, оглядел комнату, и на его лице мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Ну что, загадочный? — спросила Карина, улыбнувшись. — Впечатлён?

Джихан перевёл взгляд на неё. Пауза.

— Допустим, — ответил он. И прошёл внутрь, оставляя её стоять с лёгкой улыбкой.

Она покачала головой и шагнула следом. Вечер только начинался.

— Так, народ! — Усок хлопнул в ладоши, привлекая внимание. — Давайте так: сейчас разбираем комнаты. Наверху шесть спален, нас... — он быстро пересчитал головы, — ... девять. Кто-то будет делить комнату.

— Я с Ёсу! — тут же выкрикнула Сара, подсакивая с дивана и хватая подругу за руку. — Мы занимаем самую большую!

— Эй, нечестно! — возмутилась Юна. — Я тоже хочу большую!

— Ты будешь с Кариной, — усмехнулся Усок. — Все комнаты большие.

Юна посмотрела на Карину, та пожала плечами.

— Я не против, — сказала Карина. — Если ты не храпишь.

— Я не храплю! — возмутилась Юна.

— Принято, — усмехнулась Карина.

— Я один, — коротко бросил Джихан и направился к лестнице, не дожидаясь остальных.

— Ну, классика, — прокомментировал Хёнджун, провожая его взглядом. — Тогда я, наверное, тоже один. Если никто не против.

— Я с тобой! — неожиданно подал голос Юнгёк, который до этого молча сидел в углу и листал телефон. Он поднял голову и улыбнулся. — Ты не против?

Хёнджун удивлённо поднял бровь, но пожал плечами.

— Валяй. Только предупреждаю: я могу рисовать посреди ночи.

— Я сплю как убитый, — заверил его Юнги. — Меня даже землетрясение не разбудит.

— А ты? — Усок повернулся к Сокджуну.

Тот оглянулся на лестницу, потом перевёл взгляд на Карину, всего на секунду, но этого хватило.

— Я, наверное, тоже один, — ответил он спокойно. — Если найдётся свободная комната.

— Найдётся, — кивнул Усок. — Я беру комнату в конце коридора. Если кому-то что-то понадобится — я там. Сокмин пошли.

Сара уже тащила Ёсу вверх по лестнице, громко обсуждая, кто будет спать у окна. Юна лениво потянулась и направилась следом, жестом позвав Карину.

— Пошли, посмотрим, что нам досталось.

Карина бросила последний взгляд на гостиную — на вечерний свет за окном, на зелень растений, на этот уютный, живой дом — и улыбнулась своим мыслям.

— Иду.

Она поднялась по лестнице следом за Юной, чувствуя, как с каждым шагом напряжение этого дня остаётся где-то внизу. Впереди был вечер. И, кажется, он обещал быть хорошим.

Юна толкнула дверь, и обе замерли на пороге. Комната, доставшаяся им, была именно такой, какую можно ожидать от этого дома современной, минималистичной, но при этом тёплой. И главное — окна. Огромные, от пола до потолка, панорамные окна занимали почти всю стену. Мягкий вечерний свет заливал комнату тёплыми, золотистыми лучами, и казалось, что лес и горы — это не пейзаж за стеклом, а часть самой комнаты.

— Ого, — выдохнула Юна, шагнув внутрь. — Это... круто.

Карина вошла следом и остановилась.

Посередине комнаты стояла большая двуспальная кровать с чёрным покрывалом, утопающим в подушках. Рядом — две небольшие тумбы, на одной из которых горела настольная лампа, а на другой стояли свечи, ещё не зажжённые. Всё это располагалось на мягком сером ковре, согревающем пол. Цветовая гамма — чёрный, серый и натуральный древесный оттенок успокаивала глаз. Ничего лишнего. Никакого визуального шума. Только простые формы, натуральные материалы и свет.

— О, у нас отдельная ванная комната, — глаза Юны загорелись детским восторгом.

— Кла-а-асс... — потянула девушка.

Карина подошла к окну, почти коснувшись его ладонью. Вид открывался, бескрайний лес уходил вдаль, к горам, подсвеченным низким солнцем. Отсюда, с высоты второго этажа, казалось, что они парят над деревьями. Она почувствовала, как тишина этого места обволакивает её.

— Красиво, — тихо сказала она.

— Ага, — отозвалась Юна, уже плюхаясь на кровать и раскидывая руки в стороны. — Я, кажется, никогда отсюда не выйду.

Карина усмехнулась и, бросив рюкзак у тумбы, опустилась рядом на край кровати.

— Чур я у окна, — сказала она.

— Договорились, — зевнула Юна. — Но только потому, что ты первой сказала.

Они помолчали. В комнате было слышно только тихое дыхание и далёкий шум леса за окном.

— Знаешь, — вдруг сказала Юна, не открывая глаз, — я рада, что мы сюда поехали.

Карина посмотрела на неё, потом снова перевела взгляд на лес, уходящий вдаль.

— Я тоже, — ответила она тихо. И это было правдой...

Лес встретил их запахом хвои и влажной земли. Воздух здесь был плотным, прохладным — он оседал на коже, проникал в лёгкие, заставляя дышать глубже, медленнее. Ветки сосен переплетались высоко над головой, пропуская редкие лучи закатного солнца, которые скользили по мху, по камням, по лицам. Под ногами пружинил ковёр из опавшей хвои и сухих листьев. Где-то рядом журчал ручей — невидимый, но слышный. Пахло сыростью, корой и чем-то сладковатым — то ли цветущим кустарником, то просто смолой, нагретой за день.

— Ну и красота тут, — выдохнула Сара, разводя руки в стороны, будто пытаясь обнять весь лес сразу. — Ёсу, ты только посмотри на это!

Ёсу шла чуть позади, то и дело останавливаясь, чтобы разглядеть то необычный лист, то корягу, поросшую мхом. Она улыбалась, щурилась на солнце и молчала — но молчание это было наполненным, тёплым. Юна шагала рядом с Кариной, не отрывая взгляда от телефона. Пальцы быстро скользили по экрану — она то и дело всё фоткала и снимала подряд.

Карина держала в руках книгу — ту самую книгу Бодлера, от Юнгёка. Она шла, поглядывая то на дорогу, то на обложку, но не открывала её. Пока просто держала, чувствуя вес страниц и гладкость переплёта под пальцами. Тропа вывела их на небольшую поляну. Мягкий закатный свет заливал пространство, делая его почти сказочным. Высокие сосны расступались, открывая небо — оранжевое, уходящее в фиолетовый. Трава здесь была гуще, зеленее, усыпанная мелкими белыми цветами.

— Давайте тут посидим? — предложила Ёсу, уже опускаясь на траву.

Сара тут же плюхнулась рядом, запрокинула голову и закрыла глаза.

— Я бы тут осталась навсегда.

Карина некоторое время стояла. Смотрела на свет, пробивающийся сквозь ветки. Слушала ветер. Потом, не говоря ни слова, отошла чуть в сторону — туда, где трава была особенно мягкой, где мох устилал землю зелёным ковром. Юна всё ещё держала телефон в руке. Она переключила камеру на видео и, не привлекая внимания, навела объектив на Карину.

Экран поймал её со спины: серая толстовка, капюшон, скрывающий чёрные волосы. Лица не видно — только расслабленные плечи и книга в руке, которую она держала бережно, будто единственное, что имело значение в этом лесу. Свет скользил по капюшону, по корешку, по траве у ног — и вся она, от линии плеч до кончиков пальцев, была воплощением тишины. Карина опустила на землю. Задержалась на мгновение, глядя куда-то вдаль, сквозь деревья. Потом, будто приняв решение, откинулась назад.

Юна снимала, не отрываясь.

Ветер шелестел листвой, создавая мелодичный шум, который сливался с пением птиц. Запахи смолы и хвои наполняли воздух, создавая ощущение полной изоляции от внешнего мира. Тело Карины мягко легло на зелёный мох. Она замерла на секунду, глядя в небо сквозь ветви. Вдохнула. Выдохнула. Она лежала на мхе, словно лист, упавший на землю. Вокруг неё лес дышал, и она чувствовала, как его дыхание проникает в её душу, очищая её от всех тревог. И поднесла книгу к лицу. Страницы закрыли небо. Закрыли свет. Весь мир остался за обложкой — только корешок, пальцы и тишина леса. Юна держала кадр ещё несколько секунд. Последний луч заката упал на переплёт, высвечивая край страницы. Трава чуть колыхалась от ветра.

— Идеально, — прошептала Юна, останавливая запись.

Она опустила телефон и ещё несколько мгновений смотрела на Карину, которая так и лежала — неподвижно, с книгой на лице, дыша в такт лесу.

— Скинь мне потом, — раздался голос Карины из-под книги.

Юна улыбнулась.

— Обязательно.

Небо над поляной окончательно потеряло цвет. Оранжевый сменился тёмно-синим, а следом — густым лиловым. Солнце ушло за деревья, и лес наполнился сумерками — синими, глубокими. Сумерки, как вы тихим и нежны. Розовый отблеск, дрожащий на горизонте, подобно огню умирающего дня, при триумфальном наступлении ночи. Говорят, в сумерках проверяется равновесие между человеком и планетой. Бог смешивает тьму со светом, чтобы увидеть, есть ли у Земли смелость продолжать вращаться. Если Земля не испугается тьмы, минет ночь, и заблещет новое солнце.

— Ой, уже темнеет, — Ёсу поёжилась, обхватив себя за плечи.

И тут Сара вскочила. Трава — высокая, выше колен — качнулась и раздалась в стороны.

— Кто последним добежит до того дуба, — выпалила она, на секунду запнувшись, — тот весь вечер моет посуду!

Она не договорила — сорвалась с места, разбрызгивая зелень.

— Сара, это нечестно! — крикнула Ёсу, вскакивая следом, и помчалась за ней, разрезая высокую траву. Волосы разлетелись, голос растворился в вечернем воздухе.

Юна встрепенулась, сунула телефон в карман и рванула за ними.

— Ах вы мелкие! Я вас догоню!

Три фигуры мелькали между стволов, петляя между сосен. Голоса — звонкие, прерывистые от смеха и бега — разлетались по лесу, разбивая вечернюю тишину на осколки.

Карина вскочила следом. Книга в руке — она сжала её покрепче, прижала к груди локтем. Другой рукой выхватила телефон, провела пальцем по экрану. Камера. Видео. Есть.

— Девчя-я-ят! — закричала она, бросаясь вперёд, разрезая высокую траву коленями.

Экран прыгал, ловил спины, поле, горы, темнеющее небо. Бегущие впереди силуэты тонули в высокой траве и снова появлялись. Смех — громкий, настоящий, до слёз — заглушал всё. Кто-то крикнул что-то неразборчивое, кто-то взвизгнул.

— Я вас снимаю! — хохотала Карина, не сбавляя шага. Книга билась о рёбра, но она не отпускала её. — Я всё снимаю!

Лес нёсся мимо. Последний свет угасал за горизонтом, но они бежали — в сумерках, среди сосен, по высокой траве. Ноги несли вперёд, туда, где в темноте мелькали силуэты подруг, где смех становился громче, ближе, роднее. Они бежали. Все четверо. И были счастливы...

Тихое небо, скромно мерцающее звездами, и словно сделанная серебром луна. Всё было спокойно, бесстрастно. По горам в лесу огни, точно звезды плавали, поднимаясь и спускаясь по склонам холмов. Это определённо они — светлячки. Всё в такую минуту казалось красивым, невесомым, удивительно приятным: и густые тени деревьев, и лунные блики, рассыпанные по земле, и тихий, нежный шёпот леса. Мгновение — и всё утонуло во мраке. Как будто кто-то задумчиво пел без слов, и не было слышно голоса, и только представлялось потонувшая в ночной синеве речонка, и костёр, и мутный обрыв, и в тёмной глубине чуть видимые звёзды. Кузнечик играл на своей скрипке о любви до гроба, о счастье безвозвратно и о муках сердца, и о том подобном, неактуальных мелочах.

Карина сидела у костра, обхватив колени руками, и медленно оглядывалась по сторонам. Пока они с девчонками носились по лесу, снимая дурацкие видео и хохоча до слёз, парни, оказывается, успели сделать всё. Беседка светилась тёплыми гирляндами, мангал ещё дымился, а в очаге весело потрескивал огонь. Запах дыма и жареного мяса всё ещё витал в воздухе — они уже всё съели, но этот запах, казалось, вьёлся в одежду, в волосы, в сам вечер.

Карина перевела взгляд на Усока — он сидел у самого огня, подкидывая сухие ветки в пламя, и что-то рассказывал Саре, которая слушала, смешно наморщив нос. Рядом с ними устроился Хёнджун — он откинулся назад, опираясь на ладони, и смотрел в небо, словно считал звёзды. Чуть левее сидел Юнгёк. Он молчал, но в руках у него была палочка, которой он ворошил угли — просто чтобы занять руки. Карина заметила, как он улыбнулся про себя, услышав какой-то обрывок разговора, и отвела взгляд. Джихан сидел поодаль, чуть в тени. Он не участвовал в общем разговоре, но и не отстранялся — просто был здесь, с ними. Его лицо освещалось огнём лишь наполовину, и Карина поймала себя на том, что смотрит на него

дольше, чем планировала. Он перехватил её взгляд и чуть приподнял бровь, будто спрашивая: «Что?». Она мотнула головой — мол, ничего. Сокджун сидел на бревне, поджав одну ногу, и крутил в пальцах пустую банку из-под содовой. Рядом с ним Ёсу — она смеялась чему-то, что сказал Хёнджун, и заправляла прядь волос за ухо. Юна уже почти спала, положив голову Карине на плечо, и тихо посапывала.

Карина снова подняла глаза к небу. Звёзды. Луна. Тишина. И они — все здесь, у костра. Пламя танцевало, отбрасывая тени, и на секунду Карине показалось, что это не просто вечер. Что этот момент застынет где-то внутри неё навсегда. Она медленно потянулась за телефоном. Экран осветил её лицо, когда она открыла камеру и переключила на видео. Навела объектив на огонь. В кадре было только пламя. Языки огня тянулись вверх, облизывали поленья, рассыпали искры, которые уносились в темноту и гасли, так и не долетев до звёзд. Карина смотрела на них сквозь экран и думала: «Огонь — как люди. Сначала вспыхивает, жадно глотает воздух, растёт, тянется к небу, будто хочет достать до самого солнца. А потом затихает. Становится тише, теплее. Переходит в угли, которые ещё долго хранят тепло, даже когда пламени уже нет.»

Она перевела камеру чуть выше — туда, где искры исчезали в темноте: «Иногда мне кажется, что мы все — просто искры. Короткая вспышка света в бесконечной ночи. Мы горим ярко, сгораем быстро и оставляем после себя только тепло в тех, кто сидит рядом. Но, может быть, в этом и есть смысл. Не в том, чтобы гореть вечно, а в том, чтобы успеть согреть тех, кто сидит у твоего костра.»

Она опустила телефон. Экран погас, и лицо её снова скрылось в полумраке, освещаемое только отблесками пламени.

Юна пошевелилась у неё на плече и встала, протирая глаза.

— Я ничего не пропустила?

— Веселье только начинается, — издала смешок Сара.

Она потянулась, хрустнув шеей, и обвела всех взглядом хитрым, чуть сонным, но уже разгоревшимся.

— Слушайте... а давайте серьёзно. Раз уж мы здесь, у костра, и никто никуда не бежит.

Она помолчала. Огонь треснул, выбросив сноп искр.

— Что для вас любовь?

Вопрос повис в воздухе, как тот самый дым от костра медленный, тягучий, проникающий под кожу. Карина невольно напряглась. Но не от испуга. От того, что вопрос попал в точку, в самую середину груди, где она обычно прятала такие вещи подальше.

Первым заговорил Усок. Он смотрел в огонь, но не искал там слова, он искал там разрешение. Разрешение сказать то, что думает, не боясь, что его осудят.

— Для меня любовь... это когда есть кто-то, кто решает за тебя.

Он усмехнулся, провёл рукой по затылку.

— Звучит странно, да? Но я всю жизнь боялся сделать неправильный выбор. А когда рядом есть человек, которому ты доверяешь... ты просто идёшь за ним. И знаешь, что он не приведёт тебя в пропасть.

Он помолчал.

— Я не умею быть один. И, наверное, это моя слабость. Но я хочу, чтобы тот, кто рядом, не пользовался этим. А просто... был.

Ёсу поправила прядь волос и заговорила не сразу. Она смотрела в темноту между деревьями — туда, где могли прятаться тени.

— Для меня любовь — это когда ты знаешь, что тебя не предадут. Но ты всё равно проверяешь. Каждый день. Каждое слово. Каждый взгляд. Ты ищешь подвох — потому что привык, что его найдут. И если его нет... ты не веришь. Думаешь, что просто ещё не заметила.

Она перевела дыхание.

— Любовь для меня — это когда я могу хотя бы на минуту перестать искать доказательства, что меня обманут. Когда я просто сижу и не жду удара. Это... редкое чувство.

Сара фыркнула и подалась вперёд, будто ей было тесно сидеть на месте.

— Ох, ну вы даёте. Для меня любовь — это когда я могу быть собой, даже когда я разношу всё вокруг. Когда я заводжусь с пол-оборота, когда я говорю быстрее, чем думаю, когда я забываю про время, про еду, про сон, и он не говорит мне «успокойся». Потому что я не могу успокоиться. Я просто... такая. И мне нужен кто-то, кто не будет пытаться меня переделать. Кто скажет: «Да, ты хаос. Но ты мой хаос».

Она хмыкнула и добавила тише:

— И кто не забудет купить мне еду, потому что я забываю есть.

Лёгкий смех прокатился по кругу.

— А ты, Хёнджун? — повернулась к нему Сара.

Хёнджун долго молчал. Не потому, что не знал, что сказать. А потому, что внутри него шла борьба: сказать правду или сказать правильно.

— Мой отец умер, когда мне было двенадцать. Он работал с утра до ночи. Я злился. Думал, что он нас не любит. А потом я нашёл его дневник. Он писал каждую ночь. Про то, как я научился читать. Про то, как мама вязала ему шарф. Про то, как мы спали втроём на одной кровати.

Пауза.

— Любовь для меня — это порядок. Это когда ты делаешь одно и то же каждый день, даже если никто не видит. Потому что если ты пропустишь хотя бы день, всё рухнет. Я знаю, что это звучит как... одержимость. Но для меня любовь, это ритуал. И я не умею иначе.

Тишина стала густой, как смола. Юнгёк сидел молча. Смотрел в огонь. Не говорил ни слова. Никто не обернулся к нему. И он ничего не сказал. Сокджун крутил в пальцах пустую банку. Он не поднимал глаз, когда заговорил.

— Любовь — это когда ты можешь снять маску. Не ту, которую носишь для всех, а ту, которую носишь для себя. Когда ты перестаёшь проверять, правильно ли ты выглядишь, правильно ли говоришь, правильно ли молчишь. Потому что внутри меня постоянно работает счётчик. «А правильно ли я сказал? А не обидел ли? А вдруг я сделал не то?» И я хочу, чтобы рядом был кто-то, кто выключит этот счётчик. Хотя бы на минуту.

Он поднял глаза.

— Но я не знаю, как попросить об этом.

И он посмотрел на неё. Прямо на неё. В этом взгляде было что-то, от чего у Карины перехватило дыхание. Не потому, что он был громким. А потому, что он был тихим. Таким тихим, что она слышала в нём всё. Она смотрела на него и перед глазами всплыл школа, крыша, солнце, его губы на её губах, тот поцелуй, о котором они оба молчали. И сейчас, у костра, в свете огня, она поняла: он тоже думает о ней. Между ними пробежала искра. Не та, что видна всем. А та, что живёт только между двоими. Карина отвела взгляд первой. Но уголки её губ дрогнули в улыбке, которую она не успела спрятать.

Джихан сидел чуть поодаль и, кажется, видел всё. Но он молчал. Смотрел на огонь с лёгкой, едва заметной усмешкой. И заговорил только тогда, когда тишина стала слишком тягучей.

— А что мне сказать? — спросил он, пожав плечами. — Любовь — это когда ты смотришь на человека и видишь, что он достоин тебя. Я серьёзно, — продолжил он, и голос его был ровным, без капли смущения. — Любовь — это когда ты выбираешь не того, кто тебе нужен, а того, кто тебе подходит. Кто не тянет тебя вниз. Кто не мешает тебе быть лучшей версией себя.

Он перевёл взгляд на огонь.

— Я не буду любить того, кто делает меня слабее. Это не любовь. Это жалость.

Карина смотрела на него, на его профиль, освещённый огнём с одной стороны и скрытый тенью с другой, и думала о том, как точно он описал себя, даже не осознавая этого.

Карина заговорила.

— А для меня любовь — это когда ты знаешь, что он тебя уничтожит. И ты всё равно идёшь. Когда ты смотришь на человека и видишь не будущее, не дом, не детей, не счастливую старость. А пропасть. И ты знаешь, что если шагнёшь — полетишь вниз, разобьёшься, и никто не соберёт тебя обратно.

Она помолчала. Взяла ветку и ткнула ею в угли, заставив искры взметнуться вверх.

— Но ты всё равно стоишь на краю. И думаешь: «Может, он поймает». Хотя внутри уже знаешь ответ. Любовь, это когда он делает тебе больно, а ты находишь оправдание. Когда он молчит ты думаешь: «Устал». Когда он уходит ты думаешь: «Вернётся». Когда он не пишет, ты придумываешь тысячу причин, лишь бы не признавать одну-единственную.

Она усмехнулась — горько, коротко.

— Это когда ты готова сгореть дотла, лишь бы он почувствовал тепло. Даже если он не заметит, что тебя больше нет.

Тишина стала другой. Не той тягучей, что после Хёнджуна. А колючей. Опасной. Сара перестала улыбаться. Ёсу замерла. Даже огонь, казалось, притих.

— И знаете, что самое страшное? — Карина перевела взгляд на огонь. — Я не хочу другой любви. Не умею по-другому. Мне предлагали спокойную, тёплую, правильную. А мне казалось, что я задыхаюсь. Потому что без этой боли, без этого страха, без этого «а вдруг» — это не любовь. Это просто... договор. Наверное, я сломана, — добавила она тихо, почти шёпотом. — И это моя любовь к себе. Не та, про которую пишут в книгах. Не «прими себя и будь счастлива». А вот эта: когда ты знаешь все свои трещины, все осколки, все места, где тебя когда-то разбили, — и не пытаешься их склеить. Ты просто... носишь их с собой. Потому что это твоя история. И ты не хочешь быть целой, если для этого придётся забыть, кем ты стала по пути.

Она подняла глаза. В них уже не было горечи. Только ровная, спокойная правда.

— Может, это и есть любовь к себе. Не лечить. Не замазывать. А смотреть на свои шрамы и говорить: «Да. Это я. И я не буду извиняться за то, как я выжила». Наверное, это и есть моя любовь.

Она замолчала. И в этой тишине каждый услышал что-то своё. Все молчали. Только огонь трещал, да где-то вдаль стрекотал кузнечик свою бесконечную песню.

— Я пойду прогуляюсь, — сказала Карина и встала, отряхнув джинсы от сухой травы.

— Осторожно, там волки, — шутливо крикнул Усок ей вслед.

— Усок, это уже не смешно! — не оборачиваясь, крикнула девушка, но в голосе её не было злости, только усталая усмешка.

Она пошла прочь от костра, от света, от голосов. С каждым шагом тень забирала её, пока она не растворилась в темноте. Лес встретил её тишиной. Не той, что пугает, а той, что обнимает. Воздух был холодным и острым, как лезвие. Он проникал под серую толстовку, заползал под ткань, оставляя мурашки на коже. Карина обхватила себя руками, но это не помогало, холод уже пробрался внутрь, смешался с тем, что она только что сказала у костра. Она шла по тропинке, не разбирая дороги. Ноги сами несли её туда, где деревья расступались, открывая небо. Луна висела низко, огромная, серебряная, почти неприлично яркая. Она заливала всё вокруг холодным, призрачным светом: сосны, тропу, её собственные руки, которые она всё ещё сжимала на плечах. Ветки над головой сплетались в кружево, сквозь которое пробивались

звёзды, мелкие, дрожащие, будто им тоже было холодно. Где-то в глубине леса ухнула сова. Размеренно. Спокойно. Будто говорила: «Ты здесь не одна».

Карина остановилась на небольшой поляне. Трава под ногами была влажной от росы. Воздух пах хвоей, прелой листвой и чем-то ещё неуловимым, чистым, как первая минута после дождя. Она подняла голову к небу и выдохнула. Пар вырвался изо рта и растворился в морозном воздухе. Ей было холодно. Толстовка не спасала джинсы промокли от росы, пальцы онемели. Но она не хотела возвращаться. Не сейчас. Здесь, в этой тишине, среди деревьев, под этой огромной луной, её слова всё ещё звучали в голове. Она сказала их вслух. Впервые. И никто не убежал. Никто не сказал, что она сумасшедшая. Девушка закрыла глаза и просто стояла — холодная, сломанная, но не извиняющаяся.

Где-то позади послышался хруст, резкий, сухой, как выстрел в тишине. Карина инстинктивно открыла глаза. Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле.

— Кто здесь?

Тишина. Густая, вязкая, как смола. Лес замер вместе с ней. Даже луна, казалось, спряталась за облако на секунду. Карина медленно обернулась. Сделала шаг. Ещё один. Ветки хрустели под её ногами слишком громко, разрывая ночную тишину. Она всматривалась в темноту между деревьями, но видела только тени длинные, чёрные, тянущиеся к ней. Ещё шаг. Где-то слева снова хрустнуло. Ближе. Она замерла. Воздух застрял в лёгких. И тут из-за спины тихо, почти над ухом:

— Я тебя напугал?

Карина подпрыгнула на месте. Сердце рухнуло в пятки, а потом взлетело обратно с такой силой, что зашумело в ушах. Она развернулась резко, готовая ударить, закричать, убежать. И увидела Юнгёка. Он стоял в двух шагах от неё, руки в карманах, голова чуть наклонена. На лице ни улыбки, ни извинения. Просто спокойное, ровное выражение, будто он вышел подышать воздухом, а не подкрадывался к ней в тёмном лесу.

— Чёрт, Юнгёк! — выдохнула она, прижимая руку к груди, где сердце всё ещё пыталось вырваться наружу. — Чёрт тебя возьми!

Он моргнул. Медленно. Как сова.

— Я не хотел тебя пугать, — сказал он так, будто это было очевидно. — Я просто шёл за тобой.

Карина стояла, пытаясь отдышаться, и смотрела на него на этого странного, тихого мальчика, который не сказал ни слова у костра, а теперь стоял здесь, в темноте, и смотрел на неё с пугающим спокойствием.

— Зачем? — спросила она.

Юнгёк пожал плечами. Медленно. Без спешки.

— Ты сказала, что любовь — это пропасть. Я хотел спросить... а ты уже прыгнула? Или только стоишь на краю?

Карина стояла, всё ещё пытаясь успокоить дыхание. Луна светила ей прямо в лицо, делая кожу бледной, почти прозрачной, а глаза — тёмными и глубокими, как лес за её спиной. Юнгёк смотрел на неё. Без улыбки. Без напряжения. Просто смотрел, будто читал книгу, которую никто больше не видит.

— А если я собираюсь прыгать? — сказала Карина.

Голос её был тихим, но в ночной тишине он прозвучал отчётливо, как удар колокола в пустой церкви. Юнгёк не ответил сразу. Он опустил глаза на землю, будто искал там слова, которых у него никогда не было в избытке. А потом поднял их — и сделал шаг к ней.

— Тогда я поймаю тебя, — сказал он.

Карина не пошевелилась. Она смотрела на него, как смотрят на приближающуюся волну, замороженно, не в силах отвести взгляд, хотя внутри всё сжимается от понимания: сейчас накроет.

— Ты не можешь обещать этого, — выдохнула она, и голос её дрогнул, рассыпался на тысячи мелких осколков, которые она так старательно собирала весь вечер. — Ты не знаешь, какой у меня вес. Не физический. А тот, который внутри. Тот, от которого люди устают и уходят. Ты не знаешь, сколько раз я уже падала.

— Ты сказала у костра, что носишь свои осколки с собой. Что не хочешь быть целой, если для этого придётся забыть, кем ты стала. Я понял это. Потому что я тоже ношу. Только я не говорю об этом вслух.

Он помолчал. Смотрел на неё, но взгляд его был мягким. Не давящим. Не требующим. Просто тёплым, как свет от костра, который они оставили позади.

— Я не умею говорить красиво. И я не умею обещать то, чего не смогу сделать. Но если ты прыгнешь — я буду стоять внизу. Не потому, что я герой. А потому, что я уже видел, как ты падаешь. И не хочу смотреть на это второй раз.

Карина смотрела на него. Смотрела и чувствовала, как внутри неё что-то трескается. Не больно. А так, как трескается лёд на реке весной чтобы уступить место воде.

— Ты странный, Юнгёк, — сказала она, и в голосе её дрогнула улыбка.

— Знаю, — ответил он. — Но ты тоже.

Она засмеялась — тихо, коротко, по-настоящему. Где-то вдали снова ухнула сова. Луна вышла из-за облака и залила поляну серебром. Она сделала шаг назад. И почувствовала спиной преграду. Шершавая кора упёрлась в лопатки старое, широкое дерево выросло прямо у неё за спиной, раскинув ветви, как руки, готовые обнять или запереть.

Карина замерла.

Она была в ловушке. Спереди — Юнгёк. Сзади — дерево. Под ногами — мокрая трава. Над головой — луна, которая видела всё и не собиралась отводить взгляд.

— Ты снова отступаешь, — тихо сказал Юнгёк. Не осуждающе. Констатируя, как факт.

Он начал двигаться к ней. Медленно. Шаг за шагом. Как в замедленной съёмке. Его кроссовки мягко ступали по влажной траве, но каждый шаг отдавался у неё в груди глухим ударом.

Первый шаг.

— Ты сказала, что любовь — это пропасть.

Второй.

— Что ты стоишь на краю.

Третий.

— Что ты готова прыгнуть.

Он остановился прямо перед ней. Вплотную. Теперь между ними не было даже лунного света только его дыхание и её сбившееся сердце. Он поднял руку и упёрся ладонью в кору дерева рядом с её головой. Не касаясь её. Но перекрывая последний путь к отступлению.

— А теперь ты упираешься спиной в дерево и думаешь, что это ловушка.

Он чуть наклонил голову, всматриваясь в её лицо.

— А что, если это не ловушка? Что, если это то место, где тебе не нужно больше убегать?

Карина смотрела на него снизу вверх. Сердце колотилось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Она чувствовала его запах — хвоя, дым и что-то ещё, чистый, как утренний воздух.

— Ты меня запер, — выдохнула она.

— Нет, — ответил он тихо. — Я просто показал тебе, что есть стена, к которой можно прислониться, когда устанешь убегать.

Она смотрела на него и чувствовала, как воздух между ними становится плотным. Тягучим. Почти осязаемым. Юнгёк не отводил взгляда. Он смотрел на неё так, будто видел не только её лицо, а что-то глубже то, что она сама прятала от себя. И в этом взгляде не было вопроса. Было только ожидание. Он начал медленно наклоняться. Карина почувствовала, как её собственное дыхание сбивается, перестаёт подчиняться. Его лицо приближалось медленно, как во сне, где время течёт иначе. Она видела каждую деталь: тень от его ресниц, блик луны в его зрачках, лёгкое движение губ, которые уже почти...

Её сердце пропустило удар. А потом — вспышка.

Школа. Крыша. Солнце, бьющее в глаза. Тёплые губы Сокджуна на её губах. Его руки на её талии.

Нет.

О боже, нет.

Это неправильно.

Всё это неправильно.

— ЮНГЁЁЁК!!! — донёлся издали голос Усока, разрывающий ночную тишину.

Юнгёк замер. Не дёрнулся. Не отскочил. Не развёл руки в стороны, как пойманный мальчишка. Он просто замер. Медленно, очень медленно, он выпрямился. Его лицо не выражало ни паники, ни смущения, ни сожаления. Ничего. Будто он не услышал крика. Он убрал ладонь с коры дерева. Спокойно. Без лишней спешки. Опустил руку в карман куртки. И повернул голову в сторону голоса.

— Мы тут, — сказал он ровно, без тени смущения. — Карина со мной. Сейчас придём.

Он постоял ещё секунду. Посмотрел на неё долгим, тёмным взглядом, который невозможно было прочитать. А потом развернулся и пошёл к костру бесшумно, плавно, как тень. Как ни в чём не бывало. Будто только что не стоял в миллиметре от её губ. Будто ничего не случилось.

Карина осталась у дерева. Она не могла пошевелиться. Внутри неё всё смешалось в один огромный, липкий ком. Разочарование — горячее, горькое, обжигающее горло. И следом за ним — облегчение. Холодное, как этот ночной воздух. Оно пришло и осело где-то в груди, тяжёлое и неловкое. И стыд. Тягучий, липкий стыд, который поднимался откуда-то изнутри. Но самое странное было не это. Самое странное было то, что он не извинился. Не сказал «прости». Не сделал вид, что это была случайность. Он просто остановился, когда его позвали, и ушёл. Как будто для него это было логичным завершением момента. Как будто он решил: «Не сейчас».

Она провела ладонью по лицу, выдохнула дрожаще, неровно. Прислонилась затылком к коре и закрыла глаза.

— Чёрт, — прошептала она в пустоту. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Луна всё так же висела над ней. Холодная. Равнодушная. Сова молчала. Где-то впереди мелькнул свет костра. Она оттолкнулась от дерева и медленно, будто нехотя, пошла на свет.

Карина вышла из темноты в круг света, и пламя костра ударило по глазам, заставив её сощуриться. Она моргнула пару раз, привыкая, и только тогда увидела их всех — сидящих вокруг огня, повернувших головы в её сторону. Ёсу сидела ближе всех. Она взгляделась в лицо Карины и нахмурилась.

— Карина, с тобой всё в порядке? Выглядишь так, будто привидение увидела. Такая бледная.

Карина замерла на мгновение. Она чувствовала на себе взгляды — Ёсу, Сары, Усока, Юны, Хёнджуна, Джихана. И краем глаза — Сокджуна, который сидел чуть в стороне и смотрел на неё, не отрываясь. А потом она увидела Юнгёка. Он уже сидел на своём месте, поджав одну ногу под себя, и смотрел в огонь. Он не повернул головы, когда она вошла. Не поднял глаз. Он просто сидел и смотрел на пламя. Карина перевела дыхание и выдавила улыбку бледную, натянутую, как струна.

— Да нормально. Просто замёрзла, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Там холодно. Очень холодно.

Она опустилась на своё место, рядом с Юной, и протянула руки к огню. Ладони дрожали но не от холода, а от того, что она никак не могла забыть, как он смотрел на неё у дерева.

— Налейте ей чаю, — сказал Усок, протягивая кружку. — А то она сейчас превратится в сосульку и рассыплется.

Ёсу хихикнула, взяла кружку, налила горячий чай и сунула в руки Карине.

— Держи. Пей.

Карина сжала тёплую кружку ладонями, чувствуя, как жар постепенно возвращается в замёрзшие пальцы. Она подняла голову и увидела Сокджуна. Он смотрел на неё. Долго. Пристально. Карина отвела взгляд и вдруг ей показалось, что стало темнее. Она подняла голову — и замерла. Ещё минуту назад небо над поляной было чистым. Луна висела низко огромная, серебряная, почти наглая в своей яркости. Звёзды усыпали небо, как рассыпанная соль, мелкие, частые, холодные. А теперь их не было. Одна за другой они гасли, будто кто-то задувал их сверху, медленно и методично. Луна тоже начала тускнеть — не сразу, а постепенно, как будто её накрывали тонкой пеленой. Край неба, тот, что за лесом, наливался чернотой. Не тёмно-синей, не фиолетовой. А именно чёрной густой, плотной, как чернила, которые растекаются по бумаге, впитываясь в каждую клетку. Карина смотрела, как эта чернота поднимается всё выше, заглатывая звёзды одну за другой, и чувствовала, как воздух становится тяжёлым. Вязким. Его было трудно вдыхать будто кто-то сжал лёгкие изнутри. Кузнечики молчали. Лягушки, которые весь вечер перекликались где-то у реки, тоже замолчали — оборвали свою песню на полуслова. Лес затаил дыхание.

— Эй, — сказал Хёнджун, поворачивая голову. — Вы слышите?

— Ничего не слышу, — ответила Юна.

— Вот именно.

И в этот момент ветер дотронулся до лица Карины. Сначала — легко. Почти невесомо. Просто движение воздуха, которое можно было принять за чужое дыхание. Прядь волос шевельнулась у щеки, и Карина машинально убрала её за ухо. Ветер дунул снова. Сильнее. Он пришёл оттуда, где небо было чёрным, из глубины леса, из темноты, которая росла и наступала. Он пах влажной землёй, пылью и чем-то ещё электричеством, озоном, той самой свежестью,

которая бывает перед грозой. Ветер набирал темп. Он не просто усиливался он рос, набухал, как волна перед тем, как разбиться о берег. Сначала он зашевелил листву на нижних ветках. Потом качнул верхушки сосен. Потом загудел в кронах — низко, протяжно, как струна. Трава прилегла к земле. Пламя в костре заметалось, забилося, пригибаясь к налетающим порывам. Искры взметнулись вверх, закружились и понеслись в сторону леса, как светлячки, сорвавшиеся с цепи.

— Ого, — сказала Карина, поднимая голову. В её голосе появилась настороженность. — Кажется, начинается гроза.

Она ещё не успела договорить, как в небе что-то вспыхнул. Молния расколола черноту — белая, ветвистая, как корень огромного дерева, перевёрнутый корнями вверх. Она осветила всё вокруг: каждое лицо, застывшее в напряжении, каждую сосну на краю поляны, каждую каплю пота на лбу. И через секунду гром ударил так, что земля дрогнула. А потом с неба рухнула вода. Это была стена плотная, тяжёлая, которая обрушилась на них, как удар. Карина не успела даже вдохнуть вода залила лицо, нос, глаза, хлестнула по губам.

Они сорвались с мест все разом. Кто-то побежал влево, кто-то вправо, но все к одному: к жёлтому прямоугольнику света, который горел в темноте на краю поляны. Карина бежала, чувствуя, как ноги скользят по мокрой траве, как вода заливает кроссовки, как ветер рвёт волосы, бросая их в лицо. Рядом кто-то смеялся — кажется, Сара, запрокинув голову, ловя дождь открытым ртом. Где-то позади матерился Джихан. Юна бежала впереди, прикрывая голову руками, хотя это было бесполезно. Дверь распахнулась перед ними кто-то уже успел добежать первым и распахнул её настежь. Они ввалились внутрь все разом, толкаясь, цепляясь друг за друга, мокрые, запыхавшиеся, хохоча и отплёвываясь.

Дверь захлопнулась, отрезая вой ветра и шум ливня. В доме стало тихо, только тяжелое дыхание, вода, капающая на деревянный пол, и где-то в глубине дома мерное тиканье настенных часов. Карина стояла, прислонившись спиной к стене, чувствуя, как вода стекает с волос на лицо, по шее, за воротник.

Карина сделала шаг от стены, собираясь снять толстовку, и в этот момент за окном полыхнуло снова. Вспышка белая, ослепительная, она на миг сделала все предметы в комнате чёрно-белыми, лишёнными теней. А через долю секунды гром ударил так, что стёкла жалобно задрезжали, а половицы дрогнули под ногами. И в ту же секунду лампочка под потолком погасла, вместе с последним раскатом грома, будто звук вырвал свет из дома, как вырывают страницу из книги. Тьма упала мгновенно. Густая. Абсолютная. Живая.

Карина перестала видеть собственные руки. Перестала видеть что-либо вообще. Только чёрная пустота перед глазами, только тишина, в которой слышно было, как стучит её собственное сердце.

— Охренеть, — выдохнул кто-то в темноте. Голос звучал приглушённо, будто шёл из-под воды.

— Спокойно, — раздался голос Усока, уже твёрже. — Я знаю, где свечи. Ящик у камина. Никому не двигаться, я найду.

Тьма упала мгновенно. Густая. Абсолютная. Живая. Карина замерла на месте. Она стояла посреди комнаты, боялась сделать шаг. Боялась протянуть руку. Боялась, что наткнётся на угол стола, на спинку стула, на чужое плечо. Она стояла, не дыша, вслушиваясь в темноту, где-то слева возился Усок, чертыхаясь сквозь зубы.

И в этот момент она поняла, что она не одна, воздух стал другим плотнее, теплее, будто кто-то вошёл в её пространство, за её спиной кто-то есть. Тепло. Чужое тепло, которое вдруг оказалось совсем рядом — в миллиметре от её спины, от её шеи, от её затылка.

Она замерла. Дыхание коснулось её шеи, горячее, неровное, обжигающее влажную кожу. Карина хотела отшатнуться, но тело не слушалось. А потом руки легли на её плечи. Медленно. Осторожно. Как будто он боялся спугнуть. Ладони скользнули вниз, по плечам, по рукам, по мокрой ткани толстовки. Медленно. Невесомо. Карина чувствовала каждое прикосновение через мокрую ткань, через холод, через дрожь, которая билась её тело. Руки скользнули ниже, и остановились на её запястьях. Пальцы переплелись с её пальцами. Медленно. Аккуратно. Так, будто он вплетал нитку в иголку.

Карина дёрнулась. Сделала шаг вперёд в темноту, в пустоту, прочь от него. Но он не отпустил. Его пальцы сжались крепче, и он шагнул следом прижался к её спине, к её плечам, к её мокрым волосам.

Дыхание обожгло её шею. Горячее. Глубокое. Оно прошлось по влажной коже, по каплям воды, которые стекали за воротник, по ложбинке между ключицами. И в ту секунду, когда она почувствовала это дыхание на своей шее, она почувствовала и его губы.

Мягкие. Горячие. Чужие. Поцелуй в шею, короткий, почти невесомый, от которого у неё подкосились колени, а сердце пропустило удар и понеслось вскачь.

— Кто ты? — шепнула она в темноту. Голос дрожал. — Кто ты, чёрт возьми?

Он не ответил. Сильные руки развернули её резко, но не грубо. Она не успела ничего понять. Просто в один миг она уже стояла лицом к нему, чувствуя его дыхание на своих губах, а в следующую секунду его губы накрыли её. Поцелуй был глубоким. Требовательным. Чужим. Она не знала этих губ. Не знала этого вкуса. Не знала этого дыхания. Но губы эти запомнились влажные, горячие, с привкусом мяты и чего-то едва уловимого, сладкого на самом кончике языка. Этот вкус не сочетался с его напором контрастный, почти нежный на фоне жёстких пальцев, сжимающих её плечи. Карина поймала себя на том, что этот вкус отпечатывается где-то глубоко в памяти, как зарубка на дереве: если она когда-нибудь почувствует его снова — узнает сразу. Она чувствовала, как всё тело горит, как пальцы сжимают её плечи, как он притягивает её ближе, как стирает границу между «можно» и «нельзя».

А потом — всё исчезло. Он просто исчез. Руки отпустили. Губы ушли. Тепло, которое обжигало её кожу, растворилось в темноте, как будто его и не было. Карина стояла одна в чёрной пустоте. Мокрая. Дрожащая. С гулко бьющимся сердцем. Губы горели. Шея горела. Пальцы всё ещё помнили его прикосновение.

И где-то в темноте чиркнула спичка.

— Нашёл, — сказал Усок.

Свеча зажглась. Тёплый свет поплыл по комнате, выхватывая из темноты лица. Карина стояла посреди комнаты, тяжело дыша, глядя перед собой остановившимся взглядом. Никто не стоял рядом с ней. Никто не смотрел в её сторону. Никто не подходил к ней. Никто не касался её. Вот только губы всё ещё горели, и на шее, там, где его дыхание обожгло кожу, остался след невидимый, но пульсирующий, горячий, живой.

Карина слотнула. Пальцы дрожали. Она не знала, кто это был. Но она знала, что это было реально.

Усок зажжёт вторую свечу, рядом с ним уже горела одна свеча тонкая, восковая, оплавленная с одного бока. Он протянул третью Саре.

— Зажигайте всё, что найдёте.

Через минуту по комнате поплыли первые огоньки сначала один, потом два, потом целая россыпь маленьких пламен. Тьма отступила в углы, затаилась за шторами, за шкафами, но не исчезла — она ждала, готовая вернуться, как только свечи догорят.

Усок чиркнул спичкой, поднося её к растопке в камине. Сухие дрова схватились сразу весёлое, жадное пламя лизнуло бересту, затрещало, загудело, выбрасывая в воздух тёплый свет и запах дыма.

Они разбрелись по комнатам — переодеваться, выжимать волосы, приходиться в себя.

Карина стояла перед зеркалом в ванной, глядя на своё отражение. Мокрые волосы прилипли к вискам, глаза всё ещё испуганные, губы чуть припухшие. Она провела пальцем по шее, там, где ещё минуту назад горело чужое дыхание. Ничего. Только кожа. Только холодок от мокрых волос. Она выдохнула и переделалась в сухое.

Когда она вернулась в гостиную, комната уже преобразилась. В камине весело трещал огонь, выбрасывая тёплые оранжевые блики на стены и потолок. Свечи горели на подоконнике, на буфете, на полу десяток маленьких огоньков, которые разогнали тьму по углам, но не прогнали её совсем. Пахло дымом, старой древесиной и мокрой тканью.

Все постепенно стягивались к камину. Волосы у всех были влажными у кого-то собраны в небрежный пучок, у кого-то рассыпаны по плечам, у кого-то зачёсаны назад, открывая лицо.

Карина опустилась на пуф, поджав ноги, и закуталась в серый шерстяной плед. Она чувствовала себя странно как будто всё ещё не до конца здесь. Как будто часть её осталась в той темноте, в том поцелуе, которого будто бы и не было.

Сокджун сидел напротив, через круг. Он был в чёрной футболке с длинным рукавом, волосы всё ещё влажные, уложены назад. Он смотрел на огонь пристально, не мигая, как будто видел в нём что-то, чего не видели другие.

Юнгёк сидел справа от неё, чуть поодаль. Он успел переодеться в белую рубашку с закатанными до локтей рукавами. Мокрые волосы падали на глаза, и время от времени он откидывал их назад резко, раздражённо.

Сара развалилась в кресле, подобрав под себя ноги. На ней был огромный свитер явно не её, скорее всего, Усока, и она выглядела в нём уютно и расслабленно, как кошка, которая нашла тёплое место.

Ёсу сидела на полу, опершись спиной о ножку дивана, и грела руки о кружку с чаем. Усок всё ещё возился у камина подкладывал дрова, поправлял угли, хотя огонь и так горел ровно и жарко.

Хёнджун сидел в кресле напротив Сары, скрестив руки на груди, и смотрел на огонь с лёгкой задумчивостью. Джихан занял место у края круга сидел на полу, вытянув ноги, и вертел в руках зажигалку, крутил её между пальцами, ловил и снова крутил, явно скучая.

Юна свернулась калачиком в кресле в углу, укутавшись в плед с головой, и, кажется, начинала дремать. Было тихо. Только дождь барабанил по крыше, ветер завывал в трубе и огонь потрескивал, разгоняя тишину.

— Ну и денёк, — сказал Усок, наконец отрываясь от камина и садясь на пол. Он потянулся, хрустнув плечами. — Сначала этот разговор у костра. Потом гроза. Теперь сидим тут как в осаде.

— Атмосферно, — повторила Сара свою любимую фразу и усмехнулась. — Я бы сказала, идеально для чего-нибудь интересного.

— Скучно, — вдруг сказал Джихан, разрывая тишину.

Все повернулись к нему. Он сидел, откинувшись на локти, и крутил зажигалку, щелчок, щелчок, щелчок. Монотонный звук, который резал тишину острее, чем слова.

— Сидим, молчим. Гроза. Атмосфера, конечно, но что толку, если мы сидим как в библиотеке. Могли бы уже и повеселиться.

— А что ты предлагаешь? — спросил Усок, поднимая бровь.

Джихан пожал плечами. Посмотрел на Сару. Потом на бутылку, которая стояла на буфете пустая, тёмно-зелёная, поблёскивающая в свете свечей.

— Да хоть в бутылочку, — сказал он с лёгкой, кривой усмешкой.

Сара подняла голову. В её глазах мелькнул тот самый огонёк — хищный, предвкушающий.

— В бутылочку? — переспросила она, медленно растягивая слова. — Серьёзно?

— А почему нет? — Джихан пожал плечами. — Классика. Только без детских вопросов.

Сара улыбнулась. Медленно. Сладко. Как кошка, которая только что заметила мышку.

— Согласна, — сказала она. — Но тогда с условием.

Она обвела взглядом круг. Задержалась на каждом лице.

— Вопросы и желания 18+, — сказала она и подмигнула. — Ну что, слабо?

Ёсу фыркнула, прикрыв рот ладонью.

— Сара, ты невозможна.

— Я знаю, — ответила она без тени смущения. — Но вам же скучно. А я предлагаю вечер, который вы не забудете.

Хёнджун хмыкнул, но ничего не сказал. Усок улыбнулся — криво, но согласно. Юна открыла один глаз из своего пледа.

— Я пас, — сказала она сонно. — Я буду зрителем.

— Ну уж нет, — отрезала Сара. — Если играем то играют все. Правила есть правила. Даже зрители.

Она встала, подошла к буфету, взяла пустую бутылку и вернулась в круг. Поставила её в центр на пол, на деревянные половицы. Тёмно-зелёное стекло тускло блеснуло в свете огня. Сара села на своё место и посмотрела на Джихана.

— Ты предложил, ты и начинаешь.

Джихан усмехнулся, сел прямо, положил ладонь на горлышко бутылки и обвёл взглядом круг.

— Правила простые, — сказал он. — Крутим. На кого указывает горлышко — тот выполняет желание или отвечает на вопросы того, кто крутил. Желания любые.

Он сделал паузу. Улыбнулся — медленно, с вызовом.

— Без ограничений.

Сара хлопнула в ладоши.

— О, я уже люблю эту игру.

— Только без грязи, — тихо сказала Юна из своего кресла. — Я предупреждаю.

— Не ссы, — отмахнулся Джихан. — Всё будет культурно. Почти.

Он крутанул бутылку. Тёмно-зелёное стекло закрутилось на деревянном полу, со скрипом описывая неровные круги. Все затаили дыхание. Тени от камина плясали на стенах, и на миг Карине показалось, что бутылка крутится слишком долго бесконечно долго, как будто время застыло.

Бутылка замедлилась, качнулась в последний раз и остановилась. Горлышко указывало на Сару. Сара расплылась в улыбке.

— О, — сказала она, откинувшись в кресле. — Ну здравствуй, судьба.

Джихан посмотрел на неё. В глазах его заплясали огоньки.

— Сара, — начал он медленно, — вопрос или действие?

Сара прищурилась, как кошка, которая решает, стоит ли выпускать когти. Она провела пальцем по краю своей кружки, задумчиво глядя на Джихана. В комнате стало тихо — только огонь трещал, бросая тени на лица, да дождь барабанил по крыше.

— Действие, — сказала она наконец. — Вопросы — это слишком легко. Я хочу, чтобы ты постарался.

Джихан усмехнулся, явно ожидая этого ответа. Он откинулся назад и на секунду задумался.

— Хорошо. Тогда слушай. Ты должна прошептать на ухо тому, кто сидит слева от тебя, самое постыдное, что с тобой случилось. То, о чём ты даже своим подругам не рассказывала. Так, чтобы никто больше не услышал.

Сара подняла бровь. Медленно повернула голову налево. Слева от неё сидел Хёнджун. Он смотрел на неё с лёгкой насмешкой, но в глазах мелькнуло любопытство. Он ждал, чуть склонив голову набок.

— Ну, — сказал он, — я весь во внимании.

Сара улыбнулась, той самой улыбкой, которая могла означать всё что угодно. Она подавалась вперёд, приблизилась к уху Хёнджуна и замерла на мгновение. В комнате стало тихо. Даже дождь, казалось, стих на секунду. Сара прошептала что-то коротко, едва слышно. Её губы шевельнулись, и только Хёнджун мог слышать, что именно она сказала.

Хёнджун замер. На его лице мелькнуло удивление быстрое, почти незаметное. А потом он дёрнул головой, сдерживая смех, и посмотрел на неё с новым уважением.

— Ну ты даёшь, — сказал он, качая головой. — Я теперь буду смотреть на тебя иначе.

— Это и было целью, — ответила Сара с довольным видом, откидываясь обратно в кресло. — Ладно, чья очередь?

— Моя, — сказал Хёнджун, беря бутылку.

Он крутанул её резко, уверенно. Бутылка закрутилась волчком и остановилась, указывая на Ёсу. Ёсу подняла руки в шутливом жесте сдачи.

— Сдаюсь. Давай вопрос.

— Вопрос, — сказал Хёнджун. Он посмотрел на неё внимательно. — Ёсу, скажи честно: ты когда-нибудь целовалась? И если да — то как это было?

Ёсу на мгновение задумалась, обводя пальцем край кружки.

— Было, — сказала она наконец. — Один раз. В прошлом году. Мы были на экскурсии, и он позвал меня за угол школы. Я думала, что сейчас случится что-то важное, а он просто чмокнул меня в губы и убежал. Я стояла и не понимала, это было или не было.

— О как... — задумался Хёнджун.

— А ты хотела, чтобы было иначе? — спросила Сара.

— Я хотела, чтобы это был кто-то другой, — честно ответила Ёсу и тут же смутилась, спрятав лицо в кружку.

Все засмеялись — но не зло, а тепло, понимающе.

— Ну, ты ещё нацелуешься, — сказал Усок. — Всё впереди.

Ёсу покраснела, и улыбнулась.

— Ладно, моя очередь.

Она взяла бутылку, покрутила её в руках и с загадочным видом крутанула. Бутылка закрутилась, описывая широкие круги, и остановилась, указывая ровно между Кариной и Юнгёком. Все замерли. Горлышко стояло точно посередине.

— Ой, — сказала Сара, подаваясь вперёд. — А вот это интересно. Кто же это?

— Пусть Ёсу выбирает, — предложил Джихан.

Ёсу перевела взгляд с Карины на Юнгёка. Хитро прищурилась.

— Карина, — сказала Ёсу. — Давай ты.

Карина почувствовала, как сердце пропустило удар. Она сидела на своём пуфе, закутавшись в плед, и вдруг поняла, что все смотрят на неё. Сара — с любопытством, Джихан — с усмешкой, Хёнджун — с лёгкой насмешкой, Ёсу — с хитрым прищуром. Усок подкинул полено в камин, но тоже повернул голову, ожидая. Сокджун смотрел на неё — спокойно, не отрываясь. Юнгёк сидел справа, и она чувствовала его взгляд боковым зрением — тяжёлый, тёплый, вопросительный.

— Вопрос или действие? — спросила Ёсу, растягивая слова, как жвачку.

Карина сглотнула. Она чувствовала, как под пледом пальцы сжимаются в кулаки. Губы всё ещё помнили тот поцелуй в темноте, и от этого внутри всё переворачивалось. Она не знала, кто это был. Она не знала, смотрит ли он сейчас на неё. Или, может быть, это он сидит напротив и ждёт, что она сделает.

— Действие, — сказала Карина, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Ёсу улыбнулась — медленно, довольно.

— Хорошо. Тогда подойди к Сокджуну и сядь к нему на колени. На десять секунд.

В комнате повисла тишина. Карина почувствовала, как кровь прилила к щекам. Она не смотрела на Сокджуна — она боялась поднять глаза. Она чувствовала, как все взгляды скрестились на ней, как воздух стал гуще, как сердце забилося где-то в горле.

— Ого, — сказал Джихан с одобрительным свистом. — Ёсу, ты жестока.

— Я справедлива, — поправила его Ёсу.

Карина поднялась. Ноги были ватными. Она сделала шаг вперёд, обходя круг, чувствуя, как плед сползает с плеч. Ещё шаг. Ещё. Сокджун смотрел на неё снизу вверх. Он не улыбался. Не насмехался. Он просто сидел, чуть откинувшись назад, опершись на руки, и ждал. Спокойный. Неподвижный. Как статуя. Карина остановилась перед ним. Секунду она стояла, не зная, что делать. А потом медленно опустилась на его колени, чувствуя, как его бёдра напряглись под её весом. Она села боком, не зная, куда деть руки, и замерла.

Тишина длилась вечность. Она чувствовала его дыхание у своего затылка. Чувствовала тепло его тела сквозь ткань. Чувствовала, как его руки неподвижно лежат по бокам, он не прикасался к ней, не обнимал, просто позволял ей сидеть.

Восемь. Девять. Десять.

Карина вскочила, как ошпаренная.

— Чёрт, — выдохнула она и, не глядя ни на кого, нырнула обратно на свой пуф, закутавшись в плед с головой.

Кто-то засмеялся — кажется, Сара. Ёсу довольно хмыкнул. Сокджун не сказал ничего. Он просто поправил рукав своей чёрной футболки медленно, спокойно и снова уставился в огонь. Но Карина, кутаясь в плед, всё ещё чувствовала на своей спине чей-то взгляд.

Тяжёлый. Чёрный. Неотрывный.

Только она не знала — чей.

Карина сидела, уткнувшись лицом в плед, чувствуя, как щёки горят огнём. Сердце кололо где-то в ушах, заглушая треск камина и чей-то смех. Она слышала, как Сара хохочет в голос, как Джихан отпускает одобрительный свист, как Ёсу довольно тянет:

— Я же говорила, что будет весело.

— Карина, ты как? — донёсся до неё голос Усока. — Живая?

Она вынырнула из пледа ровно настолько, чтобы буркнуть:

— Отвали.

Все снова засмеялись. Кто-то хлопнул в ладоши кажется, Джихан. Сара всё ещё смеялась, запрокинув голову, и Карина сквозь ресницы видела, как огонь пляшет в её глазах.

— Ладно, — сказала Сара, отсмеявшись, — моя очередь крутить. Я уже чувствую, что сегодняшний вечер войдёт в историю.

Она взяла бутылку, покрутила её в руках, словно примеряясь, и с хитрой улыбкой крутанула. Бутылка завертелась на деревянном полу, сверкая зелёным стеклом в свете огня.

Все затаили дыхание. Бутылка замедлилась, качнулась в последний раз и остановилась, указывая горлышком на Джихана.

Джихан расплылся в довольной улыбке.

— Ну наконец-то, — сказал он, потирая руки. — А то я уже начал думать, что меня игнорируют. Сара, дорогая, давай вопрос, чего хочешь узнать?

Сара прищурилась, обдумывая. Она явно наслаждалась моментом. Медленно обвела взглядом круг, останавливаясь на каждом лице, будто искала вдохновение, и наконец посмотрела на Джихана.

— Вопрос, — сказала она. — Я хочу услышать твой честный ответ.

Джихан поднял бровь. Сара подалась вперёд, и голос её стал тише, интимнее, будто она делилась секретом, который должны были услышать все.

— Джихан, скажи честно: ты когда-нибудь делал что-то, о чём твои родители никогда не узнают? И если да, то что именно?

Джихан усмехнулся. Откинулся назад, закинул ногу на ногу и сложил руки на груди.

— О, — сказал он, — это лёгкий вопрос.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями. Карина наконец рискнула высунуть голову из пледа целиком её щёки всё ещё горели, но любопытство взяло верх.

— В прошлом году, — начал Джихан, — я угнал машину отца. Ночью. Пока родители спали. Просто хотел покататься.

— И? — спросила Ёсу, подавшись вперёд.

— И ничего. Я проехал два квартала, врезался в мусорный бак, оставил царапину на бампере и вернул машину на место. На утро отец подумал, что это соседский кот оставил царапину, пока лазил под машиной. Я молчал как рыба.

Все засмеялись — громко, расслабленно. Усок качал головой, улыбаясь. Хёнджун фыркнул в кулак. Даже Сокджун, который до этого сидел неподвижно, чуть дёрнул уголком губ.

— Ты идиот, — сказала Сара, но в голосе её звучало восхищение.

— Я знаю, — ответил Джихан. — Но это было весело.

Он взял бутылку и покрутил её в руках, готовясь к следующему ходу. Карина выдохнула, чувствуя, как вечер потихоньку становится легче, теплее, уютнее. Джихан крутанул бутылку. Она завертелась быстро, со свистом рассекая воздух, и все провожали её взглядом кто с надеждой, кто с опаской, кто с любопытством. Бутылка замедлилась, качнулась в последний раз и остановилась горлышком ровно напротив кресла в углу.

Юна. Она сидела, закутавшись в плед с головой, и, кажется, вообще не следила за игрой. Когда все взгляды скрестились на ней, она на секунду замерла, а потом медленно опустила.

— Чего? — спросила она сонно.

— Ты попалась, — усмехнулся Джихан. — Вопрос или действие?

Юна посмотрела на него с лёгким прищуром, явно оценивая, насколько серьёзно он настроен. Потом вздохнула, откинула плед с головы и села ровнее.

— Действие. Чтобы быстро покончить с этим и вернуться к дремоте.

Джихан ухмыльнулся. Он явно ждал этого ответа.

— Хорошо. Тогда поцелуй кого-нибудь из присутствующих... В губы.

По кругу пронёсся лёгкий гул. Кто-то хихикнул — кажется, Сара. Ёсу удивлённо подняла бровь. Усок присвистнул. Хёнджун откинулся на спинку кресла с довольным видом, готовясь наблюдать.

Юна посмотрела на Джихана долгим, тяжёлым взглядом. Потом медленно обвела глазами комнату — скользнула по Усоку, по Хёнджуну, по Сокджуну, по Юнгёку, по Джихану, по Саре, по Ёсу.

И остановилась на Карине. Карина почувствовала, как сердце пропустило удар.

— О нет, — выдохнула она.

— О да, — ответила Юна и поднялась с кресла.

Она подошла к Карине медленно, как будто шла на эшафот. Остановилась перед ней, глядя сверху вниз. Карина вжалась в пуф, не зная, куда деть руки.

— Прости меня, Господи, — сказала Юна, глядя в потолок, — и ты тоже, Карина.

Она замерла на секунду перед самым касанием, будто давая Карине шанс отстраниться, а когда она не отстранилась прильнула к её губам мягко, но уверенно. Губы Юны были тёплыми и очень мягкими, совсем не так, как целовал её Сокджун на крыше тогда. Карина вдруг поймала себя на мысли, что сравнивает. Губы Сокджуна были твёрже, настойчивее, они брали, а не просили. А эти женские, были нежными, податливыми, они словно спрашивали разрешения, даже когда уже целовали.

И тут же в голову, как молния, ударила другая мысль: а тот, в темноте, — Незвестный. Тот, кто поцеловал её, когда погас свет.

Его поцелуй был другим. Чужим. Голодным. Требовательным. Он не просил, он брал, и брал так, будто это был его последний поцелуй в жизни. Губы с привкусом мяты и чего-то едва уловимого.

Он пах дождём и чем-то горьким, как мокрая кора, как дым, который въедается в одежду и не выветривается до утра. Его руки скользнули по её плечам сильно, до лёгкой боли, и эта боль почему-то отозвалась в ней не страхом, а чем-то тёплым и тягучим, что разлилось под рёбрами.

Она до сих пор не знала, кому принадлежали эти руки. Незвестный. Тёмный. Спрятавшийся. Она не знала его имени, но знала, что запомнит его прикосновение навсегда. И этот вкус, мята с вишней, смешанная с горечью дождя останется с ней, как зарубка на дереве: если она когда-нибудь почувствует его снова, она узнает сразу.

А сейчас, в этом поцелуе с Юной, не было ни намёка на ту тьму. Было только тепло. Только мягкость. Только лёгкое, почти несмелое движение губ, от которого у Карины почему-то защипало в носу.

Где-то на краю сознания она услышала, как Сара завывала: «ОООООООО!», как Джихан присвистнул, как Ёсу захлопала и смеялась, а Усок заголосил: «УУУУУУ, девчонки дают жару!». Но всё это звучало откуда-то издалека, будто из-за стекла.

Юна отстранилась первой. Медленно, не спеша, будто нехотя. Открыла глаза, посмотрела на Карину, чуть смущённой улыбкой.

— Ну, — сказала она, облизнув губы, — это лучше, чем сосаться с кем-то из вас. — посмотрела она в сторону парней.

Комната взорвалась хохотом. Юнгёк упал на спину, схватившись за живот. Сара визжала от восторга. Даже Хёнджун, обычно сдержанный, трясся от смеха, прикрыв рот кулаком.

А Карина сидела, чувствуя, как горят губы, как стучит сердце, и как в голове всё ещё звучит шёпот из темноты — дыхание, которого она не узнала, и прикосновение, которого она не забыла.

Смех постепенно затих, растворяясь в треске камина и шорохе дождя за окном. Кто-то ещё всхлипывал, вытирая слёзы. Джихан качал головой, всё ещё улыбаясь. Юна нырнула обратно в свой плед, довольно шурясь.

— Ну дела, — выдохнул Усок, промокая глаза.

Карина подняла голову. Посмотрела на бутылку, которая всё ещё лежала на полу, тёмно-зелёное стекло тускло поблёскивало в свете свечей. И вдруг, не сказав ни слова, протянула руку и взяла её.

Сара улыбнулась. За ней — Ёсу. Потом Усок.

— Моя очередь, — сказала Карина.

Голос прозвучал ровно. Твёрже, чем она себя чувствовала. Пальцы сомкнулись на горлышке бутылки прохладное, гладкое стекло. Она крутанула. Резко. Сильно. Бутылка закрутилась волчком, со свистом рассекая воздух, зелёное стекло мелькало в свете камина, кружилось, замедляясь с неохотой.

Карина смотрела на неё несколько секунд. А потом, прежде чем бутылка успела остановиться, прежде чем её горлышко указало хоть на кого-то, она протянула руку и взяла её. Просто взяла. Остановила вращение ладонью. Стекло глухо стукнуло о деревянный пол.

Все замерли. Юнгёк нахмурился. Юна приоткрыла рот, но ничего не сказала. Сокджун перестал дышать. Карина подняла бутылку. Медленно поставила её вертикально. Горлышком вверх. Как флаг. Как вызов. Как белый флаг, перевернутый в знак того, что она больше не отступает.

— Я хочу задать вопрос, — сказала она, поднимая голову и обводя взглядом круг. — Всем.

Она сделала паузу.

— Правду, пожалуйста.

Она перевела дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев, которые всё ещё сжимали горлышко бутылки. Но она не позволила себе отвести взгляд.

— Кто...

Свет ударил резко, без предупреждения. Без постепенности, просто вспышка, которая взорвала комнату изнутри, вырвав её из уютного полумрака свечей в беспощадную, яркую, слепящую реальность. Карина зажмурилась. Слово застряло в горле, рассыпалось на недосказанные звуки. Свет резанул по глазам, как лезвие, проник сквозь сомкнутые веки, заставил отшатнуться, инстинктивно поднять ладонь к лицу. На мгновение она ослепла, мир превратился в белое пятно, пульсирующее под веками.

Где-то рядом ахнули. Кто-то заморгал, закрываясь руками. Ёсу зажмурилась и отвернулась. Усок выругался сквозь зубы, прикрывая глаза локтем.

— Охренеть, — выдохнул Джихан, шурясь, как кот, которого вытащили из тёмной коробки. — Спасибо, энергетики. Вовремя, блин.

Голоса посыпались со всех сторон, разбивая тишину, которая ещё секунду назад была такой напряжённой, такой хрупкой.

— Ну наконец-то! — Юна потянулась, и её голос звучал облегчённо, почти празднично. — А то я уже думала, что мы так и будем сидеть как в средневековье. При свечах. В темноте. Романтика, конечно, но у меня телефон сел на половине зарядки, и я уже начала паниковать.

— Да ладно, без света было даже атмосфернее, — возразил Усок, всё ещё потирая глаза, но уже улыбаясь. — Ты просто не ценишь момент.

— Я ценю момент, когда могу видеть своё лицо в зеркало без риска напугаться до смерти, — парировала Юна.

— Сколько времени? — спросила Сара.

— Половина двенадцатого, — ответил Усок, глянув на телефон.

— Всего-то? — удивилась Ёсу. — А казалось, что уже глубокая ночь.

Джихан посмотрел на Ёсу. Долго. Потом перевёл взгляд на Карину, которая всё ещё сидела с бутылкой в руке, всё ещё не опустив её. Стекло тускло блестело в резком электрическом свете уже не таинственное, не загадочное, просто обычная пустая бутылка. Игра, которую она остановила.

Джихан хмыкнул.

— По моему, кто-то хотел задать вопрос, — сказал он медленно. — Но свет испортил момент.

Тишина вернулась. Не такая, как раньше, не тягучая, не липкая. А настороженная. Все перевели взгляды на Карину. Бутылка в её руках казалась теперь неуместно. Хёнджун подался вперёд, локтями на колени. Его голос прозвучал спокойно, ровно, как глоток воды в душевой комнате:

— Так что ты хотела спросить, Карина?

Он сделал паузу. Посмотрел на неё прямо.

— Давай. Валяй.

Дождь барабанил по крыше, уже тише, будто успокаиваясь. Карина сглотнула. Бутылка в руках казалась тяжелее, чем должна была быть. Свет ударил в глаза, ослепил, сбил её порыв, и теперь когда все смотрели на неё, когда тайна, которую она хотела раскрыть, висела в воздухе, готовая сорваться с губ, она чувствовала, как внутри всё дрожит. Шум, голоса, смех, включённый свет всё это сбilo её, выдернуло из того состояния, когда она была готова шагнуть в пропасть. Но она всё ещё держала бутылку. И все ждали.

— Нет, ничего, — сказала Карина. Голос прозвучал ровно, даже с лёгкой улыбкой, которую она выдавила из себя. — Забудьте. Уже не актуально. Всё хорошо.

Она опустила бутылку. Поставила её на пол, рядом с собой. Аккуратно. Осторожно. Будто боялась, что стекло разобьётся, если сделать это слишком резко. Повисла пауза. Недоумённая. Усок открыл рот, собираясь что-то сказать, но Сара мягко коснулась его руки, и он закрыл рот.

— Ну, — сказал Усок, нарушая тишину, и хлопнул себя по коленям: — Тогда, может, чаю? Я ставлю.

— Я помогу, — поднялась Ёсу, явно радуясь поводу отвлечься от напряжённой атмосферы.

Кто-то ещё зашевелился. Джихан потянулся за телефоном, как и Сара. Юна зевнула, прикрывая рот. Юнгёк сидел неподвижно, глядя в камин. Его лицо ничего не выражало ни разочарования, ни облегчения. Просто маска. Сокджун медленно наблюдал за всеми. Он не сказал ни слова. Хёнджун задержал на Карине взгляд на секунду дольше, чем остальные. Потом коротко кивнул будто принял что-то к сведению и отвернулся к окну, за которым всё ещё шёл дождь.

Карина сидела неподвижно, глядя на пустую бутылку у своих ног. Она шагнула к краю. Заглянула в пропасть. И сделала шаг назад. Потому что свет включился, и в этом свете пропасть перестала быть таинственной. Она стала просто ямой. А Карина не была готова падать туда, где её увидят....

Карина лежала на своей половине кровати, глядя в потолок. Комната утонула в полумраке, только тусклый свет настольной лампы на тумбе Юны разгонял темноту, да свечи на второй тумбе так и остались незажжёнными.

За окном шёл дождь. Не тот, что тогда шумный, хлёсткий, с порывами ветра. Этот был тихим, ровным, почти ласковым. Он стучал по стеклу мягко, настойчиво, как пальцы, выстукивающие знакомый ритм. Капли стекали вниз, размывая тёмный лес за окном, превращая его в акварельный, расплывчатый пейзаж.

Пахло деревом и влагой. Тем особенным запахом, который бывает только в деревянных домах во время дождя — когда стены впитывают сырость, а полы пахнут смолой и временем. Пахло ещё и Юной — её шампунем, чем-то сладковатым, ванильным, и чуть-чуть — чаем, который они пили перед сном.

Карина повернула голову. Юна спала. Она свернулась калачиком на своей половине, уткнувшись носом в подушку, и одеяло сбилось куда-то под бок, оголив плечо. Волосы рассыпались по подушке тёмным веером, дыхание было ровным, глубоким, чуть слышным. Губы приоткрыты, ресницы отбрасывали лёгкие тени на щёки. Во сне она казалась младше. Беззащитнее. И как она умудрялась не высыпаться — загадка. Казалось, она могла уснуть где угодно, в любой позе, под любой шум. Но вот она спит, а завтра снова будет тереть глаза и жаловаться, что опять не выспалась. Карина осторожно приподнялась на локте. Потянулась к краю одеяла, и поправила. Медленно. Стараясь не разбудить. Одеяло, укрывало плечо, заправляясь под подбородок. Та что-то пробормотала во сне неразборчивое, тёплое и уткнулась носом в подушку глубже, почти зарываясь в неё. Выдохнула тихо, довольно, как кот, которого накрыли пледом в холодную ночь.

Карина задержала взгляд на ней на секунду. Потом опустилась обратно на подушку и взяла телефон. Экран вспыхнул, осветив её лицо холодным голубоватым светом. Она открыла галерею. И нашла видео, которое Юна скинула ей — когда они только вернулись из леса, и Карина даже не успела его посмотреть. Она нажала «воспроизвести».

Лес встретил её с экрана. Запах хвои и влажной земли, пение птиц, казалось, донёсся даже сквозь стекло и динамик. На экране была она. Карина. Со спины. Серая толстовка, капюшон, скрывающий волосы. Лица не видно только расслабленные плечи и книга в руке, которую она держала бережно, будто единственное, что имело значение в этом лесу. Свет скользил по капюшону, по корешку, по траве у ног и вся она, от линии плеч до кончиков пальцев, была воплощением тишины. Карина смотрела на это видео и не узнавала себя. Со стороны она казалась такой спокойной. Такой настоящей. Такой, какой себя не помнила.

Она провела пальцем по экрану. Следующее видео. Поле. Она сама снимала. Они побежали. Все четверо. Трава разрезалась коленями, лёгкие горели, но они бежали, в сумерках, по высокой траве. Смех — громкий, настоящий. Экран прыгал, ловил спины, поле, горы, темнеющее небо. Кто-то крикнул что-то неразборчивое, кто-то взвизгнул. Голоса звонкие, прерывистые от смеха и бега разлетались по лесу, разбивая вечернюю тишину на осколки. Карина перемотала. Пустила снова. И снова. Смех. Бег. Трава.

Ещё одно видео. Костёр. Ночь. В кадре только пламя. Карина смотрела на застывший кадр. На искры, замершие в полёте. На пламя, которое уже никогда не будет таким, как в этот вечер.

За окном тихо шёл дождь.

Девушка задержала палец над экраном. Потом открыла инстаграм. Карина открыла сторис. Не для того, чтобы показать, а чтобы запомнить. Чтобы осталось. Чтобы, когда город снова накроет серым одеялом будней, когда привычная пустота вернётся и заполнит грудную клетку, она могла открыть этот маленький квадрат света и вспомнить: она тоже умеет быть счастливой. Не напоказ, не для лайков, а так по-настоящему. Просто быть. Просто дышать. Просто лежать на мху с книгой, пока мир замирает вокруг, и чувствовать, как внутри распускается что-то давно забытое, похожее на покой. Этот лес не спрашивал, почему она молчит. Он просто принимал её такой, какая есть со всей тишиной, которую она носила в себе. И в этой тишине, среди сосен и закатного света, она вдруг поняла: счастье это не когда всё идеально. Это когда ты наконец разрешаешь себе быть. Без масок. Без страха. Просто быть.

Первая история. То самое видео, где она лежит на мху, с книгой, закрывающей небо. Замедленный кадр. Она наложила текст, белым, тонким шрифтом, в самом низу экрана, чтобы не закрывать кадр:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.